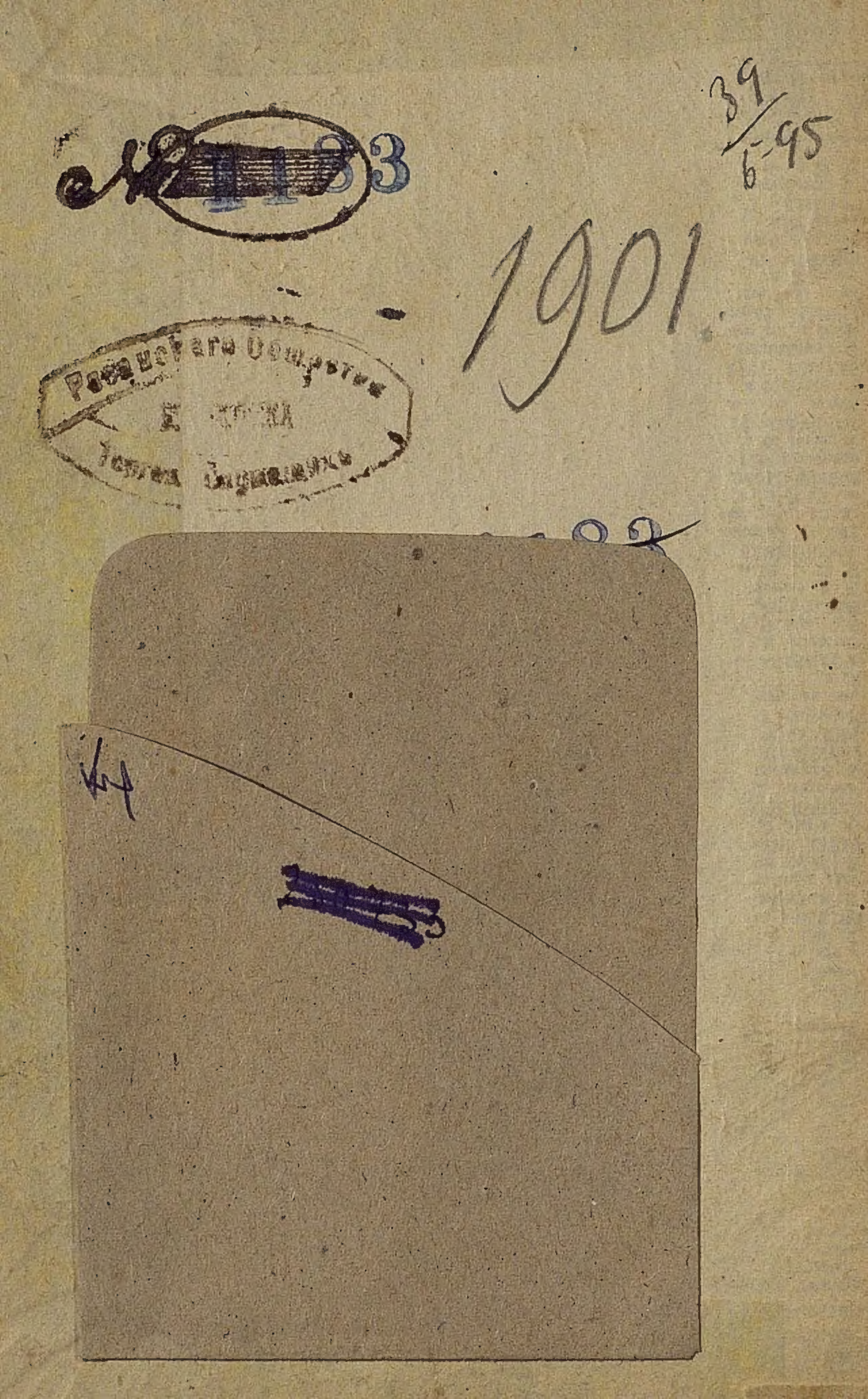
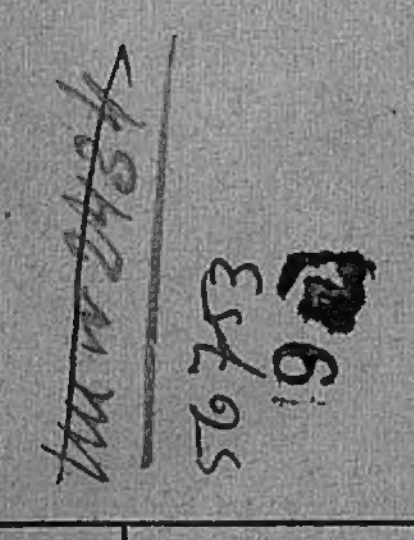
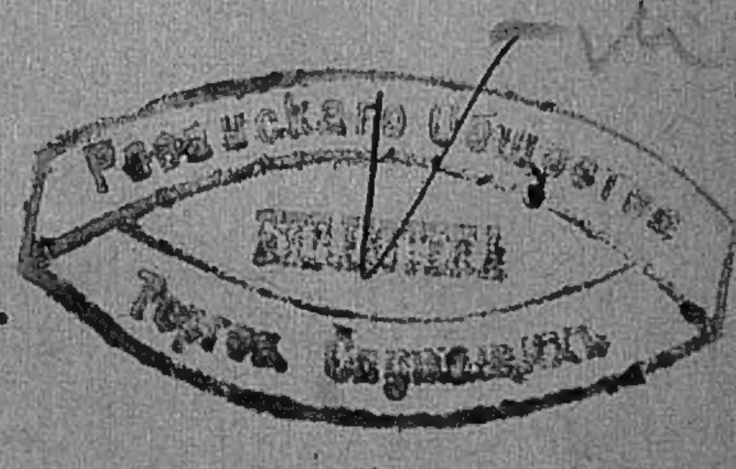

947
P 894
947
P-894

39/6-95
1901

РУССКІЙ БЫТЪ.

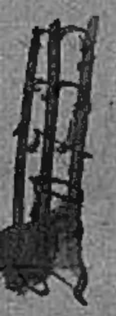
ОЧЕРКИ.

ИЗЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ:

Ибнъ-Дашта, Олеарія, Котошихина, Посошкова, Болотова, Герцена, Костомарова, Забѣлина, Михайловскаго, Ключевскаго, Короленки, Тугана-Барановскаго.

ПЕТРОГРАДЪ.
Изданіе „Жизни для Всѣхъ".
1914.

Типографія Т-ва «**Грамотность**», 5 Рождеств., 44.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Цѣль данной книги дать рядъ очерковъ изъ жизни русскаго народа въ различныя эпохи. Эти очерки не охватываютъ всѣхъ сторонъ жизни русскаго народа, а представляютъ только болѣе или менѣе яркія характеристики различныхъ группъ общества въ различныя эпохи въ изображеніи наиболѣе талантливыхъ историковъ и писателей, произведенія которыхъ могутъ служить матерьяломъ для историка. Въ связи съ этими характеристиками мы помѣщаемъ очеркъ развитія въ Россіи различныхъ общественныхъ группъ.

Съ ходомъ исторіи замѣчается въ жизни общества все большая дифференціація: первоначально однородное общество распадается на классы, различныя между собою и по хозяйственной дѣятельности, и по культурѣ, и по міровоззрѣнію. Разнообразіе формъ жизни русскаго народа усиливается громаднымъ пространствомъ, на которомъ раскинулось русское племя, разнородностью самого этого племени, дѣлящагося на три вѣтви, вліяніемъ другихъ народовъ, — сосѣднихъ и входящихъ въ составъ русскаго государства.

Когда въ VII вѣкѣ славяне стали расселяться по русской равнинѣ, они сохраняли еще господствовавшій у нихъ до того времени родовой патріархальный бытъ; «живяху каждо со своимъ родомъ и на своихъ мѣстахъ, воладѣюще каждо родомъ своимъ», свидѣтельствуетъ лѣтопись о первомъ времени жизни славянъ. Въ связи съ бытомъ находилось и міровоззрѣніе славянъ: господствовалъ культъ предковъ, поклоненіе умершему родоначальнику. Но природа страны, въ которую попали славяне, разрушила родовой бытъ. Лѣсъ, въ которомъ

селились славяне, приходилось вырубать, расчищать отдѣльныя мѣста, и на такихъ небольшихъ мѣстахъ уже не могъ селиться цѣлый родъ, а селилась отдѣльная семья, правда, семья большая, со взрослыми сыновьями, братьями и даже посторонними лицами. Природа страны опредѣлила на первыхъ порахъ также хозяйственную дѣятельность населенія: лѣсъ давалъ возможность заниматься охотой и бортничествомъ, рѣка—рыболовствомъ, черноземныя пространства—земледѣліемъ.

Въ первое время своей исторической жизни славяне представляли довольно однородную массу. Верховная власть при родовомъ бытѣ принадлежала главѣ рода—родоначальнику; при семейномъ бытѣ—главѣ семьи. Только при общей опасности или при крупныхъ предпріятіяхъ, когда нѣсколько семействъ соединялись вмѣстѣ, выбирался предводитель, который впослѣдствіе сталъ называться княземъ. Сначала власть эта временная, но потомъ она превратилась въ постоянную. Такъ возникли славянскія княжества. Варяжскія же княжества образовались путемъ завоеванія варяжскими дружинами и ихъ предводителемъ-княземъ отдѣльныхъ славянскихъ областей или наймомъ такихъ дружинъ для защиты земли отъ кочевниковъ. Населеніе области жило своею, независимою отъ князя жизнью; роль князя заключалась въ защитѣ земли: это была его обязанность, а его правомъ была дань, собираемая имъ съ населенія и право ѣздить «на полюдье», т. е. всю зиму съ дружиной кормиться на счетъ населенія. Получаемой данью князь торговалъ съ сосѣдними странами; съ кочевниками онъ боролся, имѣя въ виду свои собственные хозяйственные интересы.

Съ принятіемъ христіанства власть князя получаетъ иной характеръ; авторитетъ князя растетъ, такъ какъ духовенство приноситъ изъ Византіи мнѣніе о божественномъ происхожденіи власти. Съ усложненіемъ жизни расширяется и дѣятельность князя; на него падаетъ судъ и управленіе; также заботится князь о распространеніи христіанства. Но все-таки взглядъ князя на землю прежній—какъ на предметъ хозяйственной

эксплоатаціи. При очередномъ порядкѣ, который установился на Руси, предметомъ эксплоатаціи князя являлась вся страна; онъ передвигался изъ одного княжества въ другое. Не мѣняется отношеніе князя къ землѣ и при удѣльномъ порядкѣ, смѣнившемъ очередной порядокъ; на свой удѣлъ князь смотритъ, какъ на свою вотчину; различныя отрасли управленія для него являются лишь различными статьями управленія дворцоваго хозяйства.

Съ перенесеніемъ центра русской государственной жизни съ юга на сѣверо-востокъ власть князя пріобрѣтаетъ все болѣе самодержавный характеръ; объясняется это тѣмъ, что на с.-в. князь обыкновенно первый захватывалъ занимаемую имъ мѣстность, являлся ея первымъ хозяиномъ. Ростъ власти князя сказывается на его отношеніи къ боярству и къ вѣчу. Въ первые вѣка существованія княжеской власти, князь только первый среди равныхъ въ своей дружинѣ; онъ дѣлится доходами съ дружиной, совѣтуется съ ней; жизнь ихъ общая. Изъ дружины же выдѣляется впослѣдствіи Боярская Дума, которая обсуждаетъ съ княземъ всѣ дѣла, болѣе или менѣе значительныя. Наряду съ княжеской властью существуетъ въ городахъ вѣче, которое выросло изъ совѣщаній главъ семействъ съ временнымъ предводителемъ. Вѣче состояло изъ всѣхъ свободныхъ домохозяевъ. Изъ всѣхъ областей вѣче наибольшую власть получило въ Новгородѣ, гдѣ оно пользовалось правомъ «показать князю путь изъ Новгорода», въ Псковѣ, и въ Вяткѣ, гдѣ совсѣмъ не было власти князя. Когда въ Кіевской Руси князья были заняты междуусобицами, вѣче получило большое значеніе, но при перенесеніи центра государственной жизни въ Ростово-Суздальскую область, княжеская власть получила перевѣсъ надъ властью вѣча и Боярской Думы. На ростъ значенія княжеской власти оказало также вліяніе татарское владычество, какъ примѣръ восточнаго деспотизма. Съ объединеніемъ Руси около Москвы, московскій князь получаетъ особенное значеніе: ему подвластны теперь бывшіе удѣльные князья, которые были ему раньше, какъ всякому старшему князю,

подчинены не юридически, а скорѣе нравственно: великій князь только старшій между равными.

Однако бытъ князя мало чѣмъ отличался отъ быта окружавшихъ его бояръ до того времени, какъ началъ княжить Іоаннъ III. Бракъ его съ Софіей Палеологъ далъ ему основаніе считать себя преемникомъ Византійскихъ императоровъ, уничтоженіе татарскаго ига сдѣлало его независимымъ государемъ; все это ведетъ къ тому, что Іоаннъ III принимаетъ титулъ царя и самодержца, а при дворѣ вводитъ чопорность и церемоніалъ. Возвышенію власти государя по-прежнему мѣшаетъ боярство, вмѣшательство котораго въ дѣятельность князя стало особенно значительно послѣ того, какъ въ среду бояръ попали прежніе удѣльные князья. Особенно острую форму принялъ антогонизмъ бояръ и государя при Іоаннѣ IV, который принизилъ значеніе крупнаго боярства. Но въ эпоху Смутнаго времени то же боярство, напуганное правленіемъ Іоанна IV, дѣлаетъ при избраніи на царство Василія Шуйскаго первую въ Россіи попытку ограничить царскую власть. Однако короткое царствованіе Василія Шуйскаго не дало возможности привиться этой первой русской «конституціи». Казалось бы Земскіе Соборы ограничивали княжескую власть; но въ XVI вѣкѣ земскіе соборы являются просто собраніемъ должностныхъ лицъ по назначенію правительства; они имѣли освѣдомительное значеніе; при отсутствіи печати правительство могло знакомиться съ мѣстными дѣлами только такимъ путемъ. Смута вноситъ новый элементъ въ пониманіе власти государя; государь превратился изъ вотчинника въ главу государства. Дѣятельность царей новой династіи впродолженіи XVII вѣка считается съ Земскими Соборами; въ нихъ новая династія ищетъ себѣ опоры, а сами Соборы пріобрѣтаютъ новый характеръ: въ нихъ начинаетъ преобладать выборный элементъ, иногда даже на нихъ присутствуютъ представители свободнаго земледѣльческаго населенія. Но съ возстановленіемъ государственнаго порядка, расшатаннаго смутой, власть государя утверждается, Земскіе Соборы перестаютъ созываться, и въ лицѣ Петра I мы встрѣчаемъ уже вполнѣ

самодержавнаго монарха, который могъ сказать про власть государя: «Его Величество есть самовластный монархъ, который никому на свѣтѣ отвѣта дать не долженъ, но силу и власть имѣетъ свои государства и земли, яко христіанскій государь, по своей волѣ и благонамѣренію управлять». Также при Петрѣ I перестали собираться Боярская Дума, замѣненная Сенатомъ, вполнѣ подчиненнымъ власти государя. На протяженіи XVIII вѣка мы видимъ попытки ограничить верховную власть только со стороны высшей знати: служебной и родовой; таково учрежденіе Верховнаго Тайнаго Совѣта, призвавшаго на русскій престолъ Анну Іоанновну и вручившаго ей «пункты», ограничивающіе ея права—попытка неудачная и заставившая среднее дворянство вполнѣ справедливо видѣть въ ней олигархическую затѣю. Власть государя оставалась самодержавной, но фактически находилась въ рукахъ случайно выдвинувшихся людей—временщиковъ.

Въ XIX вѣкѣ была сдѣлана попытка ограниченія самодержавной власти со стороны выросшаго къ тому времени дворянскаго образованнаго общества. Попытка эта имѣла въ виду интересы всего народа, а не одного высшаго класса, но, исходя отъ представителей дворянской молодежи безъ участія народныхъ массъ, она не имѣла успѣха.

Сословія русскаго общества въ томъ видѣ, въ которомъ мы ихъ знаемъ сейчасъ, сложились лишь къ началу XVIII вѣка. До этого существовали общественныя группы, съ неопредѣленными границами, при существованіи «вольныхъ людей», не принадлежащихъ ни къ одной изъ существующихъ общественныхъ группъ. Ростъ государства, растущіе государственные расходы заставили эти неопредѣленныя общественныя группы превратиться въ замкнутыя сословія.

Въ эпоху Кіевской Руси высшимъ классомъ общества явился вооруженный торгово-промышленный классъ. При князѣ такимъ классомъ была дружина. Вмѣстѣ съ княземъ дружина ѣздила на «полюдье» и

получала часть дани; а съ развитіемъ государства князь назначалъ дружинниковъ на различныя должности; высшій слой дружины сидѣлъ въ Думѣ. Въ рукахъ дружинниковъ, высшій слой которыхъ получилъ названіе бояръ, скоплялись, благодаря торговли, которую они вели, большія богатства. Богатство создавало зависимость отъ нихъ бѣдныхъ людей, которые при неоплатномъ долгѣ, теряли свободу и превращались въ холоповъ. Это же богатство давало боярамъ возможность обрабатывать при помощи труда холоповъ и капитала большія пространства земли, и такимъ образомъ, сосредоточивало въ ихъ рукахъ также и земельныя богатства. Обязанности ихъ заключались въ несеніи военной службы, но по отношенію къ князю это были свободные люди: до окончательнаго образованія Московскаго Государства они сохраняли право перехода отъ одного князя къ другому. Съ уничтоженіемъ удѣловъ, бывшія удѣльныя князья образовали верхній слой боярства; ихъ значеніе было велико, такъ какъ обыкновенно они сохраняли свои удѣлы или какъ ихъ намѣстники, или же какъ вотчинники. Въ связи съ появленіемъ этого новаго элемента въ боярствѣ возникло мѣстничество со своимъ строгимъ соблюденіемъ соотвѣтствія родовитости даннаго лица и занимаемой имъ должности. Какъ уже было указано, боярство было сломлено Іоанномъ IV и Смутой, и какъ замѣна мѣстничеству явилась петровская табель о рангахъ, съ опредѣленіемъ мѣста по заслугамъ.

Другой частью высшаго слоя русскаго общества, также ведущаго свое начало отъ дружины и въ послѣдующіе вѣка входившаго въ составъ служилаго класса, обязанность котораго заключалась въ несеніи военной службы,—было дворянство, выдѣлившееся какъ самостоятельная группа въ серединѣ XVII вѣка, и сыгравшее такую большую роль въ исторіи Россіи. Дворянство составилось изъ такъ называемыхъ дѣтей боярскихъ, связанныхъ службой съ государевымъ дворомъ. Дворянство въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи получило значеніе военнаго и земледѣльческаго класса. Такъ какъ потребность въ воинахъ росла, то владѣлецъ землей долженъ былъ приводить на службу вооружен-

ныхъ ратниковъ. Въ вознагражденіе за службу, помимо денежнаго жалованья, служилый человѣкъ получалъ во временное пользованіе помѣстье, которое должно было ему обезпчить правильное несеніе службы. Сначала вотчина, какъ собственность владѣльца, строго отличалась отъ помѣстья, но къ концу XVII вѣка вотчинное землевладѣніе вытѣснило помѣстье. Военная служба не была исключительнымъ занятімъ дворянъ; до Петра I переходъ отъ военной къ гражданской службѣ совершался довольно легко. Обязанности дворянъ вполнѣ опредѣленно установилъ Петръ I; онъ заставилъ всѣхъ дворянъ служить на военной службѣ; только треть семьи могла занимать должности гражданскія. Также хотѣлъ Петръ I сдѣлать дворянство проводникомъ просвѣщенія въ Россіи; для этого онъ посылалъ за границу дворянскихъ сыновей, сдѣлалъ для дворянъ обязательнымъ обученіе. Но просвѣщеніе понималось Петромъ I однострононне, и первое время дворяне могли быть только проводниками техническихъ знаній и внѣшней стороны европейской культуры. Лишь черезъ нѣкоторое время дворянство стало дѣйствительнымъ носителемъ просвѣщенія и общественныхъ теченій въ Россіи. Создалась цѣлая дворянская культура; изъ среды дворянства вышли великіе русскіе ученые и писатели; первые попытки общественной инициіативы, вродѣ кружковъ Новикова, первое выступленіе общественнаго движенія—вспышка 14 декабря принадлежатъ дворянству. Но на томъ же дворянствѣ лежитъ отвѣтственность за злоупотребленіе своей властью надъ крестьянами.

Расцвѣтъ значенія дворянства принадлежитъ эпохѣ,послѣдовавшей послѣ смерти Петра I. Гвардія, сформированная Петромъ I изъ дворянъ, благодаря своему положенію, совершила въ теченіе XVIII вѣка рядъ дворцовыхъ переворотовъ. Жалованная грамота дворянству и грамота о вольности дворянства, освободивъ дворянство отъ обязательной службы, сдѣлала его исключительно привеллегированнымъ сословіемъ и лишили право владѣнія дворянъ населенными помѣстьями всякаго основанія. Въ царствованіе Екатерины II

дворянство получило также сословное самоуправленіе; въ рукахъ дворянъ оказалось почти все управленіе, такъ какъ дворяне свободные отъ военной службы, предпочитали жить въ городахъ, пользуясь ссудами изъ кредитныхъ учрежденій, устроенныхъ Екатериной II также въ интересахъ дворянства, не для улучшенія хозяйственнаго быта — въ деревняхъ при усиливающихъ крестьянскихъ волненіяхъ стало жить неспокойно,—а для личнаго комфорта. Только въ XIX вѣкѣ, когда населеніе Россіи очень возросло и цѣнность земли сильно поднялась, дворяне обратили вниманіе на сельское хозяйство. Нѣкоторые сдѣлались сторонниками освобожденія крестьянъ, но безъ земли, такъ какъ подневольный трудъ—мало интесивенъ, а земля—цѣнна. Однако навстрѣчу крестьянской реформѣ дворянство шло медленно. Послѣ освобожденія крестьянъ оно получило какъ плату за землю процентныя бумаги, но все-таки, благодаря лишенію земли, началось «осудѣніе» дворянства. На это обратило вниманіе правительство Александра III; оно хотѣло заставить дворянъ опять занять первенствующее мѣсто въ государствѣ, такъ какъ видѣло въ немъ опору для борьбы «съ крамолой и съ отрицательными теченіями русской общественной жизни». Устроенъ былъ Дворянскій Земельный Банкъ съ льготными условіями кредита для дворянъ; въ земскихъ учрежденіяхъ дворянство получило перевѣсъ надъ всѣми другими элементами, учреждалась должность земскихъ начальниковъ.

Уже во вторую четверть XIX вѣка въ средѣ образованнаго дворянства стали появляться разночинцы, приливъ которыхъ особенно усилился послѣ эпохи великихъ реформъ. Дворянство перестало быть передовымъ классомъ русскаго общества; появилась новая внѣсословная группа — интеллигенція, носительница просвѣщенія и передовыхъ общественныхъ теченій русской мысли. На долю дворянства, какъ сословной группы, остались консервативныя теченія.

Съ дворянствомъ въ своей исторической судьбѣ тѣсно былъ связанъ классъ крестьянъ. Россія, по своимъ природнымъ условіямъ, страна земледѣльческая, но въ первые вѣка существованія русскаго государства, въ эпоху Кіевской Руси, земледѣліе не получило преобладающаго значенія. Такое значеніе оно получило, когда началось заселеніе сѣв.-вост. Руси, гдѣ торговля, имѣвшая преобладаніе въ Кіевской Руси, стала невозможна. Россія изъ городовой обратилась въ сельскую. Стали расчищаться новыя мѣста; одни крестьяне селились на свободныхъ земляхъ, другіе же, нуждающіеся въ ссудѣ, селились на частныхъ земляхъ, и попадали въ положеніе закуповъ Кіевской Руси: за землю нужно было платить ея владѣльцу, ссуду выплачивать, и отрабатывать за нее проценты. Крестьянинъ отбывалъ «издѣлье» — барщину, или платилъ оброкъ. Выплативъ ссуду, крестьянинъ воленъ былъ уходить отъ своего хозяина. Кромѣ обязанностей по отношенію къ землевладѣльцу, крестьянинъ имѣлъ также обязанность по отношенію къ государству: онъ платилъ по количеству обрабатываемой земли подать. Но такъ какъ задолженность крестьянина возростала, а помѣщику нужны были люди для несенія военной службы, правительство уже въ XVI вѣкѣ стало стѣснять право перехода крестьянъ. Государственная подать также была тяжела для крестьянъ: развилось закладничество за богатыхъ, и крестьянинъ переставалъ быть членомъ общества. Государственная подать раскладывалась по крестьянскимъ общинамъ, которыя были связаны круговой порукой въ уплатѣ податей каждымъ крестьяниномъ: крестьянинъ былъ прикрѣпленъ къ общинѣ. Такъ какъ подать по «сохамъ» (по землѣ) вызвала сокращеніе пространства распахиваемой крестьянами земли, то въ концѣ XVII вѣка было введено подворное обложеніе, а когда и эта мѣра привела къ тому, что стали разростаться дворы, установлена была подушная подать. Сначала подать вносилась въ казну самимъ крестьяниномъ, впослѣдствіе за крестьянъ стали вносить подати ихъ владѣльцы, и такимъ образомъ крестьянинъ переставалъ быть членомъ общества. Пет-

ровской ревизіей 1617 года холопы были переписаны наравнѣ съ крестьянами, за холоповъ стала взиматься подушная подать; крестьяне слились съ холопами, и это ухудшило положеніе крестьянъ. Въ теченіе всего XVIII вѣка происходитъ уничтоженіе крестьянскихъ правъ и увеличеніе произвола помѣщика. Издаются запрещенія вступать крестьянамъ въ подряды и откупа, покупать землю, рекрутовъ, поступать на военную службу помимо очереди—тогда какъ прежде это позволялось; помѣщики получаютъ право продавать крестьянъ въ рекруты, торговать ими, вмѣшиваться въ хозяйство крестьянина, ссылать за провинности въ Сибирь; у крестьянъ же отнято даже право жаловаться; имъ оставлены только нѣкоторые незначительные права собственности.

Въ XIX вѣкѣ начинается обратный процессъ: появляются указы, улучшающія положеніе крестьянъ. Еще въ 1797 г. устанавливаются дни барщины; Александръ I издаетъ указъ о вольныхъ хлѣбопашцахъ, Николай I о временно-обязанныхъ крестьянахъ,—указы не облегчившіе положенія креестьянъ, такъ какъ ставили освобожденіе въ зависимость отъ воли помѣщика. Освобожденіе совершилось лишь тогда, когда подневольный трудъ сдѣлался тормазомъ развивающейся промышленности и когда крестьянскія волненія стали принимать угрожающій характеръ.

Съ крестьянскими волненіями мы встрѣчаемся, начиная съ XVI вѣка; они происходили или вслѣдствіе роста государственныхъ податей и косвенныхъ налоговъ, или вслѣдствіе злоупотребленій воеводъ, чиновниковъ и помѣщиковъ. Волненія вспыхнули также послѣ войны 1812 года. «Мы проливали кровь за спасеніе отечества,—говорили крестьяне,—а насъ опять заставляютъ потѣть на барщинѣ; мы избавили родину отъ тирана, а насъ опять тиранятъ господа».

Освобожденные кресьяне должны были платить выкупные платежи по высокой расцѣнкѣ; эти выкупные платежи были растянуты на 49 лѣтъ, и, кромѣ того, первое время крестьяне сохраняли еще нѣкоторыя обязанности по отношенію къ своимъ помѣщикамъ. Част-

новладѣльческимъ крестьянамъ, какъ уже раньше государственнымъ крестьянамъ, даны были органы самоуправленія, право суда, но по незначительнымъ дѣламъ, а съ введеніемъ института земскихъ начальниковъ—эти органы были подчинены земскому начальнику. Надѣлы, полученные крестьянами при освобожденіи, оказались слишкомъ незначительными: началось усиленное переселеніе въ Азію. Ростъ промышленности, начавшійся послѣ реформъ, вызвалъ отливъ крестьянскаго населенія изъ деревни въ городъ; одни изъ крестьянъ сохраняютъ связь съ ней: въ деревнѣ остается земля, часто семья, крестьянинъ пріѣзжаетъ на полевыя работы въ деревню; другія же крестьяне теряютъ окончательно связь съ деревней, образуя классъ городского пролетаріата. За послѣднее время большую роль въ измѣненіи крестьянскаго быта сыгралъ законъ 9 ноября: одни изъ крестьянъ дѣлаются мелкими собственниками, другіе же, продавъ свои участки, направляются въ городъ, окончательно порвавъ съ деревней.

За послѣднія десятилѣтія наблюдается въ Россіи быстрый ростъ торгово-промышленнаго класса и связаннаго съ нимъ рабочаго класса.

Въ Кіевской Руси не было обособленнаго торгово-промышленнаго класса; торговлей занимался князь, и дружина; предметомъ торговли были рабы, медъ, воскъ и мѣха. Въ эту эпоху развитіе получилъ городъ, какъ складочное мѣсто товаровъ и центръ ихъ обмѣна. Особенное развитіе получила торговля въ Новгородѣ, гдѣ появились крупные капиталисты, «гости», ведущіе торговлю съ западно-европейскими странами. Но по существу городъ мало еще чѣмъ отличался отъ деревни. Еще въ XV—XVI вѣкѣ онъ сохраняетъ неопредѣленный составъ; такъ называемыя, посадскіе люди занимаются различными ремеслами и торговлей, другая же часть жителей города занимается земледѣліемъ. Также въ деревняхъ существуютъ различные промыслы, такъ что городъ по существу—большая деревня. Города же на окраинахъ государства имѣли лишь значеніе сторожевыхъ пунктовъ. Нѣтъ еще замкнутаго

торговаго и промышленнаго сословія; торговлей и промышленностью занимаются люди самыхъ разнообразныхъ сословій. Петръ I обратилъ вниманіе на подобное состояніе городовъ и хотѣлъ искусственно насадить въ Россіи крупную промышленность. Причинами застоя промышленности было господство натуральнаго хозяйства, отсутствіе широкихъ потребностей, которымъ бы удовлетворяла промышленность, отсутствіе техническихъ знаній и рабочихъ рукъ. Петръ I даетъ городамъ самоуправленіе, выписываетъ иностранныхъ мастеровъ, приписываетъ къ заводамъ и фабрикамъ крестьянъ—такъ называемые поссесіонные фабрики—и этимъ даетъ начало капиталистическому производству. Но промышленность по прежнему мало развивалась.

Екатерина II также заботилась о развитіи городовъ, она хотѣла создать «третье сословіе»—буржуазію, но неудачно. Правда, промышленность развивается. Дворяне, освобожденные отъ обязательной военной службы, устраиваютъ фабрики («вотчинные» фабрики), на которыхъ работаютъ крѣпостныя. Система экономической свободы привлекала въ Россію иностранные капиталы, оброчная система хозяйства, развивавшаяся на сѣверѣ, доставляла на фабрики рабочія руки; также оживила фабрика кустарные промыслы. Слабое развитіе промышленности продолжалось до освобожденія крестьянъ, которое и было вызвано потребностью имѣть свободный трудъ. Еще въ царствованіе Николая I городъ по-прежнему—деревня; часто деревня возводится въ званіе города только потому, что правительству нужны административные центры; населеніе города незначительно: оно состоитъ изъ чиновниковъ и изъ ремесленниковъ, работающихъ на нихъ; бюрократія подчиняетъ себѣ органы городского самоуправленія. Послѣ же освобожденія крестьянъ исчезаютъ старыя формы фабричной промышленности, появляется фабрика съ вольнонаемнымъ трудомъ; растетъ внутренняя торговля, вслѣдствіе постепеннаго исчезновенія натуральнаго хозяйства. Ростъ рабочаго класса и недовольство его своимъ положеніемъ, вызвали въ цар-

ствованіе Александра III изданіе фабричныхъ законовъ, опредѣляющихъ отношенія между фабрикантами и рабочими; учреждена была также фабричная инспекція, слѣдящая за исполненіемъ фабричныхъ законовъ. Началось движеніе рабочихъ, напрваленное на улучшеніе экономическихъ условій и на пріобрѣтеніе политическихъ правъ.

Въ исторіи Россіи, именно до реформъ Петра I, духовенство сыграло значительную роль. Первые духовные лица явились въ Россію изъ Греціи вмѣстѣ съ введеніемъ христіанства; это были греки, которые принесли въ Россію Византійскую образованность. Въ первые вѣка своего существованія духовенство, вмѣстѣ съ княземъ и высшимъ слоемъ русскаго общества, были носителями просвѣщенія. Связь съ Византіей поддерживалась тѣмъ, что главой русской церкви до XVII вѣка считался Византійскій патріархъ, а епископы и митрополиты до XIV—XV вѣка присылались изъ Греціи. Центрами распространенія просвѣщенія сдѣлались монастыри, въ которыхъ хранились и переписывались книги. Однако аскетизмъ, который заставлялъ людей идти въ монастыри, былъ воспринятъ лишь какъ умерщвленіе плоти, безъ всякаго мистическаго элемента. Монастыри-пустынножительства сыграли и другую роль въ исторіи Россіи: они имѣли колонизаторское значеніе, такъ какъ за пустынникомъ, уходившимъ въ глухіе лѣса, тянулось населеніе. До Петровской реформы духовенство имѣло громадное значеніе въ свѣтскихъ дѣлахъ. Россія дѣлилась на епархіи, и стоящій во главѣ епископъ имѣлъ власть надъ церковными людьми: духовенствомъ съ семьями и людьми, находившими подъ покровительствомъ церкви. Церковный судъ также охватывалъ широкую область дѣлъ: дѣла вѣры, семейныя и нравственныя. Богатство духовенства—денежныя и земельныя—росли, такъ что въ XVI возникъ даже вопросъ объ отобраніи земель отъ духовенства. Власть церковная вмѣшивалась въ дѣла власти свѣтской,—это было какъ бы государство въ го-

сударствѣ; особенное значеніе пріобрѣла власть патріарха; и патріархъ Никонъ выставлялъ даже принципъ главенства духовной власти надъ свѣтской. Но рядомъ съ такимъ значеніемъ, пріобрѣтеннымъ духовенствомъ, мы замѣчаемъ низкій уровень культурности представителей того же духовенства. Священники сплошь и рядомъ безграмотны, не знаютъ хорошенько церковной службы, пьянствуютъ. Лишь въ царствованіе Екатерины II, съ учрежденіемъ семинарій, нарождается новый типъ священника—«ученаго», знакомаго и съ богословіемъ и съ философіей. Послѣ же Петровскихъ реформъ измѣняется совершенно положеніе духовенства: оно вполнѣ подчиняется власти государства; патріаршество уничтожается, замѣнное бюрократическимъ учрежденіемъ—Синодомъ; земли монастырскія берутся въ вѣдѣніе монастырскаго приказа; само сословіе духовенства дѣлается замкнутымъ и должность священника, большею частью, наслѣдственной. Съ развитіемъ въ Россіи западно-европейской образованности, духовенство уже не можетъ быть носителемъ просвѣщенія, и роль его въ исторической жизни окончательно исчерпывается.

Т. П.

РУССКАЯ ПРИРОДА.

(В. Ключевскій. Курсъ русской исторіи).

Лѣсъ, степь и рѣка—это, можно сказать, основныя стихіи русской природы по своему историческому значенію. Каждая изъ нихъ и въ отдѣльности сама по себѣ приняла живое и своеобразное участіе въ строеніи жизни и понятій русскаго человѣка. Въ лѣсной Россіи положены были основы русскаго государства, въ которомъ мы живемъ: съ лѣса мы и начнемъ частичный обзоръ этихъ стихій.

Лѣсъ сыгралъ крупную роль въ нашей исторіи. Онъ былъ многовѣковой обстановкой русской жизни: до второй половины XVIII в. жизнь наибольшей части русскаго народа шла въ лѣсной полосѣ нашей равнины. Степь вторгалась въ эту жизнь только злыми эпизодами, татарскими нашествіями да казацкими бунтами. Еще въ XVII в. западному европейцу, ѣхавшему въ Москву на Смоленскъ, Московская Россія казалась сплошнымъ лѣсомъ, среди котораго города и села представлялись только большими или малыми прогалинами. Даже теперь болѣе или менѣе просторный горизонтъ, окаймленный синеватой полосой лѣса—наиболѣе привычный пейзажъ средней Россіи. Лѣсъ оказывалъ русскому человѣку разнообразныя услуги хозяйственныя, политическія и даже нравственныя: обстраивалъ его сосной и дубомъ, отапливалъ березой и осиной, освѣщалъ его избу березовой лучиной, обувалъ его лыковыми лаптями, обзаводилъ домашней посудой и мочаломъ. Долго и на сѣверѣ, какъ прежде на югѣ, онъ питалъ народное хозяйство пушнымъ звѣремъ и лѣс-

ной пчелой. Лѣсъ служилъ самымъ надежнымъ убѣжищемъ отъ внѣшнихъ враговъ, замѣняя русскому человѣку горы и замки. Само государство, первый опытъ котораго на границѣ со степью не удался по винѣ этого сосѣдства, могло укрѣпиться только на далекомъ отъ Кіева сѣверѣ подъ прикрытіемъ лѣсовъ со стороны степи. Лѣсъ служилъ русскому отшельнику Ѳиваидской пустыней, убѣжищемъ отъ соблазновъ міра. Съ конца XIV вѣка люди въ пустынномъ безмолвіи искавшіе спасенія души, устремлялись въ лѣсныя дебри сѣвернаго Заволжья, куда только они могли проложить тропу. Но убѣгая отъ міра въ пустыню, эти лѣсопроходцы увлекали съ собою міръ туда же. По ихъ слѣдамъ шли крестьяне, и многочисленныя обители, тамъ возникавшія, становились опорными пунктами крестьянскаго разселенія, служа для новеселовъ и приходскими храмами, и ссудодателями, и богадѣльнями подъ старость. Такъ лѣсъ придалъ особый характеръ сѣверно-русскому пустынножительству, сдѣлавъ изъ него своеобразную форму лѣсной колонизаціи. Не смотря на всѣ такія услуги лѣсъ всегда былъ тяжелъ для русскаго человѣка. Въ старое время, когда его было слишкомъ много, онъ своей чащей прерывалъ пути-дороги, назойливыми зарослями оспаривалъ съ трудомъ расчищенные лугъ и поле, медвѣдемъ и волкомъ грозилъ самому и домашнему скоту. По лѣсамъ свивались и гнѣзда разбоя. Тяжелая работа топоромъ и огнивомъ, какою заводилось лѣсное хлѣбопашество на пали, расчищенной изъ-подъ срубленнаго и спаленнаго лѣса, утомляла, досаждала. Этимъ можно объяснить недружелюбное или небрежное отношеніе русскаго человѣка къ лѣсу: онъ никогда не любилъ своего лѣса. Безотчетная робость овладѣвала имъ, когда онъ вступалъ подъ его сумрачную сѣнь. Сонная, «дремучая» тишина лѣса пугала его; въ глухомъ, беззвучномъ шумѣ его вѣковыхъ вершинъ чуялось что-то зловѣщее; ежеминутное ожиданіе неожиданной, непредвидимой опасности напрягало нервы, будоражило воображеніе. И древне-русскій человѣкъ населилъ лѣсъ всевозможными страхами. Лѣсъ—это темное царство лѣшаго одногла-

заго, злаго духа-озорника, который любитъ дурачиться надъ путникомъ, забредшимъ въ его владѣнія. Теперь лѣсъ въ южной полосѣ средней Россіи—все рѣдѣющее напоминаніе о когда-то бывшихъ здѣсь лѣсахъ, которое берегутъ, какъ роскошь, а сѣвернѣе—доходная статья частныхъ хозяйствъ и казны, которая выручаетъ отъ эксплоатаціи своихъ лѣсныхъ богатствъ по 57—58 милл. ежегодно.

Степь, п о л е, оказывала другія услуги и клала другія впечатлѣнія. Можно предполагать раннее и значительное развитіе хлѣбопашества на открытомъ черноземѣ, скотоводства, особенно табуннаго, на травянистыхъ степныхъ пастбищахъ. Доброе историческое значеніе южно-русской степи заключается преимущественно въ ея близости къ южнымъ морямъ, которыя ее и создали, особенно къ Черному, которымъ днѣпровская Русь рано пришла въ непосредственное соприкосновеніе съ южно-европейскимъ культурнымъ міромъ; но этимъ значеніемъ степь обязана не столько самой себѣ, сколько тѣмъ морямъ да великимъ русскимъ рѣкамъ, по ней протекающимъ. Трудно сказать, насколько степь широкая, раздольная, какъ величаетъ ее пѣсня, своимъ просторомъ, которому конца-краю нѣтъ, воспитывала въ древнерусскомъ южанинѣ чувство шири и дали, представленіе о просторномъ горизонтѣ, о к о е м ѣ, какъ говорили въ старину; во всякомъ случаѣ не лѣсная Россія образовала это представленіе. Но степь заключала въ себѣ и важныя историческія неудобства: вмѣстѣ съ дарами она несла мирному сосѣду едва ли не болѣе бѣдствій. Она была вѣчной угрозой для древней Руси и нерѣдко становилась бичемъ для нея. Борьба со степнымъ кочевникомъ, половчиномъ, злымъ татариномъ, длившаяся съ VIII почти до конца XVII в.,—самое тяжелое историческое воспоминаніе русскаго народа, особенно глубоко врѣзавшееся въ его памяти и наиболѣе ярко выразившееся въ его былевой поэзіи. Тысячелѣтнее и враждебное сосѣдство съ хищнымъ степнымъ азіатомъ—это такое обстоятельство, которое одно можетъ покрыть не одинъ европейскій недочетъ въ русской исторической жизни. Историческимъ про-

дуктомъ степи, соотвѣтствовавшимъ ея характеру и значенію, является к о з а к ъ, по общерусскому значенію слова бездомный и бездольный, «гулящій» человѣкъ, не приписанный ни къ какому обществу, не имѣющій опредѣленныхъ занятій и постояннаго мѣстожительства, а по первоначальному и простѣйшему южнорусскому своему облику человѣкъ «вольный», тоже бѣглецъ изъ общества, не признававшій никакихъ общественныхъ связей внѣ своего «товарищества», удалецъ, отдававшій всего себя борьбѣ съ невѣрными, мастеръ все разорить, но не любившій и не умѣвшій ничего построить,—историческій преемникъ древнихъ кіевскихъ богатырей, стоявшихъ въ степи «на заставахъ богатырскихъ», чтобы постеречь землю Русскую отъ поганыхъ, и полный нравственный контрастъ сѣверному лѣсному монаху. Со Смутнаго времени для Московской Руси козакъ сталъ ненавистнымъ образомъ гуляки, «вора».

Такъ и лѣсъ, и особенно степь дѣйствовали на русскаго человѣка двусмысленно. Зато никакой двусмысленности, никакихъ недоразумѣній не бывало у него съ русской рѣкой. На рѣкѣ онъ оживалъ и жилъ съ ней душа въ душу. Онъ любилъ свою рѣку, никакой другой стихіи своей страны не говорилъ въ пѣснѣ такихъ ласковыхъ словъ,—и было за что. При переселеніяхъ рѣка указывала ему путь, при поселеніи она—его неизмѣнная сосѣдка: онъ жался къ ней, на ея непоемномъ берегу ставилъ свое жилье, село или деревню. Въ продолженіе значительной постной части года она и кормила его. Для торговца она—готовая лѣтняя и даже зимняя ледяная дорога, не грозила ни бурями, ни подводными камнями: только во-время поварачивай руль при постоянныхъ капризныхъ извилинахъ рѣки да помни мели, перекаты. Рѣка является даже своего рода воспитательницей чувства порядка и общественнаго духа въ народѣ. Она и сама любитъ порядокъ, закономѣрность. Ея великолѣпныя половодья, совершаясь правильно, въ урочное время, не имѣютъ ничего себѣ подобнаго въ западно-европейской гидрографіи. Указывая, гдѣ не слѣдуетъ селиться, они превращаютъ на время скромныя рѣчки въ настоящіе сплавные потоки

и приносятъ неисчислимую пользу судоходству, торговлѣ, луговодству, огородничеству. Рѣдкіе паводки при маломъ паденіи русской рѣки не могутъ идти ни въ какое сравненіе съ неожиданными и разрушительными наводненіями западно-европейскихъ горныхъ рѣкъ. Русская рѣка пріучала своихъ прибрежныхъ обитателей къ общежитію и общительности. Въ древней Руси разселеніе шло по рѣкамъ и жилыя мѣста особенно сгущались по берегамъ бойкихъ судоходныхъ рѣкъ, оставляя въ междурѣчьяхъ пустыя лѣсныя или болотистыя пространства. Если бы можно было взглянуть сверху на среднюю Россію, напримѣръ, XV вѣка, она представилась бы зрителю сложной канвой съ причидливыми узорами изъ тонкихъ полосокъ вдоль прямыхъ линій и съ значительными темными промежутками. Рѣка воспитывала духъ предпріимчивости, привычку къ совмѣстному, артельному дѣйствію, заставляла размышлять и изловчаться, сближала разбросанныя части населенія, пріучала чувствовать себя членомъ общества, обращаться съ чужими людьми, наблюдать ихъ нравы и интересы, мѣняться товаромъ и опытомъ, знать обхожденіе. Такъ разнообразна была историческая служба русской рѣки.

Изучая вліяніе страны на человѣка, мы иногда пытаемся въ заключеніе уяснить себѣ, какъ она должна была настраивать древнее населеніе, и при этомъ нерѣдко сравниваемъ нашу страну по ея народно-психологическому дѣйствію съ Западной Европой. Этотъ предметъ очень любопытенъ, но не свободенъ отъ серьезныхъ научныхъ опасностей. Стараясь проникнуть въ таинствнный процессъ, какимъ древній человѣкъ воспринималъ впечатлѣнія окружавшей его природы, мы вообще расположены переносить на него наши собственныя ощущенія. Припоминая, какъ мы съ высоты нижегородскаго кремля любовались видомъ двигавшагося передъ нашими глазами могучаго потока и перспективной равниной заволжской дали, мы готовы думать, что и древніе основатели Нижняго, русскіе люди XIII вѣка, выбирая опорный пунктъ для борьбы съ мордвой и другими поволжскими инородцами, тоже да-

вали себѣ досугъ постоять передъ этимъ ландша́фтомъ и между прочимъ подъ его обаяніемъ рѣшили основать укрѣпленный городъ при сліяніи Оки съ Волгой. Но очень можетъ статься, что древнему человѣку было не до эстетики, не до перспективы. Теперь путникъ съ восточно-европейской равнины, впервые проѣзжая по Западной Европѣ, поражается разнообразіемъ видовъ, рѣзкостью очертаніи, къ чему онъ не привыкъ дома. Изъ Ломбардіи, такъ напоминающей ему родину своимъ рельефомъ, онъ черезъ нѣсколько часовъ попадаетъ въ Швейцарію, гдѣ уже другая поверхность, совсѣмъ ему непривычная. Все, что онъ видитъ вокругъ себя на Западѣ, настойчиво навязываетъ ему впечатлѣніе границы, предѣла, точной опредѣленности, строгой отчетливости и ежеминутнаго, повсемѣстнаго присутствія человѣка съ внушительными признаками его упорнаго и продолжительнаго труда. Вниманіе путника непрерывно занято, крайне возбуждено. Онъ припоминаетъ однообразіе родного тульскаго или орловскаго вида ранней весной: онъ видитъ ровныя пустынныя поля, которыя какъ будто горбятся на горизонтѣ подобно морю, съ рѣдкими перелѣсками и черной дорогой по окраинѣ,— и эта картина провожаетъ его съ С на Ю, изъ губерніи въ губернію, точно одно и то же мѣсто движется вмѣстѣ съ нимъ сотни верстъ. Все отличается мягкостью, неуловимостью очертаній, нечувствительностью переходовъ, скромностью, даже робостью тоновъ и красокъ, все оставляетъ неопредѣленное, спокойно-неясное впечатлѣніе. Жилья не видно на обширныхъ пространствахъ, никакого звука не слышно кругомъ,—и наблюдателемъ овладѣваетъ жуткое чувство невозмутимаго покоя, безпробуднаго сна и пустынности, одиночества, располагающее къ безпредметному унылому раздумью безъ ясной, отчетливой мысли. Но развѣ это чувство—историческое наблюденіе надъ древнимъ человѣкомъ, надъ его отношеніемъ къ окружающей природѣ? Это—одно изъ двухъ: или впечатлѣніе общаго культурнаго состоянія народа, насколько оно отражается въ наружности его страны, или же привычка современнаго наблюдателя перелагать географическія наблюденія на

свои душевныя настроенія, а эти послѣднія ретроспективно превращать въ нравственныя состоянія, возбуждавшія или разслаблявшія энергію давно минувшихъ поколѣній. Другое дѣло—видъ людскихъ жилищъ: здѣсь меньше субъективнаго и больше исторически-уловимаго, чѣмъ во впечатлѣніяхъ, воспринимаемыхъ отъ внѣшней природы. Жилища строятся не только по средствамъ, но и по вкусамъ строителей, по ихъ господствующему настроенію. Но формы, разъ установившіяся по условіямъ времени, обыкновенно переживаютъ ихъ въ силу косности, свойственной вкусамъ не меньше, чѣмъ прочимъ расположеніямъ человѣческой души. Крестьянскіе поселки по Волгѣ и во многихъ другихъ мѣстахъ Европейской Россіи доселѣ своей примитивностью, отсутствіемъ простѣйшихъ житейскихъ удобствъ производятъ, особенно на путешественника съ Запада, впечатлѣніе временныхъ, случайныхъ стоянокъ кочевниковъ, не нынче—завтра собирающихся бросить свои едва насиженныя мѣста, чтобы передвинуться на новыя. Въ этомъ сказались продолжительная переселенческая бродячесть прежнихъ временъ и хроническіе пожары,—обстоятельства, которыя изъ поколѣнія въ поколѣніе воспитывали пренебрежительное равнодушіе къ домашнему благоустройству, къ удобствамъ въ житейской обстановкѣ.

ИЗВѢСТІЯ О СЛАВЯНАХЪ НАЧАЛА X ВѢКА.

(Извѣстія арабскаго писателя Ибнъ-Даипа).

Славяне не имѣютъ ни виноградниковъ, ни пашенъ. Изъ дерева выдѣлываютъ они родъ кувшиновъ, въ которыхъ находятся у нихъ и ульи для пчелъ, и сберегается медъ пчелиный. Зовутся эти кувшины улилищъ и заключаютъ въ себѣ каждый около 10 кружекъ меда. Разведеніемъ свиней занимаются они, равно какъ другіе—овцеводствомъ. Когда умираетъ кто-либо изъ нихъ, они сжигаютъ трупъ ихъ. Женщины ихъ, когда случится у нихъ покойникъ, царапаютъ себѣ ножемъ ру-

ки и лица. На другой день по сожженіи покойника, отправляются на мѣсто, гдѣ оно происходило, собираютъ пепелъ и кладутъ его въ урну, которую ставятъ затѣмъ на холмѣ. Черезъ годъ, по смерти покойника, берутъ кувшиновъ 20 меду, иногда нѣсколько больше, а иногда меньше, и несутъ ихъ на тотъ холмъ, гдѣ родственники покойнаго собираются, ѣдятъ, пьютъ и затѣмъ расходятся. Если у покойника было три жены, то та изъ нихъ, которая утверждаетъ, что она особенно любила его, приноситъ къ трупу его два столба и вбиваетъ ихъ стоймя въ землю, потомъ кладетъ третій столбъ поперекъ, привязываетъ посреди этой перекладины веревку, становится на скамью, и конецъ этой веревки завязываетъ вокругъ своей шеи; тогда скамью выталкиваютъ изъ-подъ нея, и женщина остается повисшею, пока не задохнется и не умретъ. Послѣ этого трупъ ее бросаютъ въ огонь, гдѣ онъ и сгораетъ.

Всѣ славяне огнепоклонники. Хлѣбъ наиболѣе ими воздѣлываемый—просо. Въ пору жатвы кладутъ они просяныя зерна въ ковшъ, поднимаютъ его къ небу и говорятъ: «Господи, ты, который даешь намъ пищу, снабди теперь насъ ею въ полной мѣрѣ!» Есть у нихъ разнаго рода лютни, гусли и свирѣли; послѣднія длиною въ два локтя, лютня же ихъ осьмиструнная. Хмѣльной напитокъ приготовляютъ изъ меду. При сожиганіи покойниковъ предаются шумному веселью, выражая тѣмъ радость свою, что Богъ оказалъ милость покойному, взялъ его къ себѣ. Рабочаго скота у нихъ мало, а верховыхъ лошадей имѣетъ только одинъ человѣкъ. Вооруженіе ихъ состоитъ изъ дротиковъ, щитовъ, и копій; другого оружія не имѣютъ.

Въ землѣ славянъ холодъ бываетъ до того силенъ, что каждый изъ нихъ выкапываетъ себѣ въ землѣ родъ погреба, который покрываетъ деревянною остроконечною крышею, какія видимъ у христіанскихъ церквей, и на крышу эту накладываютъ земли. Въ такія погреба переселяются со всѣмъ семействомъ, и взявъ нѣсколько дровъ и камней, раскаливаютъ послѣднія на огнѣ да красна. Когда же раскалятся камни до высшей степени, поливаютъ ихъ водою, отчего распространяется

паръ, нагрѣвающій жилье до того, что снимаютъ уже одежду. Въ такомъ жильѣ остаются до самой весны...

Когда у кого на Руси родится сынъ, отецъ новорожденнаго беретъ обнаженный мечъ, кладетъ его передъ дитятею и говоритъ: «Не оставлю въ наслѣдство тебѣ никакого имущества; будешь имѣть только то, что пріобрѣтешь себѣ этимъ мечомъ...» Единственный промыселъ ихъ—торговля собольими, бѣличьими, и другими мѣхами, которые и продаютъ они желающимъ; плату же получаемую деньгами, завязываютъ на-крѣпко въ пояса свои. Съ рабами обращаются хорошо. Гостямъ оказываютъ почетъ и обращаются хорошо съ чужеземцами, которые ищутъ у нихъ покровительства, да и со всѣми, кто часто бываетъ у нихъ, не позволяя никому изъ своихъ обижать или притѣснять такихъ людей. Въ случаѣ же, если кто изъ нихъ обидитъ или притѣснитъ чужеземца, помогаютъ послѣднему и защищаютъ его...

Когда кто изъ нихъ имѣетъ дѣло противъ другого, то зоветъ его на судъ къ царю, передъ нимъ и препираются; когда царь произнесетъ приговоръ, исполняется то, что онъ велитъ; если же обѣ стороны приговоромъ царя не довольны, то по его приказнію, должны предоставить окончательное рѣшеніе оружію: чей мечъ острѣе, тотъ и одерживаетъ верхъ. На борьбу эту родственники (обѣихъ тяжущихся сторонъ) приходятъ вооруженными и становятся. Тогда соперники вступаютъ въ бой, и побѣдитель можетъ требовать отъ побѣжденнаго, чего хочетъ.

Есть у нихъ, изъ среднихъ в р а ч и (жрецы), имѣющія такое вліяніе на царя ихъ, какъ будто они начальники ему. Случается, что приказываютъ они приносить въ жертву творцу ихъ, что ни вдумается имъ: женщинъ, мужчинъ и лошадей; а ужъ когда прикажетъ врачъ,—не исполнить приказаній нельзя никоимъ образомъ. Взявъ человѣка или животное, врачъ накидываетъ ему петлю на шею, навѣшиваетъ жертву на бревно, и ждетъ, пока она не задохнется. Тогда говоритъ: «вотъ это—жертва Богу».

Когда умираетъ у нихъ кто-либо изъ знатныхъ, то

выкапываютъ ему могилу въ видѣ большого дома, кладутъ его туда и вмѣстѣ съ нимъ кладутъ въ ту же могилу, какъ одежду его, такъ и браслеты золотые, которые онъ носилъ; далѣе опускаютъ туда множество съѣстныхъ припасовъ, сосуды съ напитками и чеканную монету.

Наконецъ, кладутъ въ могилу живою любимую жену покойнаго. Затѣмъ отверстіе могилы закладывается, и жена умираетъ въ заключеніи.

ХАРАКТЕРЪ ДРЕВНЕРУССКАГО ПОДВИЖНИЧЕСТВА.

(П. Милюковъ. Исторія русской культуры).

При самыхъ разнообразныхъ взглядахъ на византійскую форму религіозности, воспринятую Россіей, нельзя не согласиться въ одномъ: въ своемъ источникѣ эта религіозность стояла неизмѣримо выше того, что могло быть изъ нея воспринято на первыхъ порахъ Русью.

Религія, введенная святымъ Владиміромъ, съ самаго начала встрѣтила не мало горячихъ душъ, которыя со всей страстью бросилились на встрѣчу новому «духовному брашну» и рѣшились сразу отвѣдать самыхъ изысканныхъ явствъ византійской духовной трапезы.

Въ языческой еще Россіи завелись самые утонченные типы восточнаго монашества: пустынножительство, затворничество, столпничество и всѣ виды плотскихъ самоистязаній.

По слѣдамъ первыхъ піонеровъ новой религіозности пошли послѣдователи, можетъ быть, не вездѣ столь ревностные и преданные духовному подвижничеству, но за то все болѣе и болѣе многочисленные.

По преданіямъ «Печерскаго Патерика» мы можемъ лучше всего измѣрить наибольшую высоту того духовнаго подъема, на который способна была Русь, только что покинувшая свое язычество.

Не надо забывать, прежде всего, что сегодняшній подвижникъ былъ вчерашнимъ членомъ того же самаго

общества, хотя, можетъ-быть, и лучшимъ его представителемъ. Совлекши съ себя ветхаго Адама, онъ не могъ сразу уничтожить въ себѣ стараго язычника и варвара.

Въ большинствѣ случаевъ, эта была, какъ самъ игуменъ Ѳеодосій, сильная и крѣпкая физическая натура, привыкшая переносить всѣ неудобства тогдашняго малокультурнаго быта.

Физическіе подвиги были для такой натуры наиболѣе привычными. Рубить дрова, таскать ихъ въ монастырь, носить воду, плотничать, молоть муку или работать на поварнѣ—для братіи значило продолжать въ стѣнахъ монастыря тѣ же занятія, къ которымъ она привыкла въ мірѣ. Настоящіе подвиги начинались тогда, когда заходила рѣчь о лишеніи пищи и сна. Борьба съ этими потребностями натуры—постъ и бдѣніе—считались, поэтому, особенно высокими подвигами духа.

Въ своей полнотѣ эти подвиги были доступны только избраннымъ и доставляли имъ всеобщее уваженіе. Для большинства же братій самъ строгій игуменъ долженъ былъ ввести вмѣсто ночного отдыха—дневной. Въ полдень ворота монастыря запирались, и вся братія погружалась въ сонъ. Не смотря на это, все-таки далеко не всѣ выдерживали «крѣпкое стояніе» ночью. По сказаніямъ Патерика, одинъ изъ братіи, Матвѣй, славившійся своею прозорливостью, взглянувъ разъ на братію во время такого стоянія и увидалъ: по церкви ходитъ бѣсъ въ образѣ ляха и бросаетъ въ братію цвѣтки. Къ кому цвѣтокъ прилипнетъ, тотъ немного постоитъ, разслабнетъ умомъ и, придумавъ какой-нибудь предлогъ, идетъ изъ церкви въ келью спать. Самъ братъ Матвѣй стоялъ въ церкви крѣпко до конца утрени, но и ему это, какъ видно, не легко давалось. Разъ послѣ утрени онъ вышелъ изъ церкви, но не могъ дойти даже до кельи: сѣлъ на дорогѣ подъ доской, въ которую звонили, и тутъ же заснулъ.

Понятно, какую борьбу съ своей плотью долженъ былъ выдержать подвижникъ, рѣшившійся, во что бы то ни стало, преодолѣть дьявольское искушеніе. Потребности плоти, дѣйствительно, представлялись ему

кознями нечистой силы. Вчерашній язычникъ, онъ не могъ сразу отдѣлаться отъ старыхъ воззрѣній и, чаще всего, вполнѣ раздѣлялъ наивное представленіе окружавшей его среды. Бѣсы—это были для него старые языческіе боги, осердившіеся на молодое поколѣніе за его измѣну старой вѣрѣ и рѣшившіеся отомстить за себя. «Бѣсы», говоритъ намъ одинъ изъ составителей Патерика, «не терпя укоризны,—что когда-то язычники покланялись имъ и чтили, какъ боговъ, а теперь угодники Христовы пренебрегаютъ ими, уничтожаютъ ихъ,—вопіяли: о злые, и лютые наши враги; мы не успокоимся, не перестанемъ бороться съ вами до смерти».

Понятно, какъ много усилій нужно было, чтобы преодолѣть навожденія дьявола и немощи плоти. На эту борьбу уходила вся энергія самыхъ горячихъ подвижниковъ. Подобно брату Іоанну, тридцать лѣтъ безуспѣшно боровшемуся съ плотскими похотями,—лучшимъ изъ печерскихъ подвижниковъ не удавалось подняться надъ этой первой, низшей ступенью духовнаго дѣянія, которая, собственно, въ ряду подвиговъ христіанскаго аскета имѣетъ лишь подготовительное значеніе. О высшихъ ступеняхъ дѣятельнаго и созерцательнаго подвижничества, кіевскіе подвижники едва ли имѣли ясное представленіе. То, что должно было быть только средствомъ,—освобожденія души отъ земныхъ стремленій и помышленій,—для братіи Печерскаго монастыря, поневолѣ становилось единственною цѣлью: недисциплинированная натура плохо поддавалась самымъ упорнымъ, самымъ добросовѣстнымъ усиліямъ. Людямъ съ такой силой воли и съ такимъ практическимъ складомъ ума, какъ у печерскаго игумена, удавалось, правда, достигнуть душевнаго равновѣсія; но въ установленіи этого равновѣсія слишкомъ большая роль принадлежала внѣшней дисциплинѣ ума и воли. Съ такой дисциплиной наши подвижники скорѣе становились видными администраторами, въ какихъ нуждалась тогдашняя жизнь, чѣмъ великими свѣтилами христіанскаго чувства и мысли.

О ПОЛОЖЕНІИ РУССКИХЪ ЖЕНЩИНЪ.

(А. Олеарій. Описаніе путешествія въ Московію).

Подобно тому, какъ дѣти вельможъ и купцовъ мало или даже вовсе не пріучаются къ домоводству, также онѣ впослѣдствіи, находясь въ бракѣ, мало занимаются хозяйствомъ, а только сидятъ да шьютъ и вышиваютъ золотомъ и серебромъ красивые носовые платки изъ бѣлой тафты и чистаго полотна, приготовляютъ небольшіе кошельки для денегъ и тому подобныя вещи. Онѣ не имѣютъ права принимать участія ни въ рѣзаніи куръ или другого скота, ни въ приготовленіи ихъ къ ѣдѣ, такъ какъ полагаютъ, что это бы ихъ осквернило. Поэтому всякую такого рода работу совершаетъ у нихъ прислуга. Изъ подозрительности ихъ рѣдко выпускаютъ изъ дома, рѣдко также разрѣшаютъ ходить въ церковь; впрочемъ, среди простонародья все это соблюдается не очень точно.

Дома онѣ ходятъ плохо одѣтыя, но когда онѣ оказываютъ, по приказанію мужа, честь чужому гостю, пригубливая передъ нимъ чарку водки, или же, если онѣ идутъ черезъ улицы, напримѣръ, въ церковь, онѣ должны быть одѣты великолѣпнѣйшимъ образомъ, и лицо и шея должны быть густо и жирно набѣлены и нарумянены.

Князей, бояръ и знатнѣйшихъ людей жены лѣтомъ ѣздятъ въ закрытыхъ каретахъ, обтянутыхъ красною тафтою, которою онѣ зимою пользуются и на саняхъ. Въ послѣднихъ онѣ возсѣдаютъ съ великолѣпіемъ богинь, а впереди у нихъ сидитъ дѣвушка рабыня. Рядомъ съ санями бѣгутъ многіе прислужники и рабы, иногда до 30, 40 человѣкъ. Лошадь, которая тащитъ такую карету или сани, похожа на ту, которая везетъ невѣсту; она увѣшана лисьими хвостами, что представляетъ весьма странный видъ. Подобнаго рода украшенія видѣли мы не только у женщинъ, но и у знатныхъ вельможъ, даже у саней самаго великаго князя, который иногда, вмѣсто лисьихъ хвостовъ, пользуется прекрасными черными соболями.

Такъ какъ праздныя молодыя женщины очень рѣдко появляются среди людей, а также немного работаютъ и дома и, слѣдовательно, мало заняты, то иногда онѣ устраиваютъ себѣ, съ своими дѣвушками, развлеченія, напримѣръ, качаясь на качеляхъ,—что имъ особенно нравится. Онѣ кладутъ доску на обрубокъ дерева, становятся на оба конца, качаются и подбрасываютъ другъ друга въ воздухъ. Иногда пользуются онѣ и веревками, на которыхъ онѣ умѣютъ подбрасывать себя весьма высоко на воздухъ. Мужчины очень охотно разрѣшаютъ женамъ подобные увеселенія, и иногда даже помогаютъ имъ въ немъ.

Если (между мужемъ и женою) у нихъ часто возникаютъ недовольство и драки, то причиною является иногда непристойныя и бранныя слова, съ которыми жена обращается къ мужу: вѣдь онѣ очень скоры на такія слова. Иногда же причиной является то, что жены напиваются чаще мужа, или же навлекаютъ на себя подозрительность мужа чрезмѣрною любезностью къ чужимъ мужьямъ и парнямъ. Очень часто всѣ эти три причины встрѣчаюстя у русскихъ женщинъ одновременно.

Когда, вслѣдствіе этихъ причинъ, жена бываетъ сильно прибита кнутомъ или палкою, она не придаетъ этому большого значенія, такъ какъ сознаетъ свою вину и, къ тому же, видитъ, что отличающіяся тѣми же пороками ея сосѣдки и сестры испытываютъ не лучшее обращеніе.

РАЗБОЙНЫЙ ПРИКАЗЪ.

П. Котошихинъ.

А въ немъ сидитъ бояринъ или окольничій, да стольникъ, да дворянинъ, да два дьяка. И въ томъ приказѣ вѣдомы всего Московскаго государства разбойники, и татиныя и приводныя дѣла, и мастера заплечные; а будетъ тѣхъ мастеровъ въ Москвѣ съ 50 человѣкъ, и дается имъ годовое жалованое.

Также и въ городахъ для разбойныхъ и татиныхъ дѣлъ устроены приказныя губныя избы, и вѣдаютъ та-

кія дѣла выборные дворяне, за вѣрою и крестнымъ цѣлованіемъ, которые за старостью полковыхъ службъ служить не могутъ; и устроены для всякихъ воровъ тюрьмы, и на Москвѣ у тѣхъ тюремъ и въ Приказѣ бываютъ сторожа и недѣльники бываютъ выбраны изъ городскихъ и уѣздныхъ людей чей кто-нибудь за вѣрою и крестнымъ цѣлованіемъ и за поруками; а въ палачи на Москвѣ и въ городахъ ставятся всякаго чина люди, кто похочетъ. И какого чина ни будь—князь, или бояринъ, или и простой человѣкъ, взятъ будетъ въ разбоѣ, или въ татьбѣ, или въ зломъ дѣлѣ въ смертномъ убійствѣ, и въ поджогѣ, и въ иныхъ воровскихъ статьяхъ, и приведутъ его на Москвѣ въ Разбойный или въ Земскій приказъ, а въ городахъ въ Приказы жъ и въ губную избу: и кто былъ на разбоѣ и учинилъ убійство, или поджогъ, или татьбу, а товарищи ихъ разбѣжались и не пойманы, и такихъ злочинцевъ въ праздники въ иные дни пытаютъ и мучатъ безъ милосердія, для того, что воръ и самъ не избирая дней, воровства свои и убійства дѣлаетъ, да и для того, чтобы по ихъ сказкѣ сыскать и товарищей его. Также и иныхъ злочинцевъ потому пытаютъ, смотря по дѣлу, однажды, дважды и трижды, и послѣ пытокъ указъ чинятъ, до чего доведется. А на которыхъ они людей скажутъ и станы свои укажутъ, и тѣхъ людей сыскавъ всѣхъ поставятъ съ очей на очи и тѣхъ воровъ пытаютъ на-крѣпко, впрямь ли тѣ люди, на которыхъ они говорятъ, съ ними въ томъ воровствѣ товарищами или становниками и оберегательщиками были, и не напрасно ль на нихъ говорятъ, по насердкѣ: и будетъ и съ пытокъ скажутъ, что впрямь тѣ люди ихъ прямые товарищи и становники или оберегальщики, и тѣхъ всѣхъ потому жъ начнутъ пытать. А устроены для всякихъ воровъ пытки: сымутъ съ вора рубашку и руки его назадъ завяжутъ, подлѣ кисти, веревкою, обшита та веревка войлоками, и подымутъ его кверху, учинено мѣсто что и висѣлица, а ноги его свяжутъ ремнемъ; и одинъ человѣкъ палачъ вступитъ ему въ ноги на ремнь своею ногою, и тѣмъ его отягиваетъ, и у того вора руки станутъ прямо противъ головы его, а изъ суставовъ выдутъ вонъ; и

потомъ сзади палачъ начнетъ бить по спинѣ кнутомъ изрѣдка, въ часъ боевой ударовъ бываетъ тридцать или сорокъ; и какъ ударитъ по которому мѣсту по спинѣ, на спинѣ станетъ такъ слово въ слово будто большой ремень вырѣзанъ ножемъ, мало не до костей. А учиненъ тотъ кнутъ ременный, плетеный, толстый, на концѣ ввязанъ ремень толстый шириною въ палецъ, а длиною будетъ 5 локтей. И пытавъ его начнутъ пытать иныхъ потому жъ, и будетъ съ первыхъ пытокъ не винятся, и ихъ спустя недѣлю времени пытаютъ въ другой разъ и въ третій, и жгутъ огнемъ, свяжутъ руки и ноги, и вложатъ межъ рукъ и межъ ногъ бревно, и поднимутъ на огонь, а иныхъ, разжегши желѣзные клещи накрасно, ломаютъ ребра; и будетъ съ тѣхъ пытокъ не повинятся, и такихъ сажаютъ въ тюрьму, доколѣ по нихъ поруки будутъ, что имъ впредь за худымъ дѣломъ не ходить и впредь худого ничего не мыслить никому, и если будутъ поруки, ихъ освободятъ; а какъ они въ тюрьмѣ отсидятъ года два и больше, а порукъ не будетъ, и такихъ изъ тюрьмъ освобождаютъ и ссылаютъ въ дальніе города, въ Сибирь и въ Астрахань, на вѣчное житье; а которые винятся, и такихъ также сажаютъ въ тюрьму, и смотря по дѣлу указъ чинятъ, до чего доведется.

А которые воры бываютъ на разбоѣ, хотя и дважды пойманы, а убійства смертнаго и поджогу не учинили и такихъ, бивъ кнутомъ торгомъ, за первую вину, отрѣзавъ лѣвое ухо, сошлютъ въ ссылку, а за другую вину, какъ будетъ пойманъ въ такихъ же дѣлахъ, бивъ кнутомъ, отрѣзавъ и правое ухо, сошлютъ въ ссылку же, а за иные вины также бываетъ наказаніе и казни, по разсмотрѣнію, кто чего будетъ достоинъ. А въ среднихъ и малыхъ винахъ бываетъ наказаніе, бьютъ кнутомъ и батогами, смотря по винѣ, а потомъ освобождаютъ. А бываютъ мужскому полу смертныя и всякія казни: головы отсѣкаютъ топоромъ за убійства смертныя и за иныя злыя дѣла, вѣшаютъ за убійства жъ и за иныя злыя дѣла; живого четвертаютъ, а потомъ голову отсѣкаютъ за измѣну, кто городъ сдастъ непріятелю, или съ непріятелемъ дружбу держитъ мѣстами, или и

иныя злыя измѣнныя и противныя статьи, объявляется; жгутъ живого за богохульство, за церковную татьбу, за содомское дѣло, за волховство, за чернокнижество, за книжное преложеніе, кто учнетъ вновь толковать воровски противъ Апостоловъ и Пророковъ и Святыхъ Отцевъ съ похуленіемъ; оловомъ и свинцомъ заливаютъ горло за денежное дѣло, кто воровски дѣлаетъ; серебренникамъ и золотарямъ, которые воровски прибавляютъ въ золото и серебро мѣдь, олово и свинецъ; а инымъ за малыя такія вины отсѣкаютъ руки и ноги, или у рукъ и ногъ пальцы; ноги жъ и руки, отсѣкаютъ за конфедератство, или и за службу, которые въ томъ бываютъ маловинны, а иныхъ казнятъ смертью; также кто на царскомъ дворѣ, или гдѣ-нибудь, вынулъ на кого саблю, или ножъ, и ранитъ или не ранитъ, также и за церковную за малую вину, и кто чѣмъ замахивается бить на отца и матерь, а не билъ, таковы жъ казни; за царское безчестіе, кто говоритъ противъ него за очи безчестные, или иныя какія поносныя слова, бивъ кнутомъ, вырѣзываютъ языкъ.

Женскому полу бываютъ пытки противъ того же, что и мужскому полу, окромя того, что на огнѣ жгутъ и ребра ломаютъ. А смертныя казни женскому полу бываютъ: за богохульство жъ и за церковную татьбу, за содомское дѣло жгутъ живьемъ, за чаровство и за убойство отсѣкаютъ головы, за погубленіе дѣтей и за иныя такія жъ злыя дѣла живьемъ закапываютъ въ землю, по грудь, съ руками вмѣстѣ и отопываютъ ногами, и они того умираютъ того же дня или на другой и на третій день, а за царское безчестье указъ бываетъ таковъ же, что и мужскому полу.

А которые люди воруютъ съ чужой женой или дѣвкой и ихъ поймаютъ, и того же дня или на другой день обоихъ, мужика и жонка, кто бы какой ни былъ, водя по торгамъ и по улицамъ вмѣстѣ нагихъ бьютъ кнутомъ.

КОЗАЧЕСТВО.

(Н. Костомаровъ. Бунтъ Стеньки Разина).

Козачество тогда возникло, когда удѣльная стихія падала подъ торжествомъ единодержавія, оно было противодѣйствіемъ стараго новому. Ряды козачества наполнялись недовольными новымъ составомъ, тѣми, кто не уживался въ обществѣ, для кого не по натурѣ были его узы. Тогда какъ въ Южной Руси заложилось славное Запорожье и разлило изъ себя духъ казачества по всей Украйнѣ, одинакія событія произвели наплывъ народа съ сѣвера на Донъ. Отсюда козачество охватило берегъ Волги, Терека, Яика и проникло въ далекую Сибирь. Итакъ, въ половинѣ XVII вѣка козачество охватывало болѣе чѣмъ полъ Руси, а народное недовольство гражданскимъ порядкомъ давало ему пищу и силы: въ козачествѣ воскресали старыя полуугасшія стихіи вѣчевой вольницы: въ немъ старорусскій міръ оканчивалъ свою борьбу съ единодержавіемъ. Когда власть хотѣла подчинить козаковъ порядку и закону, воровское козачество хотѣло разлить по всей Руси противодѣйствіе ей. Уже для него было недовольно укрываться въ отдаленіи степей: оно хотѣло поглотить весь русскій народъ.

Весь порядокъ тогдашней Руси, управленіе, отношеніе сословій, права ихъ, финансовый бытъ—все давало козачеству пищу въ движеніи народнаго недовольства, и вся полвина XVII вѣка были приготовленіемъ эпохи Стеньки Разина. Устройство отношеніи между землевладѣльцами и работниками, и между господами и слугами, было въ числѣ причинъ, способствовавшихъ успѣхамъ возмущенія.

Крестьянинъ, какъ и хозяинъ, былъ преданъ произволу владѣльца. Мы не знаемъ никакихъ обезпеченій, которые бы ограждали какъ того, такъ и другого отъ этого произвола.

Неудовлетворительное состояніе владѣльческихъ людей и крестьянъ не было, однако, несноснѣе состоянія посадскихъ и черныхъ волостей; послѣднее бывало

нерѣдко тяжелѣе, и оттого тяглые бѣгали изъ своихъ общинъ, отдавались въ крестьяне и холопы частнымъ владѣльцамъ, а правительство постоянно возвращало ихъ на свои мѣста. Посады и черносошныя селы были обременены безчисленными повинностями. Они платили царскую дань, полоняночныя деньги (для выкупа плѣнниковъ), четвертныя, пищальныя; отбывали множество повинностей или натурою, или давали деньги. Сверхъ того всѣ ихъ промыслы и занятія были обложены множествомъ разнообразныхъ пошлинъ.

Злоупотребленіе воеводъ и вобще служебныхъ лицъ и дурныя стороны правосудія увеличивали тягостное положеніе жителей. Наглость воеводъ особенно была безмѣрна въ отдаленныхъ провинціяхъ, напримѣръ, въ Сибири; тамъ воеводы отбирали у служилыхъ жалованіе для себя, а имъ приказывали расписываться въ полученіи, и, въ случаѣ сопротивленія, били ихъ. Судъ, находившійся въ рукахъ этихъ грабителей, до крайности былъ продаженъ. Они открыто продавали свои приговоры той изъ тяжущихся сторонъ, которая больше дастъ. Не было несправедливости, которая за деньги не могла бы остаться безъ наказанія. Все это показываетъ, что причины побѣговъ, шатаній и вообще недовольства обычнымъ ходомъ жизни лежала во внутреннемъ организмѣ гражданскаго порядка. Царствованіе Алексѣя Михайловича было временмъ побѣговъ и шатаній. Ихъ умножали военныя обстоятельства. Дворяне, дѣти боярскія, солдаты, даточные люди разбѣгались со службы и, боясь воротиться въ свои жилища, чтобъ не быть пойманными, шатались гдѣ попало. Усиленная ловля бѣглецовъ не прекращала бродяжничества, но развила разбойничество.

Было явно, что Русь готовится къ какому-то страшному волненію.

ЦЕРКОВНЫЙ РАСКОЛЪ.

(В. Ключевскій. Курсъ русской исторіи).

Русскомъ церковнмыъ расколомъ называется отдѣленіе значительной части русскаго православнаго общества отъ господствующей русской православной церкви. Это раздѣленіе началось въ царствованіе Алексѣя Михайловича вслѣдствіе церковныхъ новшествъ патріарха Никона и продолжается доселѣ. Раскольники считаютъ себя такими же православными христіанами, какими считаемъ себя и мы. Старообрядцы въ собственномъ смыслѣ не расходятся съ нами ни въ одномъ догматѣ вѣры, ни въ одномъ основаніи вѣроученія; но они откололись отъ нашей Церкви, перестали признавать авторитетъ нашего церковнаго правительства во имя «старой вѣры», будто бы покинутой этимъ правительствомъ; потому мы и считаемъ ихъ не еретиками, а только раскольниками, и потому же они насъ называютъ церковниками или никоніанами, а себя старообрядцами или старовѣрами, держащимися древняго дониконовскаго обряда и благочестія. Если старообрядцы не расходятся съ нами въ догматахъ, въ основаніяхъ вѣроученія, то спрашивается, отъ чего же произошло церковное раздѣленіе, отъ чего значительная часть рускаго церковнаго общества оказалась за оградой русской господствующей Церкви. Вотъ въ немногихъ словахъ повѣсть о началѣ раскола.

До патріарха Никона русское церковное общество было единымъ церковнымъ стадомъ съ единымъ высшимъ пастыремъ; но въ немъ въ разное время и изъ разныхъ источниковъ возникли и утвердились нѣкоторые мѣстные церковные мнѣнія, обычаи и обряды, отличные отъ принятыхъ въ Церкви греческой, отъ которой Русь приняла христіанство. Таковы были двуперстное крестное знаменіе, образъ написанія имени Iсусъ, служеніе литургіи на семи, а не на пяти просфорахъ, хожденіе посолонь, т.-е. по солнцу (отъ лѣвой руки къ правой, обратившись лицомъ къ алтарю), въ нѣкоторыхъ священнодѣйствіяхъ, напримѣръ, при креще-

ніи вокругъ купели или при вѣнчаніи вокругъ аналоя, особое чтеніе нѣкоторыхъ мѣстъ символа вѣры («царствію Его нѣсть конца», «и въ Духа Святаго, истиннаго и животворящаго»), двоеніе возгласа аллилуя Нѣкоторые изъ этихъ обрядовъ и особенностей были признаны русской церковной іерархіей на церковномъ соборѣ 1551 г. и такимъ образомъ получили законодательное утвержденіе со стороны высшей церковной власти. Со второй половины XVI в., когда въ Москвѣ началось книгопечатаніе, эти обряды и разночтенія стали проникать изъ рукописныхъ богослужебныхъ книгъ въ печатныя ихъ изданія и черезъ нихъ распространялись по всей Россіи. Такимъ образомъ печатный станокъ придалъ новую цѣну этимъ мѣстнымъ обрядовымъ и текстуальнымъ разностямъ и расширилъ ихъ употребленіе. Нѣкоторыя изъ такихъ разностей внесли въ свои изданія справщики церковныхъ книгъ, напечатанныхъ при патріархѣ Іосифѣ въ 1642—1652 гг. Такъ какъ вообще текстъ русскихъ богослужебныхъ книгъ былъ неисправленъ, то преемникъ Іосифа патріархъ Никонъ съ самаго начала своего управленія русскою Церковью ревностно принялся за устраненіе этихъ неисправностей. Въ 1654 г. онъ провелъ на церковномъ соборѣ постановленіе переиздать церковныя книги, исправивъ ихъ по вѣрнымъ текстамъ, по славянскимъ пергаменнымъ и древнимъ греческимъ книгамъ. Съ православнаго Востока и изъ разныхъ угловъ Россіи въ Москву навезли горы древнихъ рукописныхъ книгъ греческихъ и церковно-славянскихъ; исправленнныя по нимъ новыя изданія разосланы были по русскимъ церквамъ съ приказаніемъ отобрать и истребить неисправныя книги, старопечатныя и старописьменныя. Ужаснулись православные русскіе люди, заглянувши въ эти новоисправленныя книги и не нашедши въ нихъ ни двуперстія, ни Ісуса, ни другихъ освященныхъ временемъ обрядовъ и начертаній: они усмотрѣли въ этихъ новыхъ изданіяхъ новую вѣру, по которой не спасались древніе святые отцы, и прокляли эти книги, какъ еретическія, продолжая совершать служеніе и молиться по старымъ книгамъ. Московскій церковный соборъ 1666—1667 гг., на кото-

ромъ присутствовали два восточные патріарха, положилъ на непокорныхъ клятву (анаѳему) за противленіе церковной власти и отлучилъ ихъ отъ православной Церкви, а отлученные перестали признавать отлучившую ихъ іерархію своей церковной властью. Съ тѣхъ поръ и раскололось русское церковное общество, и этотъ расколъ продолжается до настоящаго времени.

Отъ чего же произошелъ расколъ? По объясненію старообрядцевъ, отъ того, что Никонъ, исправляя богослужебныя книги, самовольно отмѣнилъ двуперстіе и другіе церковные обряды, составляющіе святоотеческое древле-православное преданіе, безъ котораго невозможно спастись, и когда вѣрные древнему благочестію люди встали за это преданіе, русская іерархія отлучила ихъ отъ своей испорченной Церкви. Но въ такомъ объясненіи не все ясно. А какимъ образомъ двуперстіе или хожденіе по-солонь сдѣлалось для старообрядцевъ святоотеческимъ преданіемъ, безъ котораго невозможно спастись? Какимъ образомъ простой церковный обычай, богослужебный обрядъ или текстъ могъ пріобрѣсти такую важность, стать неприкосновенной святыней, догматомъ? Православные даютъ болѣе глубокое оъясненіе. Расколъ произошелъ отъ невѣжества раскольниковъ, отъ узкаго пониманія ими христіанской религіи, отъ того, что они не умѣли отличить въ ней существенное отъ внѣшняго, содержаніе отъ обряда. Но и этотъ отвѣтъ не разрѣшаетъ всего вопроса. Положимъ, извѣстные обряды, освященные преданіемъ, мѣстной стариной, могли получить неподобающее имъ значеніе догматовъ; но вѣдь и авторитетъ церковной іерархіи освященъ стариной и притомъ не мѣстной, а вселенской, и его признаніе необходимо для спасенія: св. отцы не спасались и безъ него, какъ безъ двуперстія. Какимъ образомъ старообрядцы рѣшились пожертвовать однимъ церковнымъ установленіемъ для другого, отважились спасаться безъ руководства законной іерархіи, ими отвергнутой?

Объясняя происхожденіе раскола, у насъ часто съ особеннымъ удареніемъ и нѣкоторымъ пренебреженіемъ указываютъ на слѣпую привязанность старообрядцевъ

къ обрядамъ и текстамъ, къ буквѣ Писанія, какъ къ чему-то очень неважному въ дѣлѣ религіи. Я не раздѣляю такого пренебрежительнаго взгляда на религіозный обрядъ и текстъ. Я не богословъ и не призванъ раскрывать богословскій смыслъ такихъ предметовъ. Но религіозный текстъ и обрядъ, какъ и всякій обрядъ и текстъ съ практическимъ, житейскимъ дѣйствіемъ, кромѣ спеціально богословскаго, имѣетъ еще общее психологическое значеніе и съ этой стороны, какъ и всякое житейское, т.-е. историческое явленіе, можетъ подлежать историческому изученію. Только съ этой народно-психологической стороны я и касаюсь происхожденія раскола.

Въ религіозныхъ текстахъ и обрядахъ выражается сущность, содержаніе вѣроученія. Вѣроученіе слагается изъ вѣрованій двухъ порядковъ: одни суть истины, которыя устанавливаютъ міросозерцаніе вѣрующаго, разрѣшая ему высшіе вопросы мірозданія; другія суть требованія, которыя направляютъ нравственныя поступки вѣрующаго, указывая ему задачи его бытія. Эти истины и эти требованія познавательныхъ средствъ логически мыслящаго разума выше естественныхъ влеченій человѣческой воли, потому тѣ и другія почитаются свыше откровенными. Мыслимыя, т.-е. доступныя пониманію формулы религіозныхъ истинъ суть догматы; мыслимыя формулы религіозныхъ требованій суть заповѣди. Какъ усвояются тѣ и другія, когда они недоступны ни логическому мышленію, ни естественной волѣ? Они усвояются религіознымъ познаніемъ или мышленіемъ и религіознымъ воспитаніемъ. Не смущайтесь этими терминами: религіозное мышленіе или познаніе есть такой же способъ человѣческаго разумѣнія, отличный отъ логическаго или разсудочнаго, какъ и пониманіе художественное; оно только обращено на другіе болѣе возвышенные предметы. Человѣкъ далеко не все постигаетъ логическимъ мышленіемъ и, можетъ быть, даже постигаетъ имъ наименьшую долю постижимаго. Усвояя догматы и заповѣди, вѣрующій усвояетъ себѣ извѣстныя религіозныя идеи и нравственныя побужденія, которыя такъ же мало поддаются логическому разбору, какъ и идеи художественныя. Развѣ

понятный вамъ музыкальный мотивъ вы подведете подъ логическія схемы? Эти религіозныя идеи и побужденія суть вѣрованія. Педагогическимъ пособіемъ для ихъ усвоенія служатъ извѣстныя церковныя дѣйствія, совокупность которыхъ составляетъ богослуженіе. Догматы и заповѣди выражены въ священныхъ текстахъ, церковныя дѣйствія облечены въ извѣстные обряды. Все это лишь формы вѣрованій, оболочка вѣроученія, а не его сущность. Но религіозное пониманіе, какъ и художественное, отличается отъ логическаго и математическаго тою особенностью, что въ немъ идея или мотивъ неразрывно связаны съ формой, ихъ выражающей. Идею, выведенную логически, теорему, доказанную математически, мы понимаемъ, какъ бы ни была формулирована та и другая, на какомъ бы ни было намъ знакомомъ языкѣ и какимъ угодно понятнымъ стилемъ или даже только условнымъ знакомъ. Не такъ дѣйствуетъ эстетическое и религіозное чувство: здѣсь идея или мотивъ по закону психологической ассоціаціи органически сростаются съ выражающими ихъ текстомъ, обрядомъ, образомъ, ритмомъ, звукомъ. Забудете рисунокъ или музыкальное сочетаніе звуковъ, которое вызвало въ васъ извѣстное настроеніе—и вамъ не удастся воспроизвести это настроеніе. Какое угодно великолѣпное стихотвореніе переложите въ прозу, и его обаяніе исчезнетъ. Священные тексты и богослужебные обряды складавались исторически и имѣютъ характера неизмѣнности и неприкосновенности. Можно придумать тексты и обряды лучше, совершеннѣе тѣхъ, которые воспитали въ насъ религіозное чувство; но они не замѣнятъ намъ нашихъ худшихъ. Когда православный русскій священникъ восклицаетъ въ алтарѣ Горѣ имѣимъ сердца, въ православномъ вѣрующемъ совершается привычный ему подъемъ религіознаго настроенія, помогающій ему отложить всякое житейское попеченіе. Но пусть тотъ же священникъ сдѣлаетъ возгласъ католическаго патера Sursum corda—тотъ же вѣрующій, какъ бы хорошо онъ ни зналъ, что это тотъ же самый возгласъ, только на латинскомъ языкѣ и въ стилитическомъ отношеніи даже болѣе энергичный, вѣрующій не поднимется духомъ отъ

этого возгласа, потому что не привыкъ къ нему. Такъ религіозное міросозерцаніе и настроеніе каждаго общества неразрывно связаны съ текстомъ и обрядами, ихъ воспитавшими.

Но, можетъ быть, такая тѣсная связь религіозныхъ обрядовъ и вобще формъ съ сущностью вѣроученія сама по себѣ есть только недостатокъ религіознаго воспитанія, и вѣрующій духъ можетъ обойтись безъ этихъ тяжелыхъ обрядовыхъ накладокъ, а потому надобно помогать ему безъ нихъ обходиться? Да, можетъ быть, со временемъ, когда-нибудь эти накладки и станутъ излишними, когда человѣческій духъ путемъ дальнѣйшаго совершенствованія освободитъ свое религіозное чувство отъ вліянія внѣшнихъ впечатлѣній и отъ самой потребности въ нихъ, когда человѣкъ будетъ молиться «духомъ и истиною». Тогда и религіозная психологія будетъ другая, непохожая на ту, какую воспитывала практика всѣхъ доселѣ извѣстныхъ религій. Но съ тѣхъ поръ, какъ люди стали себя помнить, въ продолженіе тысячелѣтій и до нашихъ дней, они не умѣли обойтись безъ обряда ни въ религіи, ни въ другихъ житейскихъ отношеніяхъ нравственаго характера. Надобно строго различать способъ усвоенія истины сознаніемъ и волей. Для сознанія достаточно извѣстнаго усилія мысли и памяти, чтобы понять и запомнить истину. Но этого очень мало, чтобы сдѣлать истину руководительницей воли, направительницей жизни цѣлыхъ обществъ. Для этого нужно облечь истину въ формы, въ обряды, въ цѣлое устройство, которое непрерывнымъ потокомъ надлежащихъ впечатлѣній приводило бы наши мысли въ извѣстный порядокъ, наше чувство въ извѣстное настроеніе, долбило бы и размягчало нашу грубую волю и такимъ образомъ, посредствомъ непрерывнаго упражненія и навыка, превращало бы требованія истины въ привычную нравственную потребность, въ непроизвольное влеченіе воли. Сколько прекрасныхъ истинъ, озарявшихъ духъ человѣческій и способныхъ освѣтить и согрѣть людское общежитіе, погибло безслѣдно для него только потому, что онѣ не успѣли во-время облечься въ такое устрой-

ство и помощью его не были достаточно разучены людьми! Такъ не въ одной религіи, такъ и во всемъ. Какой угодно великолѣпный музыкальный мотивъ не произведетъ на насъ должнаго художественаго впечатлѣнія въ томъ простомъ схематическомъ видѣ, въ какомъ онъ родится въ художественномъ воображеніи композитора; его надобно разработать, положить на инструментъ или на цѣлый оркестръ, повторить въ десяткѣ ладовъ и варіацій и разыграть передъ цѣлымъ собраніемъ, гдѣ маленькій восторгъ каждаго слушателя заразитъ его сосѣдей справа и слѣва и изъ этихъ миніатюрныхъ личныхъ восторговъ составится громадное общее впечатлѣніе, которое каждый слушатель унесетъ къ себѣ домой и много дней будетъ имъ оборoняться отъ невзгодъ и пошлостей ежедневной жизни. Люди, слышавшіе проповѣдь Христа на горѣ, давно умерли и унесли съ собою пережитое ими впечатлѣніе; но и мы переживаемъ долю этого впечатльнія, потому что текстъ этой проповѣди вставленъ въ рамки нашего богослуженія. Обрядъ или текстъ это своего рода фонографъ, въ которомъ застылъ нравственный моментъ, когда-то вызвавшій въ людяхъ добрыя дѣла и чувства. Этихъ людей давно нѣтъ, и моментъ съ тѣхъ поръ не повторился; но помощью обряда или текста, въ который онъ скрылся отъ людского забвенія, мы по мѣрѣ желанія воспроизводимъ его и по степени своей нравственной воспріимчивости переживаемъ его дѣйствіе. Изъ такихъ обрядовъ, обычаевъ, условныхъ отношеній и приличій, въ которые отлились мысли чувства, исправлявшія жизнь людей и служившія для нихъ идеалами, постепенно путемъ колебаній, споровъ, борьбы и крови складывалось людское общежитіе. Я не знаю, каковъ будетъ человѣкъ черезъ тысячу лѣтъ; но отнимите у современнаго человѣка этотъ нажитой и доставшійся ему по наслѣдству скарбъ обрядовъ, обычаевъ и всякихъ условностей—и онъ все забудетъ, всему разучится и долженъ будетъ все начинать сызнова.

ДОМАШНІЙ БЫТЪ РУССКИХЪ ЦАРЕЙ въ XVI и XVII ст.

И. Забѣлинъ.

Послѣ обѣдни въ Комнатѣ въ обыкновенные дни государь слушалъ доклады, челобитныя и вообще занимался текущими дѣлами. Съ докладами входили начальники приказовъ и сами ихъ читали передъ государемъ. Думный дьякъ докладывалъ челобтныя, вносимыя въ Комнату и помѣчалъ рѣшенія. Присутствовавшія въ Комнатѣ бояре во время слушанья дѣлъ не смѣли садиться.

«А когда случиться государю сидѣти въ покояхъ своихъ, говоритъ Котошихинъ, и слушаетъ дѣлъ или слова разговорные говоритъ, и бояре стоятъ передъ нимъ всѣ, а пристанутъ стоя, и они выходятъ отдыхать сидѣть на дворъ»... въ Переднюю или въ сѣни, а иногда и на площадку передъ царскими хоромами. Когда, особенно по пятницамъ, государь открывалъ обыкновенное сидѣніе со бояры, или засѣданіе Думы, то бояре садились по лавкамъ, отъ царя поодаль, бояре подъ боярами, окольничіе подъ окольничими, думные дворяне также, кто кого породою ниже, а не по службѣ, т. е. не по старшинству пожалованія въ чинъ, такъ что иной и сегодня пожалованный, напримѣръ, изъ спальниковъ или стольниковъ въ бояре, садился, по породѣ, выше всѣхъ тѣхъ бояръ, которые были ниже его породою. Думные дьяки обыкновенно стояли, а инымъ временемъ, особенно если сидѣнье со бояры продолжалось долго, государь и имъ повелѣвалъ садиться.

Засѣданіе и слушанье дѣлъ въ Комнатѣ оканчивалось около двѣнадцати часовъ утра. Бояре, ударивъ челомъ государю, разъѣзжались, а государь шелъ къ столовому кушанью, или обѣду, къ которому иногда приглашалъ и нѣкоторыхъ изъ бояръ, самыхъ уважаемыхъ и близкихъ; но большею частью государь кушалъ одинъ. Обыкновенный столъ его не былъ такъ

изысканъ и роскошенъ, какъ столы праздничные, посольскіе и другіе.

Обыкновенно каждое блюдо, какъ только оно отпускалось съ поварни, всегда отвѣдывалъ поваръ въ присутствіи самого дворецкаго или стряпчаго.

Потомъ блюда принимали ключники и несли во дворецъ въ предшествіи стряпчаго, который охранялъ кушанье. Ключники, подавая явства на кормовой поставецъ, дворецкому, также отвѣдывали, каждый со своего блюда. Затѣмъ кушанье отвѣдывалъ самъ дворецкій и сдавалъ стольникамъ нести передъ государя. Стольники держали блюда на рукахъ, ожидая, когда потребуютъ. Отъ нихъ кушанье принималъ уже кравчій, точно также отвѣдывалъ съ каждаго блюда и потомъ ставилъ на столъ. То же самое наблюдалось и съ винами: прежде нежели они доходили до царскаго чашника, ихъ также нѣсколько разъ отливали и пробовали, смотря по тому, черезъ сколько рукъ они проходили. Чашникъ, отвѣдавъ вино, держалъ кубокъ въ продолженіи всего стола и каждый разъ, какъ только государь спрашивалъ вино, онъ отливалъ изъ кубка въ ковшъ и предварительно самъ выпивалъ, послѣ чего уже подносилъ кубокъ царю.

Всѣ эти продсторожности установлены были изъ страха отравы и порчи и объясняются исторіей отношеній московскаго самодержавія къ княжеской и боярской средѣ. Послѣ обѣда государь ложился спать и обыкновенно почивалъ до вечеренъ, часа три. Въ вечерню снова собирались во дворецъ бояре и прочіе чины, въ сопровожденіи которыхъ царь выходилъ въ верховую церковь къ вечернѣ. Послѣ вечерни иногда также слушались дѣла или собиралась Дума. Но обыкновенно все время послѣ вечерни до вечерняго кушанья, или ужина государь проводилъ уже въ семействѣ или съ самыми близкими людьми. Время это было отдыхомъ, и потому оно посвящалось домашнимъ развлеченіямъ и увеселеніямъ, свойственнымъ вѣку и вкусамъ тогдашняго общежитія. По свидѣтельству иностранцевъ, цари отличались большою любознательностью, которая ставила ихъ въ кругъ самыхъ образован-

ныхъ людей того времени. По характеру же нашего древняго образованія, потребность знанія могла удовлетвориться только чтеніемъ,—вотъ почему чтеніе составляло одно изъ любимѣйшихъ занятій во время отдыха. Но какъ поборники и хранители православія, цари, предпочитали чтеніе духовно-назидательное и церковноисторическое. Но, изучая во всей подробности церковную исторію и догматы православія, цари удѣляли не мало времени отечественнымъ лѣтописямъ и сказаніямъ, которыя даже и составлялись подъ ихъ редакціею. Весьма много также интереса представляли въ то время свѣдѣнія космографическія и политическія: первыя черпались изъ космографій переводныхъ, вторыя преимущественно изъ посольскихъ записокъ и разсказовъ пословъ. Со времени царя Алексѣя Михайловича стали вывозить и куранты, или тогдашніе европейскіе журналы, которые постоянно и переводились для чтенія государю.

Кромѣ чтенія, цари любили живую бесѣду, любили разсказы бывалыхъ людей о далекихъ земляхъ, объ иноземныхъ обычаяхъ и особенно о старинѣ. Англичанинъ Коллинсъ говоритъ, что царь Алексѣй Михайловичъ держалъ во дворцѣ стариковъ, имѣвшихъ по сту лѣтъ отъ-роду и очень любилъ слушать ихъ разсказы о старинѣ. Это были такъ называемые верховые (придворные) богомольцы, весьма уважаемые за ихъ благочестивую жизнь и древность лѣтъ. Они жили подлѣ царскихъ хоромъ въ особомъ отдѣленіи дворца и на полномъ содержаніи и попеченіи государя. Верховые богомольцы назывались также и верховыми нищими въ числѣ ихъ были и юродивые. Царица и взрослыя царевны имѣли также при своихъ комнатахъ верховыхъ богомолицъ и юродивыхъ. Общество благоговѣло передъ ними, чтило ихъ какъ пророковъ и провозвѣщателей Божьей воли, какъ неуклонныхъ и нелицепріятныхъ обличителей.

Въ числѣ обыкновенныхъ и самыхъ любимыхъ развлеченій государя была игра въ шахматы, и однородныя съ нею игры тавлеи, саки и бирки.

Во дворцѣ была потѣшная палата, въ которой

разнаго рода потѣшники забавляли царское семейство пѣснями, музыкою, пляскою, танцеваніемъ по канату и другими эквилибристическими «дѣйствами». Извѣстно также, что въ дворцовомъ штатѣ царя состояли дураки-шуты, и у царицы дурки-шутихи, карлы и карлицы. Они пѣли пѣсни, кувыркались и предавались разнаго рода веселостямъ, которыя служили немалымъ потѣшеніемъ государеву семейству. По словамъ иностранцевъ, это была самая любимая забава царя Ѳеодора Ивановича.

Зимой, особенно по праздникамъ, цари любили смотрѣть медвѣжье поле, то-есть бой охотника съ дикимъ медвѣдемъ. Раннею весною, лѣтомъ и во всю осень они часто выѣзжали въ окрестности Москвы на соколиную охоту.

КУПЕЧЕСТВО XVI—XVII ВѢКА.

(Н. Костомаровъ. Очеркъ торговли московскаго государства въ XVI и XVII столѣтіяхъ).

Духъ общинности,—исконная и отличительная черта великорусскаго народа встарину, скрѣплявшій торговцевъ въ ихъ посадахъ, сотняхъ, слободахъ, соединялъ ихъ торговыя предпріятія и способствовалъ образованію компаній и товариществъ или складчинъ. Нѣсколько купцовъ складывали вмѣстѣ свои капиталы, а къ нимъ присоединялись другіе, побѣднѣе, каждый со своей частью, и представляя товарищамъ торговые обороты. Часто къ нимъ приставали стрѣльцы, казаки, разные служилые люди, а иногда и воеводы, но тайкомъ, потому что воеводамъ запрещалось торговать какимъ бы то ни было образомъ, а между прочимъ и участвовать въ торговыхъ складчинахъ. Такія складчины предпринимали торговыя операціи въ отдаленныхъ странахъ. Подобная компанія была ограблена въ Хивѣ въ 1646 году. Торговля въ Сибири тоже производилась складчинами. Мелкіе торговцы и промышленные крестьяне уѣздовъ Шуйскаго, Суздальскаго и другихъ,

прилежащихъ Клязьмѣ и ея бассейну, составляли пѣшеходныя компанія, что называлось «въ ходьбу ходить», и они сами назывались ходебщики. Они отправлялись въ украинные города; предметъ ихъ торговли были иконы, что называлось не продавать, но мѣнять иконы.

Зажиточные купцы, напримѣръ, гости держали у себя покручениковъ и приказчиковъ, которыхъ посылали въ разные стороны. Они торговали отъ имени своего хозяина и каждый, кто имѣлъ съ ними дѣло, имѣлъ его какъ бы съ самимъ хозиномъ. Впрочемъ, Торговый уставъ 1653 года освобождалъ хозяевъ отъ отвѣтственности за братьевъ, племянниковъ и приказчиковъ, если они окажутся виновными въ нарушеніи торговыхъ сдѣлокъ безъ вѣдома хозяевъ.

Приказчики и покручeники находились у хозяина въ такой патріархальной зависимости, какъ его домочадцы. У хозяна, который велъ торговлю мелочную, они сидѣли въ лавкахъ, а по вечерамъ являлись къ нему для счетовъ.

Нерѣдко хозяинъ проводилъ въ бесѣдѣ съ ними цѣлые часы, посвящалъ одинъ вечеръ одному приказчику или покрученику, другой иному и т. д. Эти молодые люди, служа у хозяевъ, научались отъ нихъ торговой обортливости въ свою очередь дѣлались со временемъ купцами. Если хозяинъ находилъ особенную исправность и прилежаніе въ своемъ покрученикѣ, то отличалъ его какою-нибудь почестью, напримѣръ, сажалъ, съ собою обѣдать, или подавалъ отъ себѣ кушанье, или давалъ ему платье съ своего плеча, соблюдая тѣ же обычаи, какіе бывали при дворѣ у царя съ вельможами. За дурное поведеніе, лѣность и нерасторопность онъ бранилъ его, а смотря по винѣ и бивалъ, или налагалъ на него пеню. Если же никакими мѣрами нельзя было привести покрученика на путь истины, то хозяинъ ссылалъ его со двора; добрый хозяинъ долженъ былъ прибѣгнуть къ этой послѣдней мѣрѣ безъ запальчивости, ласково, съ сожалѣніемъ, послѣдній разъ покормивши своего покрученика, и приписывать его неисправность врожденной глупости, потому что если ко-

го и у д а р ъ н е и м е т ъ, то это было явнымъ признакомъ крайней непонятливости.

Молодые купцы научались отъ родителей и старыхъ родственниковъ изъ ихъ примѣровъ, ихъ словесныхъ наставленій и, наконецъ, изъ ихъ записокъ, ибо въ XVI и XVII вѣкѣ было въ обычаѣ составлять торговые книги или памятныя записки о торговлѣ, какъ это показываетъ одна уцѣлѣвшая торговая книга. Она, какъ будто, написана опытнымъ торговцемъ съ цѣлью служить руководствомъ для молодыхъ. Впрочемъ, не думаемъ, чтобы подобные мемуары были въ старину въ большемъ употребленіи, при всеобщей малограмотности тогдашняго общества, когда самые богатые торговцы, какъ напримѣръ, «гости» не знали грамоты: такъ при Алексѣѣ Михайловичѣ въ полученіи жалованной грамоты вмѣсто безграмотнаго гостя Аѳанасія Ѳедотова подписывался духовный отецъ его.

ДВОРЯНСТВО XVIII ВѢКА.

(И. Посошковъ. О скудости и богатствѣ).

Тѣмъ прежнимъ указомъ такъ дворяне избалованы: въ Устрицкому стану есть дворянинъ Ѳеодоръ Макеевъ, сынъ Пустошкинъ, уже состарился, а на службѣ ни на какой и одною ногою не бывалъ; и какія посылки жестокія на него ни бывали, никто взять его не могъ: овыхъ дарами угобзитъ, а кого дарами угобзить не можетъ, то притворитъ себѣ тяжкую болѣзнь, или возложитъ на себя юродство и въ озерѣ по бродѣ попуститъ. И за такимъ его пронырствомъ иніи и съ дороги отпущали; а егда изъ глазъ у посыльниковъ выѣдетъ, то юродство свое отложитъ, и домой пріѣхавъ, яко левъ рыкаетъ. И аще никаковыя службы Великому Государю огурства не показалъ, а сосѣди всѣ его боятся; дѣтей у него четыре сына вырощены, и меньшому его есть лѣтъ семнадцать, а по 719 годъ никто ихъ на службу выслать не могъ, а въ томъ 719 году, не вѣмъ, по какому случаю, двухъ его сыновъ записали въ службу. Обаче

всѣ записанные и не записанные большую половину дома живутъ; а какимъ способомъ живутъ, то я не могу сказать.

И не сей токмо Пустошкинъ, но многое множество дворянъ вѣки свои проживаютъ: въ Алексинскомъ уѣздѣ видѣлъ я такого дворянина, именемъ Ивана Васильева сына Золотарева. Дома сосѣдямъ своимъ страшенъ яко левъ, а на службѣ хуже козы. Въ Крымскомъ походѣ не могъ онъ отбыть, чтобы нейтить на службу, то онъ послалъ вмѣсто себя убогаго дворянина, прозваніемъ Темирязева, и далъ ему лошадь да человѣка своего; то онъ его именемъ и былъ на службѣ, а самъ онъ дома былъ, и по деревнямъ шестерикомъ разъѣзжалъ, и сосѣдей своихъ разорялъ.

И сему я вельми удивляюсь, какъ они такъ дѣлаютъ: знатное дѣло, что въ полкахъ воеводы и полковники скупы съ нихъ берутъ, да мирволятъ имъ.

И не токмо городовые дворяне, но кои и по Москвѣ служатъ и называются царедворцами, а и тѣ множайше Великому Государю идутъ; егда нарядъ имъ бываетъ на службу, то иніи напишутся въ сыскъ за свои вотчины, да тамъ и пробудутъ военную пору; а иные напишутся въ выемщики, по дворамъ вино корчемное вынимать, и въ инымъ всякимъ дѣламъ бездѣльнымъ добившись, да тако и проживали военную пору.

А и нынѣ, если посмотрѣть: многое множество у дѣлъ такихъ брызгалъ, что могъ бы онъ одинъ пятерыхъ непріятелей гнать, а онъ добившись къ какому дѣлу наживочному, да живетъ себѣ, да наживаетъ пожитки, ибо овые добившись въ коммисары и въ четверщики и въ подкоммисарья и въ судьи и во иныя управленія, и живутъ въ покоѣ да богатятся; а убогіе дворяне служатъ, и со службы мало съѣзжаютъ; иніи лѣтъ по двадцати и по тридцати служатъ; а богатые лѣтъ пять или шесть послужатъ, да и промышляютъ, какъ бы отъ службы отбыть да добиться къ дѣламъ; и добившись къ дѣламъ, вѣкъ свой и проживаютъ.

ПРОВИНЦІАЛЬНОЕ ДВОРЯНСТВО XVIII ВѢКА.

(Изъ записокъ А. Т. Болотова).

Не успѣлъ, я, пріѣхавши къ нимъ (сестрѣ и ея мужу), еще осмотрѣться, какъ принужденъ былъ вмѣстѣ съ ними готовиться къ одному знаменитому торжеству. Случилось такъ, что черезъ день послѣ того была сестра моя именинницею. Зять мой, будучи по тамошнему мѣсту неубогій дворянинъ, имѣлъ обыкновеніе всѣ такіе дни праздновать отличнымъ образомъ, и потому засталъ я ихъ дѣлающихъ къ тому всѣ нужныя приготовленія. Какъ мнѣ сказали, что у нихъ въ сей день множество гостей будетъ, то, мечтая въ умѣ своемъ, что мнѣ при семъ случаѣ можно будетъ себя показать, велѣлъ и я разобраться и приготовилъ для себя наилучшее мое платье. Дядя приказалъ сшить мнѣ оное предъ самымъ почти моимъ отъѣздомъ, и оно было тогда самое модное и довольно богатое. О! если бъ нынѣ убрать кого-нибудь въ таковое, какимъ бы шутомъ онъ намъ показался! Было оно синее, суконное, съ бѣлыми большими разрѣзными обшлагами и бѣлымъ суконнымъ же камзоломъ и исподнимъ платьемъ. Пуговицы повсюду гладкія, золотыя, а петли по всѣмъ мѣстамъ обшиты широкими золотыми битными балетами. Зять и сестра расхвалили оное въ прахъ, и послѣдняя была въ особливости рада, что ей не стыдно будетъ показать меня гостямъ своимъ.

Торжество было и въ самомъ дѣлѣ нарочито-великое. Сколько ни было въ ближнемъ сосѣдствѣ дворянъ, всѣ присутствовали на ономъ, и пробыли не только весь день, но и другого половину. Наизнаменитѣйшій изъ всѣхъ гостей былъ нѣкто г. Сумороцкій, по имени Петръ Михайловичъ. Господинъ сей былъ богатый дворянинъ по городу Пскову и имѣлъ полковничій чинъ. Настоящій его домъ былъ неподалеку отъ города, а тутъ имѣлъ онъ другой, куда передъ недавнимъ временемъ онъ на осень пріѣхалъ. Зять мой имѣлъ къ нему особливое почтеніе и считалъ его себѣ хорошимъ другомъ, чего онъ

по разуму и добродушію своему былъ и достоинъ; впрочемъ, тогда у насъ съ женою своею, также боярынею весьма разумною и почтенія достойною и меньшою своею дочерью, которая одна при немъ тогда и была, дѣвочкою моихъ почти лѣтъ, весьма разумною и воспитанною весьма порядочно.

Другимъ гостемъ былъ самый ближайшій сосѣдъ зятя моего, по фамиліи также Сумароцкій, а по имени Василій Степановичъ, дворянинъ не весьма богатый, мужичоночка маленькій, тоненькій, черненькій, съ навислыми надъ глазами превеликими бровями, и имѣющій жену претолстую и предородную и превеликое семейство, состоящее изъ однѣхъ дочерей, изъ коихъ иныя были уже нарочито-велики, а иныя еще малы. Съ нимъ было тогда три. Впрочемъ же, былъ онъ человѣкъ ласковый и предобрый.

Третій гость былъ нѣкто г. Брылкинъ, дворянинъ, имѣющій жену, боярыню бойкую и небольшую еще дочь. Самъ же былъ онъ изъ простаковъ, любившій отмѣнно курить табакъ и выпить лишнюю рюмку вина; впрочемъ въ обхожденіи довольно изрядный и ласковый.

Кромѣ сихъ трехъ фамилій, которыя были мнѣ всѣхъ прочихъ памятнѣе, было еще и нѣсколько другихъ, но которыхъ я уже и позабылъ. Зять мой и сестра старались всѣхъ ихъ угостить наивозможнѣйшимъ образомъ. Всѣ они ласкались ко мнѣ, какъ къ новопріѣзжему, и всякій рекомендовалъ себя въ любовь и знакомство. Но ничьими ласками я такъ доволенъ не былъ, какъ г. Сумароцкаго П. М. Онъ тотчасъ ко мнѣ адресовался, сказавъ мнѣ, что онъ весьма знакомъ былъ моему родителю и считалъ его себѣ другомъ; просилъ, чтобъ я его любилъ; потомъ распрашивалъ о Петербургѣ и о томъ, гдѣ я, у кого и долго ли и чему учился, и былъ всѣми моими отвѣтами доволенъ; словомъ, я имѣлъ счастье какъ ему, такъ и всѣмъ гостямъ полюбиться; а сверхъ того и для сестры моей, которую онѣ всѣ любили, изъявляли они мнѣ наперерывъ другъ передъ другомъ свои ласки.

Обѣдъ былъ подлинно праздничный, и хоть бы и не въ деревнѣ, и продолжался нѣсколько часовъ. Псковскіе

дворяне любили тогда быть веселы и заставливать въ компаніяхъ нерѣдко разносить рюмки.

Понабравшись немного за столомъ, захотѣлось имъ послѣ онаго повеселиться еще далѣе. У г. Сумороцкаго была своя музыка; зять мой постарался о томъ, чтобъ онъ привезъ ее съ собою. Музыки не были тогда такія огромныя, какъ нынѣ; ежели скрипички двѣ-три и умѣли играть польскіе и миноветы и контротанцы, такъ и довольно. Немногіе сіи инструменты можно было возить съ собою въ коляскахъ, а музыканты отправляли должность лакеевъ.

Такова рода музыка была и у г. Сумороцкаго; ее заставили тотчасъ послѣ обѣда играть, и господа затѣяли деревенскіе танцы.

Нечего тогда мнѣ было дѣлать, я принужденъ былъ идтить и, не помня самъ себя, танцевать миноветъ первый. Совсѣмъ тѣмъ меня похвалили, а сіе меня такъ ободрило, что я съ того часа сдѣлался смѣлѣе и во весь день и вечеръ протанцевалъ со всѣми барышнями, безъ всякаго приневоливанія; ибо могу сказать, что сіе упражненіе было мнѣ всегда пріятно, и я во всю мою жизнь былъ охотникъ до танцевъ.

Между тѣмъ, какъ мы симъ образомъ упражнялись въ танцахъ, барыни занимались карточною игрою. Любимая у всѣхъ и лучшая игра была тутъ памфелъ. Чтожъ касается до господъ, то сіи упражнялись, держа въ рукахъ то-и-дѣло подносимыя рюмки, въ разговорахъ, а какъ подгуляли, то захотѣли и они танцами повеселиться. Музыка должна была играть то, что имъ было угодно, и по большей части русскія плясовыя пѣсни, дабы подъ нихъ плясать можно было. Не успѣли его начать, какъ принуждены были боярыни покинуть свои карты и дѣлать имъ кампанію.

Къ музыкѣ присовокуплены были потомъ и дѣвки со своими пѣснями; а на смѣну имъ, наконецъ, созваны умѣющіе пѣть лакеи; и такъ, поперемѣнно, то тѣ, то другія утѣшали подгулявшихъ господъ до самаго ужина.

Но никто изъ гостей такъ мнѣ въ сей вечеръ не надоѣлъ, какъ помянутый господинъ Брылкинъ. Человѣкъ онъ былъ самый неуклюжій, но шутиливый. Во весь ве-

черъ все сваталъ мнѣ и рекомендовалъ невѣстъ и совѣтывалъ жениться у нихъ въ Псковщинѣ; а какъ ничѣмъ меня, какъ застѣнчиваго ребенка, такъ скоро въ стыдъ и смущеніе привесть было не можно, какъ симъ пунктомъ, то надоѣлъ онъ мнѣ какъ горькая рѣдька, и я принужденъ былъ отъ него даже бѣгать и скрываться.

Гости всѣ у насъ ночевали и на другой день обѣдали, и не прежде разъѣхались, какъ уже передъ вечеромъ. Для меня торжества сего рода были до того времени совсѣмъ необыкновенны, ибо въ нашихъ мѣстахъ подобныхъ тому я никогда еще не видалъ, и они мнѣ полюбились.

Черезъ день послѣ того, званы мы на такой же обѣдъ къ маленькому г. Сумороцкому, живущему отъ зятя моего версты только четыре. Я охотно поѣхалъ туда вмѣстѣ съ сестрою и зятемъ. Тутъ были всѣ тѣ же гости, которые были у насъ, и была опять музыка и танцеваніе, а черезъ нѣсколько дней послѣ того звалъ насъ всѣхъ г. Брылкинъ, и какъ онъ жилъ нѣсколько подалѣе, то мы не только у него обѣдали, но также и ночевали. А не успѣло нѣсколько дней пройтить, какъ пріѣхали звать также отъ старика г. Сумороцкаго. Сей хотѣлъ также всѣхъ сосѣдей угостить, и, можно сказать, что удовольствовалъ всѣхъ до избытка.

ДУХОВЕНСТВО ВЪ XVIII ВѢКѢ.

(И. Посошковъ. О скудости и богатствѣ).

Отъ пресвитерскаго небреженія уже много нашего Россійскаго народа въ погибельныя ереси уклонилось; большая бо часть склонилась въ погибельный путь, въ древнемъ же благочестіи уже малая часть остается; ибо въ великомъ Новѣгородѣ едва и сотая часть обрящется ли древняго благочестія держащихся.

А пресвитеровъ аще и много во градѣ, обаче не пекутся о томъ, еже бы отъ таковыя погибели ихъ отрватити и на правый путь направити; но есть еще и такіе пресвитеры, что и потакаютъ имъ, и того ради церкви всѣ уже запустѣли, и такъ было до нынѣшняго 725 года

въ церквахъ пусто, что и въ недѣльный день человѣкъ двухъ-трехъ настоящихъ прихожанъ не обрѣталося.

А нынѣ Архіерейскимъ указомъ, слава Богу, мало-по-малу начинаютъ ходить ко святой церкви.

Гдѣ бывало человѣка по два-три бываетъ въ церкви, а нынѣ и десятка два-три бываетъ по воскреснымъ днямъ, а въ больщіе праздники бываетъ и больше, и то страха ради, а не ради истиннаго обращенія. И впредь аще подкрѣпленія не будетъ, то вси по прежнему ходить по церквамъ не будутъ; вельми бо въ нихъ вкоренилась раскольницкая ересь.

А вся сія гибель чинится отъ пресвитеровъ: ибо не токмо отъ лютарскія или римскія ереси, но и отъ самого дурацкаго раскола не знаютъ чѣмъ оправити себя, а ихъ бы обличить, и научить, какъ имъ жить, и отъ пропасти адскія како имъ избыть, но и запретить крѣпко не разумѣютъ, или не смѣютъ, или на пенязи склоняются, и небрегутъ о селѣ.

Видѣлъ я въ Москвѣ пресвитера изъ знатнаго дома боярина Льва Кирилловича Нарышкина, что и татаркѣ противъ ея заданія отвѣту здраваго дать не умѣлъ, что же можетъ рещи сельскій попъ, иже и вѣры христіанскія, на чемъ основана не вѣдаетъ.

А нынѣ истинно таковыхъ пресвитеровъ много, что не то, чтобы кого отъ невѣрія въ вѣру привести, но и того не знаютъ, что есть реченія вѣра, и не до сего ста, но есть таковые, что и церковныя службы, како прямо отправить, не знаютъ; да и знать не по чему: печатнаго двора справщики отъ многаго питья и отъ роскошнаго житья утыли, и не хощутъ яснаго изъявленія о всякомъ церковномъ служеніи напечатать, чтобы всякій могъ разумѣть, какъ что отправлять. Но токмо той пресвитеръ мало-мало и можетъ прямо отправляти, кой довольное время побудетъ въ городѣ при соборѣ, или при разумномъ пресвитерѣ въ подначальствѣ, тотъ то лишь можетъ по надлежащему службу церковную отправить; а буде кой подъ началомъ не много побылъ, тотъ ничего по книгамъ отправити не можетъ.

Въ Новѣгородѣ видалъ я прошлаго 720 года новоставленника такова въ діаконствѣ на литоргіи, не могъ

единыя страницы во Евангеліи прочести еже бы разовъ пяти-шести не помѣшатися....

И того ради надлежащей предѣлъ учинить сицевый: аще кой пресвитеръ, напившися до пьяна по улицѣ ходя, или гдѣ и сидя; будетъ кричать нелѣпостью и бранью, и сквернословити и дратися съ кѣмъ, или пѣсни пѣть, то таковыхъ имать, и въ архіерейскій приказъ отводить, и за такое нелѣпотство ихъ наказывать удрученіемъ въ архіерейскихъ и монастырскихъ работахъ, сверхъ удрученія обложеніемъ штрафа или отнятіемъ священнодѣйствія, или какъ о томъ уложено будетъ отъ архіереевъ, дабы пресвитеры и діаконы черезмѣрно до пьяна не напивались....

О семъ я неизвѣстенъ, какъ дѣется въ прочихъ земляхъ, чѣмъ питаются сельскіе попы, а о семъ весьма извѣстенъ, что у насъ въ Россіи сельскіе попы питаются своею работою, и ни чѣмъ они отъ пахотныхъ мужиковъ неотмѣнны; мужикъ за соху и попъ за соху, мужикъ за косу и попъ за косу, а церковь святая и духовная паства остается въ сторонѣ. И отъ такова ихъ земледѣлія христіане помираютъ не токмо сподобившися принятія тѣла Христова, но и покаянія лишаются и умираютъ яко скотъ. И сіе, како бы исправити, не вѣмъ: жалованья Государева имъ нѣтъ, отъ міру никакого подаянія имъ нѣтъ же, и чѣмъ имъ питаться, Богъ вѣсть.

А у коихъ церквей по одному попу, то, чаю, и во весь годъ обѣденъ десятка другого не отслужитъ; понеже аще пашни ему не пахать, то голодну быть.

ВОЕННЫЯ ПОСЕЛЕНІЯ.

(Воспоминанія М. Ѳ. Бороздина).

Послѣ 1814 года графу Аракчееву поручено было составить проектъ военныхъ поселеній. Цѣль заключалась—въ сокращеніи расходовъ на содержаніе арміи и въ образованіи войска—обученнаго и мало стоящаго казнѣ.

Мнѣнія Барклай-де-Толли и Дибича о вредныхъ по-

слѣдствіяхъ подобнаго учрежденія оставлены безъ вниманія.

Пробѣгая исторію новѣйшаго времени Россіи, невольно истанавливаешься на личности графа Аракчеева. Не беру на себя труда судить о его государственномъ умѣ, но достоинство ума теряетъ цѣну, если человѣку чужды снисходительность и состраданіе къ другимъ,— если въ его душѣ подавлены нѣжныя чувства, и камень замѣняетъ сердце.

Но для Аракчеева не было ничего невозможнаго,— онъ жертвовалъ всѣмъ для своихъ цѣлей. Онъ смотрѣлъ на простой народъ, какъ на орудія физической силы.

Новгородская губернія, населенная закоренѣлыми раскольниками, обратила его вниманіе. Потомки прежней новгородской вольницы сохранили еще черты стариннаго буйнаго характера. Даже монахи Рдѣйскаго монастыря (подъ Холмомъ) выходили для промысла на дороги. Эта губернія избрана была центромъ военнаго поселенія, которое формировалось изъ казенныхъ деревень и имѣній, насильно вымогаемыхъ у помѣщиковъ. Дворяне, притѣсняемые всѣми возможными средствами, принуждены были удалиться изъ своихъ родовыхъ помѣстій. На правомъ берегу Волхова, почти напротивъ Юрьевской обители, жилъ отставной полковникъ временъ Суворова. Ему предложили продать свое имѣніе: тотъ и слушать не хотѣлъ. Аракчеевъ приказалъ обвести канавою всего его помѣстье, засѣять поле хлѣбомъ и забирать скотъ и птицъ, если попадутся на казенной землѣ. Полковникъ, отрѣзанный отъ города и отъ рѣки, долженъ былъ наконецъ покинуть свое гнѣздо.

Изъ казенныхъ деревень—Ясенева (въ 13 верстахъ отъ Новгорода), первая обращена въ поселеніе. Лейбъ-гвардіи Семеновскій полкъ прибылъ изъ столицы въ декабрѣ мѣсяцѣ и шесть недѣль блокировалъ селеніе мирнымъ способомъ. Крестьяне, оттѣсненные къ послѣдней избѣ, измученные голодомъ и холодомъ—покорились; цирюльники сейчасъ остригли и обрили ихъ, подъ жалобный вой крестьянокъ. Командировка полка въ насмѣшку названа была—Ясеневскою копманіею. Это сообщилъ мнѣ отставной ген.-лейт. Дубельтъ.

Въ другихъ селеніяхъ, крестьяне выказали болѣе упорства: они гибли въ наказаніяхъ, не желая разстаться съ бородами: многіе были закованы въ цѣпи, какъ преступники, и отправлены въ Оренбургскій край.

Такимъ образомъ правительственныя власти укореняли недовольствіе и ропотъ между дворянствомъ и простымъ народомъ. Время и сила поддержали нововведеніе, но воспоминаніе о безчеловѣчныхъ поступкахъ сохранилось въ памяти молодого поколѣнія.

Поселянамъ дали ружья и аммуницію,—они пахали землю и ходили на ученья,—дѣти ихъ составляли батальоны военныхъ кантонистовъ.

Округа получила названіе по полкамъ Гренадерскаго корпуса, а 13-й и 14-й—назначены были для артиллеріи. Полки раздѣлялись на батальоны и роты. Деревни (связи) перестроены по утвержденнымъ планамъ и фасадамъ.

Аракчеевъ придавалъ поселенію великое значеніе, какъ дѣлу преобразованія грубаго народа, какъ подвигу человѣколюбія.

Подлая лесть, въ отчетѣ за 1824 годъ, выставляла графа «великимъ геніемъ», который въ «три мѣсяца» измѣнилъ въ крестьянскомъ населеніи «прежніе буйные нравы, пороки и самые даже порывы къ дурнымъ и вреднымъ наклонностямъ».

Графъ упросилъ однажды императора Александра I взглянуть на обновленный бытъ поселянъ, на чистоту ихъ домашняго быта, на обиліе въ средствахъ продовольствія. Государь къ удовольствію своему замѣтилъ на столахъ въ обѣденное время—хорошія щи, квасъ и жареныхъ поросятъ; полы въ домахъ были будто новыя, потому что крестьянъ обязывали застилать ихъ въ будень рогожами. Орловъ былъ догадливѣе; онъ отрѣзалъ въ первой избѣ ухо у поросенка, а въ пятой—приставилъ его на свое мѣсто къ головѣ странствующаго по избамъ зажареннаго животнаго. Пока императоръ улицею переходилъ изъ избы въ избу, поросенокъ задворками переносился со стола на столъ въ другія дома.

Съ нижними чинами Аракчеевъ отличался жестокостью. Передъ солдатами онъ напоминалъ начальникамъ

о человѣколюбіи, а за глазами требовалъ строгости и суровой взыскательности. Имя его наводило страхъ на военныхъ.

Офицеры обязывались собираться на обѣдъ въ полковые и батальонные штабы; неявляющихся подвергали штрафу. Заведенные дилижансы привозили и развозили офицеровъ послѣ обѣда обратно по деревнямъ. Иногда графъ являлся къ обѣду, но садился всегда за особымъ столомъ.

Тарелка съ кушаньемъ, назначаемая имъ кому-нибудь изъ присутствующихъ—считалась знакомъ особаго расположенія грознаго начальника.

Участь офицеровъ была слишкомъ незавидная. Для нихъ не было отставки. Упорнымъ просителямъ, по правамъ дворянской грамоты, выдавались «волчьи билеты»—нигдѣ не принимать на службу, кромѣ военнаго поселенія.

Полковые командиры въ угожденіе графу старались превзойти другъ друга въ жестокомъ обращеніи съ подчиненными. Графскій полкъ до такой степени былъ озлобленъ безчеловѣчіемъ своего командира полковника Фрикена, что едва не поднялъ его на штыки. Этотъ человѣкъ вырывалъ у солдатъ клочьями волосы, билъ эфесомъ сабли по головѣ, а о палкахъ и говорить нечего: они пробивали спины до костей.

Офицеровъ ругали и оскорбляли, стригли на барабанѣ передъ полкомъ, а молодого прапорщика Сологуба Фрикенъ засадилъ за рѣшетку вмѣстѣ съ арестантами,—потомъ при объясненіи нанесъ ему побои по лицу.

Офицеръ Батте съ товарищемъ бѣжали изъ полка, и пойманы были уже въ Курляндіи.

Немѣровскій, бывшій секретарь Аракчеева, разсказывалъ, что разъ, подавая графу бумаги для подписи, чѣмъ-то не угодилъ ему и получилъ такого «подзубника», что ему показалось, будто-бы голова его отлетѣла отъ тѣла. «Пришлось промолчать! на другой день подалъ въ отставку и слава Богу, что выпустили на волю!».

Исторія съ прапорщикомъ Сологубомъ взволновала всѣхъ офицеровъ: они рѣшились принести жалобу императору. Аракчеевъ успѣлъ ихъ отговорить, выстав-

ляя позоръ полка его имени, и обѣщаясь наказать Фрикена. Послѣ смотра графъ доложилъ государю, что офицеры «бунтуютъ». Въ слѣдующую ночь до 11-ти офицеровъ исчезли изъ полка неизвѣстно куда.

Офицеры, живя поодиночкѣ въ селеніяхъ, искали утѣшенія отъ грусти—въ водкѣ. Вотъ настоящая причина пьянства, которымъ сдѣлались извѣстными поселенные артиллеристы.

КРѢПОСТНЫЕ СЛУГИ.

(А. И. Герценъ. Былое и думы).

Много толкуютъ у насъ о глубокомъ развратѣ слугъ, особенно крѣпостныхъ. Они дѣйствительно не отличаются примѣрною строгостью поведенія; нравственное паденіе ихъ видно уже изъ того, что они слишкомъ многое выносятъ, слишкомъ рѣдко возмущаются и даютъ отпоръ. Но не въ этомъ дѣло. Я желалъ бы знать, которое сословіе въ Россіи меньше ихъ развращено? Неужели дворянство, или чиновники? Быть можетъ, духовенство?

Что-же вы смѣетесь?

Развѣ одни крестьяне найдутъ кой-какія права...

Разница между дворянами и дворовыми такъ же мала, какъ между ихъ названіями. Я ненавижу, особенно послѣ бѣдъ 1848 года, демагогическую лесть толпѣ, но аристократическую клевету на народъ ненавижу еще больше. Представляя слугъ и рабовъ распутными звѣрями, плантаторы отводятъ глаза другимъ и заглушаютъ крики совѣсти въ себѣ. Мы рѣдко лучше черни, но выражаемся мягче, ловчѣе скрываемъ эгоизмъ и страсти; наши желанія не такъ грубы и не такъ явны, отъ легкости удовлетворенія, отъ привычки не сдерживаться, мы просто богаче, сытѣе и вслѣдствіе этого взыскательнѣе. Когда графъ Альмавива исчислилъ севильскому цирюльнику качества, которыя онъ требуетъ отъ слуги, Фигаро замѣтилъ, вздыхая: «Если слугѣ надобно имѣть

всѣ эти достоинства, много ли найдется господъ, годныхъ быть лакеями?»

Развратъ въ Россіи вобще не глубокъ, онъ больше дикъ и саленъ, шуменъ и грубъ, растрепанъ и безстыденъ, чѣмъ глубокъ. Духовенство, запершись дома, пьянствуетъ и обжирается съ купечествомъ. Дворянство пьянствуетъ на бѣломъ свѣтѣ, играетъ на пропалую въ карты, дерется съ слугами, развратничаетъ съ горничными, ведетъ дурно свои дѣла и еще хуже семейную жизнь. Чиновники дѣлаютъ то же, но грязнѣе, да, сверхъ того, подличаютъ передъ начальниками и воруютъ по мелочи. Дворяне собственно меньше воруютъ, они открыто берутъ чужое, впрочемъ, гдѣ случится, похулы на руку не кладутъ.

Всѣ эти милыя слабости встрѣчаются въ формѣ еще грубѣйшей у чиновниковъ, стоящихъ за 14 классомъ, у дворянъ, принадлежащихъ не царю, а помѣщикамъ. Но чѣмъ они хуже другихъ, какъ сословіе,—я не знаю.

Перебирая воспоминанія мои не только о дворовыхъ нашего дома и Сенатора, но о слугахъ двухъ, трехъ близкихъ намъ домовъ въ продолженіе двадцати-пяти лѣтъ, я не помню ничего особенно порочнаго въ ихъ поведеніи. Развѣ придется говорить о небольшихъ кражахъ..., но тутъ понятія такъ сбиты положеніемъ, что трудно судить: человѣкъ-собственность не церемонится съ своимъ товарищемъ и поступаетъ за панибрата съ барскимъ добромъ. Справедливѣе слѣдуетъ исключить какихъ-нибудь временщиковъ, фаворитовъ и фавориток, барскихъ барынь, наушниковъ; но, во-первыхъ, они составляютъ исключеніе,—это Перекусихины въ затрапезномъ платьѣ, Помпадуръ на босую ногу; сверхъ того, они-то и ведутъ себя всѣхъ лучше, напиваются только ночью и платья своего не закладываютъ въ питейный домъ.

Простодушный развратъ прочихъ вертится около стакана вина и бутылки пива, около веселой бесѣды и трубки, самовольныхъ отлучекъ изъ дома, ссоръ, иногда доходящихъ до дракъ, плутней съ господами, требующими отъ нихъ нечеловѣческаго и невозможнаго. Разумѣется, отсутствіе, съ одной стороны, всякаго воспи-

танія, съ другой крестьянской простоты, при рабствѣ, внесли бездну уродливаго и искаженнаго въ ихъ нравы, но при всемъ этомъ они, какъ негры въ Америкѣ, остались полудѣтьми, бездѣлица ихъ тѣшитъ, бездѣлица огорчаетъ; желанія ихъ ограничены и скорѣе наивны и человѣчественны, чѣмъ порочны.

Вино и чай, кабакъ и трактиръ, двѣ постоянныя страсти русскаго слуги; для нихъ онъ крадетъ, для нихъ онъ бѣденъ, изъ-за нихъ онъ выноситъ гоненія, наказанія и покидаетъ семью въ нищетѣ. Ничего нѣтъ легче, какъ, съ высоты трезваго опьяненія патера Метью, осуждать пьянство и, сидя за чайнымъ столомъ, удивляться, для чего слуги ходятъ пить чай въ трактиръ, не пьютъ его дома, несмотря на то, что дома дешевле.

Пить чай въ трактирѣ имѣетъ другое значеніе для слугъ. Дома ему чай не въ чай; дома ему все напоминаетъ, что онъ слуга; дома у него грязная людская, онъ долженъ самъ поставить самоваръ, дома у него чашка съ отбитой ручкой и всякую минуту баринъ можетъ позвонить. Въ трактирѣ онъ вольный человѣкъ, онъ господинъ, для него накрытъ столъ, зажжены лампы, для него несется съ подносомъ половой, чашки блестятъ, чайникъ блеститъ, онъ приказываетъ—его слушаютъ, онъ радуется и весело требуетъ себѣ паюсной икры или растегайчикъ къ чаю.

Во всемъ этомъ больше дѣтскаго простодушія, чѣмъ безнравственности. Впечатлѣнія ими овладѣваютъ быстро, но не пускаютъ корней; умъ ихъ постоянно занятъ, или, лучше, разсѣянъ случайными предметами, небольшими желаніями, пустыми цѣлями. Ребячья вѣра во все чудесное заставляетъ трусить взрослаго мужчину и та же ребячья вѣра утѣшаетъ его въ самыя тяжелыя минуты. Я съ удивленіемъ писутствовавлъ при смерти двухъ или трехъ слугъ моего отца: вотъ гдѣ можно было судить о простодушномъ безпечіи, съ которымъ проходила ихъ жизнь, о томъ, что на ихъ совѣсти вовсе не было большихъ грѣховъ; а если кой-что случилось, такъ уже покончено на духу съ «батюшкой».

На этомъ сходствѣ дѣтей съ слугами и основано взаимное пристрастіе ихъ. Дѣти ненавидятъ аристокра-

тію взрослыхъ и ихъ благосклонно-снисходительное обращеніе, оттого, что они умны и понимаютъ, что для нихъ они дѣти, а для слугъ—лица. Вслѣдствіе этого, они гораздо больше любятъ играть въ карты и лото съ горничными, чѣмъ съ гостями. Гости играютъ для нихъ изъ снисхожденія, уступаютъ имъ, дразнятъ ихъ и оставляютъ игру, какъ вздумается; горничныя играютъ обыкновенно столько же для себя, сколько для дѣтей; отъ этого игра получаетъ интересъ.

Прислуга чрезвычайно привязывается къ дѣтямъ и это вовсе не рабская привязанность, это взаимная любовь слабыхъ и простыхъ.

Встарь бывала, какъ теперь въ Турціи, патріархальная династическая любовь между помѣщиками и дворовыми. Нынче нѣтъ больше на Руси усердныхъ слугъ, преданныхъ роду и племени своихъ господъ. И это понятно. Помѣщикъ не вѣритъ въ свою власть, не думаетъ, что онъ будетъ отвѣчать за своихъ людей на страшномъ судилищѣ Христовомъ, а пользуется ею изъ выгоды. Слуга не вѣритъ въ свою подчиненность и выноситъ насиліе не какъ кару Божію, не какъ искусъ, а просто оттого, что онъ беззащитенъ; сила солому ломитъ.

Я знавалъ еще въ молодости два, три образчика этихъ фанатиковъ рабства, о которыхъ со вздохомъ говорятъ восьмидесятилѣтніе помѣщики, повѣствуя о ихъ неусыпной службѣ, о ихъ великомъ усердіи, и забывая прибавить, чѣмъ ихъ отцы и они сами платили за такое самоотверженіе.

Новое поколѣніе не имѣетъ этого идолопоклонства, и если бываютъ случаи, что люди не хотятъ на волю, то это просто отъ лѣни и изъ матеріальнаго разсчета. Это развратнѣе, спору нѣтъ, но ближе къ концу; они навѣрно, если что-нибудь и хотятъ видѣть на шеѣ господъ, то не владимірскую ленту.

Скажу здѣсь кстати о положеніи нашей прислуги вообще.

Ни Сенаторъ, ни отецъ мой не тѣснили особенно дворовыхъ, т. е. не тѣснили ихъ физически. Сенаторъ былъ вспыльчивъ, нетерпѣливъ и именно потому часто грубъ и несправедливъ; но онъ такъ мало имѣлъ съ ни-

ми соприкосновенія и такъ мало ими занимался, что они почти не знали другъ друга. Отецъ мой докучалъ имъ капризами, не пропускалъ ни взгляда, ни слова, ни движенія и безпрестанно училъ; для русскаго человѣка это часто хуже побоевъ и брани.

Тѣлесныя наказанія были почти неизвѣстны въ нашемъ домѣ, и два-три случая, въ которые Сенаторъ и мой отецъ прибѣгали къ гнусному средству «частнаго дома», были до того необыкновенны, что объ нихъ вся дворня говорила цѣлые мѣсяцы; сверхъ того, они были вызываемы значительными проступками.

Чаще отдавали дворовыхъ въ солдаты; наказаніе это приводило въ ужасъ всѣхъ молодыхъ людей: безъ роду, безъ племени, они все же лучше хотѣли остаться крѣпостными, нежели двадцать лѣтъ тянуть лямку. На меня сильно дѣйствовали эти страшныя сцены...: являлись два полицейскіе солдата по зову помѣщика, они воровски, невзначай, врасплохъ брали назначеннаго человѣка; староста обыкновенно тутъ объявлялъ, что съ вечера приказалъ представить его въ присутствіе, и человѣкъ сквозь слезы куражился, женщины плакали, всѣ дѣлали подарки и я отдавалъ все, что могъ, т. е. какой-нибудь двугривенный, шейный платокъ.

Помню я еще, какъ какому-то старостѣ за то, что онъ истратилъ собранный оброкъ, отецъ мой велѣлъ обрить бороду. Я ничего не понималъ въ этомъ наказаніи, но меня поразилъ видъ старика лѣтъ шестидесяти; онъ плакалъ навзрыдъ, кланялся въ землю и просилъ положить на него, сверхъ оброка, сто цѣлковыхъ штрафу, но помиловать отъ безчестья.

Когда Сенаторъ жилъ съ нами, общая прислуга состояла изъ тридцати мужчинъ и почти столькихъ же женщинъ; замужнія, впрочемъ, не несли никакой службы, онѣ занимались своимъ хозяйствомъ; на службѣ были пять-шесть горничныхъ и прачки, не ходившія наверхъ. Къ этому слѣдуетъ прибавить мальчишекъ и дѣвченокъ, которыхъ пріучали къ службѣ, т. е. къ праздности, лѣни, лганью и къ употребленію сивухи.

Для характеристики тогдашней жизни въ Россіи, я не думаю, чтобъ было излишнимъ сказать нѣсколько

словъ о содержанiи дворовыхъ. Сначала имъ давались 5 рублей ассигн. въ мѣсяцъ на харчи, потомъ 6. Женщинамъ рублемъ меньше, дѣтямъ лѣтъ съ десяти половина. Люди составляли между собой артели и на недостатокъ не жаловались, что свидѣтельствуетъ о чрезвычайной дешевизнѣ съѣстныхъ припасовъ. Наибольшее жалованье состояло изъ 100 руб. асс. въ годъ, другiе получали половину, нѣкоторые 30 руб. въ годъ. Мальчики лѣтъ до восемнадцати не получали жалованья. Сверхъ оклада людямъ давались платья, шинели, рубашки, простыни, одѣяла, полотенца, матрацы изъ парусины; мальчикамъ, не получавшимъ жалованья, отпускались деньги на нравственную и физическую чистоту, т. е. на баню и г о в ѣ н ь е. Взявъ все въ разсчетъ, слуга обходился руб. въ 300 асс.; если къ этому прибавить дивидендъ на лекарство, лекаря и на съѣстные припасы, случайно привозимые изъ деревни и которые не знали куда дѣть, то мы и тогда не перейдемъ 350 рублей. Это составляетъ ч е т в е р т у ю часть того, что слуга стоитъ въ Парижѣ или въ Лондонѣ.

Плантаторы обыкновенно вводятъ въ счетъ с т р а х о в у ю премiю рабства, т. е. содержанiе жены, дѣтей помѣщикомъ, и скудный кусокъ хлѣба гдѣ-нибудь въ деревнѣ подъ старость лѣтъ. Конечно, это надобно взять въ разсчетъ; но страховая премiя сильно понижается премiей с т р а х а тѣлесныхъ наказанiй, невозможностью перемѣны сосотянiя и гораздо худшаго содержанiя.

Я довольно наглядѣлся, какъ страшное сознанiе крѣпостнаго состоянiя убиваетъ, отравляетъ существованiе дворовыхъ, какъ оно гнететъ, одуряетъ ихъ душу. Мужики, особенно оброчные, меньше чувствуютъ личную неволю, они какъ-то умѣютъ не вѣрить своему полному рабству. Но тутъ, сидя на грязномъ залавкѣ передней съ утра до ночи, или стоя съ тарелкой за столомъ, нѣтъ нѣтъ мѣста сомнѣнiю.

Разумѣется, есть люди, которые живутъ въ передней какъ рыба въ водѣ, люди, которыхъ душа никогда не просыпалась, которые взошли во вкусъ и съ своего рода художествомъ исполняютъ свою должность.

Не могу не вспомнить одной жертвы крѣпостного состоянія. У Сенатора былъ, въ родѣ письмоводителя, дворовый человѣкъ лѣтъ 35. Старшій братъ моего отца, умершій 1813 году, имѣя въ виду устроить деревенскую больницу, отдалъ его мальчикомъ какому-то знакомому врачу для обученія фельдшерскому искусству. Докторъ выпросилъ ему позволеніе ходить на лекціи медико-хирургической Академіи; молодой человѣкъ былъ съ способностями, выучился по-латыни, по-нѣмецки и лечилъ кой-какъ. Лѣтъ двадцати-пяти онъ влюбился въ дочь какого-то офицера, скрылъ отъ нея свое состояніе и женился на ней. Долго обманъ не могъ продолжаться, жена съ ужасомъ узнала послѣ смерти барина, что они крѣпостные. Сенаторъ, новый владѣлецъ его, нисколько ихъ не тѣснилъ, онъ даже любилъ молодого Толочанова, но ссора его съ женой продолжалась; она не могла ему простить обмана и бѣжала отъ него съ другимъ. Толочановъ, должно быть, очень любилъ ее, онъ съ этого времени впалъ въ задумчивость, близкую къ помѣшательству, прогуливалъ ночи и, не имѣя своихъ средствъ, тратилъ господскія деньги; когда онъ увидѣлъ, что нельзя свести концовъ, онъ 31 декабря 1821 года отравился.

Сенатора не было дома; Толочановъ взошелъ при мнѣ къ моему отцу и сказалъ ему, что пришелъ съ нимъ проститься, и проситъ его сказать Сенатору, что деньги, которыхъ не достаетъ, истратилъ онъ.

— «Ты пьянъ, сказалъ ему мой отецъ, поди и выспись».

— Я скоро пойду спать надолго, сказалъ лекарь, и прошу только не поминать меня зломъ.

Спокойный видъ Толочанова, испугалъ моего отца, и онъ, пристальнѣе посмотрѣвъ на него, спросилъ:

— «Что съ тобою, ты бредишь?»

— Ничего-съ, я только принялъ рюмку мышьяку.

Послали за докторомъ, за полиціей, дали ему рвотное, дали молока... Когда его начало тошнить, онъ удерживался и говорилъ: «Сиди, сиди тамъ, я не съ тѣмъ тебя проглотилъ». Я слышалъ потомъ, когда ядъ сталъ сильнѣе дѣйстововать, его стонъ и страдальческій

голосъ, повторявшій: «Жжетъ—жжетъ! огонь!» Кто-то посовѣтовалъ ему послать за священникомъ; онъ не хотѣлъ и говорилъ Кало, что жизни за гробомъ быть не можетъ, что онъ настолько знаетъ анатомію. Часу въ двѣнадцатомъ вечера, онъ спросилъ штабъ-лекаря, по-нѣмецки, который часъ, потомъ сказавши: «Вотъ и новый годъ, поздравляю васъ»,—умеръ.

Утромъ я бросился въ небольшой флигель, служившій баней, туда снесли Толочанова; тѣло лежало на столѣ, въ томъ видѣ, какъ онъ умеръ, во фракѣ безъ галстуха, съ раскрытой грудью; черты его были страшно искажены и уже почернѣли. Это было первое мертвое тѣло, которое я видѣлъ; близкій къ обмороку, я вышелъ вонъ. И игрушки, и картинки, подаренныя мнѣ на новый годъ, не тѣшили меня; почернѣлый Толочановъ носился передъ глазами, и я слышалъ его: «жжетъ—огонь!»

КРѢПОСТНЫЕ.

(А. И. Герценъ. Былое и думы).

Какая-то барыня держала у себя горничную, не имѣя на нее никакихъ документовъ. Горничная просила разобрать ея права на вольность. Мой предшественникъ благоразумно придумалъ до рѣшенія дѣла оставить ее у помѣщицы въ полномъ повиновеніи. Мнѣ слѣдовало подписать; я обратился къ губернатору и замѣтилъ ему, что незавидна будетъ судьба дѣвушки у ея барыни послѣ того, какъ она подавала на нее просьбу.

— Что-же съ ней дѣлать?

— Содержать въ части.

— На чей счетъ?

— На счетъ помѣщицы, если дѣло кончится противъ нея.

— А если нѣтъ?

По счастію, въ это время взошелъ губернскій прокуроръ. Прокуроръ по общественному положенію, по служебнымъ отношеніямъ, по пуговицамъ на мундирѣ, дол-

женъ быть врагомъ губернатора, по крайней мѣрѣ, во всемъ перечить ему. Я нарочно при немъ продолжалъ разговоръ; губернаторъ началъ сердиться, говорилъ, что все дѣло не стоитъ трехъ словъ. Прокурору было совершенно все равно, что будетъ и какъ будетъ съ просительницей, но тотчасъ взялъ мою сторону и привелъ десять разныхъ пунктовъ изъ свода законовъ. Губернаторъ, которому въ сущности еще больше было все равно, сказалъ мнѣ, насмѣшливо улыбаясь:

— Тутъ выходъ одинъ или къ барынѣ, или въ острогъ.

— Разумѣется, лучше въ острогъ, замѣтилъ я.

— Будетъ сообразнѣе съ смысломъ, изображеннымъ въ сводѣ законовъ, замѣтилъ прокуроръ.

— Пусть будетъ по вашему, сказалъ еще болѣе смѣясь губернаторъ:—услужили вы вашей протеже; какъ посидитъ въ тюрьмѣ нѣсколько мѣсяцевъ, поблагодаритъ васъ.

Я не продолжалъ пренія, цѣль моя была спасти дѣвушку отъ домашнихъ преслѣдованій; помнится, мѣсяца черезъ два ее выпустили совсѣмъ на волю.

Между нерѣшенными дѣлами моего отдѣленія была сложная и длившаяся нѣсколько лѣтъ переписка о буйствѣ и всякихъ злодѣйствахъ въ своемъ имѣніи отставнаго морского офицера Струговщикова. Дѣло началось по просьбѣ его матери, потомъ крестьяне жаловались. Съ матерью онъ какъ-то поладилъ, а крестьянъ самъ обвинилъ въ намѣреніи его убить, не приводя, впрочемъ, никакихъ серьезныхъ доказательствъ. Между тѣмъ изъ показаній его матери и дворовыхъ людей видно было, что человѣкъ этотъ дѣлалъ всевозможныя неистовства. Больше года дѣло это спало сномъ праведнымъ; справками и ненужными переписками можно всегда затянуть дѣло и потомъ, почисливъ рѣшеннымъ, сдать въ архивъ. Надобно было сдѣлать представленіе въ сенатъ, чтобъ его отдали подъ опеку, но для этого необходимъ отзывъ дворянскаго предводителя. Предводители обыкновенно отвѣчаютъ уклончиво, не желая потерять избирательный голосъ. Пустить дѣло

въ ходъ совершенно зависѣло отъ моей воли, но надобенъ былъ coup de grace предводителя.

Новгородскій предводитель, милиціонный дворянинъ, съ владимірской медалью, встрѣчаясь со мной, чтобъ заявить начитанность, говорилъ книжнымъ языкомъ до карамзинскаго періода; указывая разъ на памятникъ, который новгородское дворянство воздвигнуло самому себѣ, въ награду за патріотизмъ въ 1812 г., онъ какъ-то съ чувствомъ отзывался о такъ сказать трудной, священной, и тѣмъ не менѣе лестной обязанности предводителя.

Все это было въ мою пользу.

Предводитель пріѣхалъ въ губернское правленіе для свидѣтельства въ сумашествіи какого-то церковника; послѣ того, какъ всѣ предсѣдатели всѣхъ палатъ истощили весь запасъ глупыхъ вопросовъ, по которымъ сумасшедшій могъ заключить объ нихъ, что и они не совсѣмъ въ своемъ умѣ, и церковника возвели окончательно въ должность безумнаго, я отвелъ предводителя въ сторону и разсказалъ ему дѣло. Предводитель жалъ плечами, показывалъ видъ негодованія, ужаса и кончилъ тѣмъ, что отозвался объ морскомъ офицерѣ, какъ объ отъявленномъ негодяѣ, «кладущемъ тѣнь на благородное общество новгородскаго дворянства».

— Вѣроятно, сказалъ я,—вы такъ и отвѣтите письменно, если мы васъ спросимъ?

Предводитель, взятый врасплохъ, обѣщалъ отвѣчать по совѣсти, прибавивъ, «что честь и правдивость безпремѣнные атрибуты россейскаго дворянства».

Сомнѣваясь немного въ безпремѣнности этихъ атрибутовъ, я таки пустилъ дѣло въ ходъ, предводитель сдержалъ слово. Дѣло пошло въ сенатъ и я помню очень хорошо ту сладкую минуту, когда въ мое отдѣленіе былъ переданъ сенатскій указъ, назначавшій опеку надъ имѣніемъ моряка и отдававшій его подъ надзоръ полиціи. Морякъ былъ увѣренъ, что дѣло кончено, и какъ громомъ пораженый явился послѣ указа въ Новгородъ. Ему тотчасъ сказали, какъ что было; яростный офицеръ собирался напасть на меня изъ-за угла, подкупить бурлаковъ и сдѣлать засаду, но, непри-

вычный къ сухопутнымъ компаніямъ, мирно скрылся въ какой-то уѣздный городъ.

По несчастью «атрибутъ» звѣрства, разврата и неистовства съ дворовыми и крестьянами является «безпремѣннѣе» правдивости и чести у нашего дворянства. Конечно, небольшая кучка образованныхъ помѣщиковъ не дерутся съ утра до ночи съ своими людьми, не сѣкутъ всякій день, да и то между ними бываютъ «Пѣночкины», остальные не далеко ушли еще отъ Салтычихи и американскихъ плантаторовъ.

Роясь въ дѣлахъ, я нашелъ переписку псковскаго губернскаго правленія о какой-то помѣщицѣ Ярыжкиной. Она засѣкла двухъ горничныхъ до смерти, попалась подъ судъ за третью и была почти совсѣмъ оправдана уголовной палатой, основавшей, между прочимъ, свое рѣшеніе на томъ, что третья горничная не умерла. Женщина эта выдумывала удивительнѣйшія наказанія: била утюгомъ, сучковатыми палками, валькомъ.

Не знаю, что сдѣлала горничная, о которой идетъ рѣчь, но барыня превзошла себя. Она поставила ее на колѣни на драть или на тесницы, въ которыхъ были набиты гвозди. Въ этомъ положеніи она била ее по спинѣ и по головѣ валькомъ и, когда выбилась изъ силъ, позвала кучера на смѣну; по счастію, его не было въ людской, барыня вышла, а дѣвушка, полубезумная отъ боли, окровавленная, въ одной рубашкѣ, бросилась на улицу и въ частной домъ. Приставъ принялъ показанія, и дѣло пошло своимъ порядкомъ; полиція возилась, уголовная палата возилась съ годъ времени, наконецъ, судъ, явнымъ образомъ закупленный, рѣшилъ премудро позвать мужа Ярыжкиной и внушить ему, чтобъ онъ удерживалъ жену отъ такихъ наказаній, а ее самое, оставя въ подозрѣніи, что она способствовала смерти двухъ горничныхъ, обязать подпиской,—ихъ впредь не наказывать. На этомъ основаніи барынѣ отдавали несчастную дѣвушку, которая въ продолженіи дѣла содержалась гдѣ-то.

Дѣвушка, перепуганная будущностью, стала писать просьбу за просьбой; дѣло дошло до государя, онъ велѣлъ переслѣдовать его и прислалъ изъ Петербурга чи-

новника. Вѣроятно, средства Ярыжкиной не шли до подкупа столичныхъ, министерскихъ и жандармскихъ слѣдопроизводителей, и дѣло приняло иной оборотъ. Помѣщица отправилась въ Сибирь на поселеніе, ея мужъ былъ взятъ подъ опеку. Всѣ члены уголовной палаты отданы подъ судъ; чѣмъ ихъ дѣло кончилось, не знаю.

Я въ другомъ мѣстѣ разсказалъ о человѣкѣ, засѣченномъ княземъ Трубецкимъ, и о камергерѣ Базилевскомъ, высѣченномъ своими людьми. Прибавлю еще одну дамскую исторію.

Горничная жены пензенскаго жандармскаго полковника несла чайникъ, полный кипяткомъ; дитя ея барыни, бѣжавши, наткнулся на горничную и та пролила кипятокъ; ребенокъ былъ обваренъ. Барыня, чтобъ отомстить той же монетой, велѣла привести ребенка горничной и обварила ему руку изъ самовара... Губернаторъ Панчулидзевъ, узнавъ объ этомъ чудовищномъ происшествіи, душевно жалѣлъ, что находится въ деликатномъ отношеніи съ жандармскимъ полковникомъ и что, вслѣдствіе этого, считаетъ неприличнымъ начать дѣло, которое могутъ счесть за личность!

Въ началѣ 1842 года я былъ до невозможности утомленъ губернскимъ правленіемъ и придумывалъ предлогъ, какъ бы отдѣлаться отъ него. Пока я выбиралъ то одно, то другое средство, случай совершенно внѣшній рѣшилъ за меня.

Разъ въ холодное зимнее утро пріѣзжаю я въ правленіе, въ передней стоитъ женщина лѣтъ тридцати, крестьянка; увидавши меня въ мундирѣ, она бросилась передо мной на колѣни и, обливаясь слезами, просила меня заступиться. Баринъ ея, Мусинъ-Пушкинъ, ссылалъ ее съ мужемъ на поселеніе, ихъ сынъ лѣтъ 10 оставался, она умоляла дозволить ей взять съ собой дитя. Пока она мнѣ разсказывала дѣло, взошелъ военный губернаторъ, я указалъ ей на него и передалъ ея просьбу. Губернаторъ объяснилъ ей, что дѣти старше десяти лѣтъ оставляются у помѣщика. Мать, не понимая глупаго закона, продолжала просить; ему было скучно, женщина, рыдая, цѣплялась за его ноги, и онъ сказалъ, грубо отталки-

вая ее отъ себя: «да что ты за дура такая, вѣдь, по-русски тебѣ говорю, что я ничего не могу сдѣлать, что-же ты пристаешь». Послѣ этого онъ пошелъ твердымъ и рѣшительнымъ шагомъ въ уголъ, гдѣ ставилъ саблю.

И я пошелъ..... Съ меня было довольно.... Развѣ эта женщина не приняла меня за одного изъ нихъ? пора кончить комедію.

ГУБЕРНСКОЕ ПРАВЛЕНІЕ.

(А. И. Герценъ. Былое и думы).

Когда я присмотрѣлся къ дѣламъ губернскаго правленія, я увидѣлъ, что мое положеніе не только очень непріятно, но чрезвычайно опасно. Каждый совѣтникъ отвѣчалъ за свое отдѣленіе и дѣлилъ ответсвенность за всѣ остальныя. Читать бумаги по всѣмъ отдѣленіямъ было рѣшительно невозможно, надобно было подписывать на вѣру. Губернаторъ, послѣдовательный своему мнѣнію, что совѣтникъ никогда не долженъ совѣтовать, подписывалъ, противно смыслу закону, первый послѣ совѣтника того отдѣленія, по которому было дѣло. Лично для меня это было превосходно, въ его подписи я находилъ нѣкоторую гарантію, потому что онъ дѣлилъ отвѣтственность и потому еще, что онъ часто, съ особеннымъ выраженіемъ, говорилъ о своей высокой честности и робеспьеровской неподкупности. Что касается до подписей другихъ совѣтниковъ, онѣ мало успокоивали. Люди эти были закаленные, старые писцы, дослужившіеся десятками лѣтъ до совѣтничества, жили они одной службой, т. е., однѣми взятками. Пенять на это нечего; совѣтникъ, помнится, получалъ 1,200 руб. ас. въ годъ; семейному человѣку продовольствоваться этимъ невозможно. Когда они поняли, что я не буду участвовать ни въ дѣлежѣ общихъ добычъ, ни самъ грабить, они стали на меня смотрѣть, какъ на непрошеннаго гостя и опаснаго свидѣтеля. Они не очень сближались со мной, особенно когда разглядѣли, что между мной и губернаторомъ дружба была очень умѣренная. Другъ

друга они берегли и предостерегали, до меня имъ дѣла не было.

Къ тому же мои почтенные сослуживцы не боялись большихъ денежныхъ взысканій, потому что у нихъ ничего не было. Они могли рисковать, и тѣмъ больше, чѣмъ важнѣе было дѣло; будетъ ли начетъ въ 500 рублей или въ 500,000, для нихъ было все равно. Доля жалованья шла въ случаѣ начета на уплату казнѣ и могла длиться двѣсти, триста лѣтъ, если-бъ чиновникъ длился такъ долго. Обыкновенно или чиновникъ умиралъ, или государь, и тогда наслѣдникъ прощалъ долги. Такіе манифесты являются часто и при жизни того же государя, по поводу рожденія, совершеннолѣтія; они на нихъ считали. У меня же, напротивъ, захватили бы ту часть имѣнья и тотъ капиталъ, который мой отецъ отдѣлилъ мнѣ.

Если-бъ я могъ положиться на своихъ столоначальниковъ, дѣло было бы легче. Я сдѣлалъ многое для того, чтобъ привязать ихъ, обращался учтиво, помогалъ имъ денежно и довелъ только до того, что они перестали меня слушаться; они только боялись совѣтниковъ, которые обращались съ ними, какъ съ мальчишками, и стали въ полпьяно приходить на службу. Это были бѣднѣйшіе люди, безъ всякаго образованія, безъ всякихъ надеждъ; вся поэтическая сторона ихъ существованія ограничивались маленькими трактирами и настойкой. По своему отдѣленію, стало быть, приходилось тоже быть на сторожѣ.

Сначала губернаторъ мнѣ далъ IV отдѣленіе, тутъ откупныя дѣла и всякія денежныя. Я просилъ его перемѣнить, онъ не хотѣлъ, говорилъ, что не имѣетъ права перемѣнить безъ воли другого совѣтника. Я въ присутствіи губернатора спросилъ совѣтника II отдѣленія, онъ согласился и мы помѣнялись. Новое отдѣленіе было меньше заманчиво; тамъ были паспорты, всякіе циркуляры, дѣла о злоупотребленіи помѣщичьей власти, о раскольникахъ, фальшивыхъ монетчикахъ и людяхъ, находящихся подъ полицейскимъ надзоромъ.

Нелѣпѣе, глупѣе ничего нельзя себѣ представить; я увѣренъ, что три четверти людей, которые прочтутъ

это не повѣрятъ, а между тѣмъ это сущая правда, что я, какъ совѣтникъ губернскаго правленія, управляющій вторымъ отдѣленіемъ, свидѣтельствовалъ каждые три мѣсяца рапортъ полицмейстера о самомъ себѣ, какъ о человѣкѣ, находившемся подъ полицейскимъ надзоромъ. Полицмейстеръ, изъ учтивости, въ графѣ поведенія ничего не писалъ, а въ графѣ занятій ставилъ: «Занимается государственной службой». Вотъ до какихъ геркулесовскихъ столбовъ безумія можно доправиться, имѣя двѣ-три полиціи враждебныя другъ другу, канцелярскія формы вмѣсто законовъ и фельдфебельскія понятія вмѣсто правительственаго ума.

Нелѣпость эта напоминаетъ мнѣ случай, бывшій въ Тобольскѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Гражданскій губернаторъ былъ въ ссорѣ съ вицъ-губернаторомъ, ссора шла на бумагѣ, они другъ другу писали всякія приказныя колкости и остроты. Вицъ-губернаторъ былъ тяжелый педантъ, формалистъ, добрякъ изъ семинаристовъ, онъ самъ составлялъ съ большимъ трудомъ свои язвительные отвѣты и разумѣется, цѣлью своей жизни дѣлалъ эту ссору. Случилось, что губернаторъ уѣхалъ на время въ Петербургъ. Вицъ-губернаторъ занялъ его должность и въ качествѣ губернатора получилъ отъ себя дерзкую бумагу, посланную наканунѣ; онъ, не задумавшись, велѣлъ секретарю отвѣчать на нее, подписалъ отвѣтъ и, получивъ его какъ вицъ-губернаторъ, снова принялся съ усиліями и напряженіями строчить самому себѣ оскорбительное письмо. Онъ считалъ это высокой честностью.

Съ полгода вытянулъ я лямку въ губернскомъ правленіи, тяжело было и крайне скучно. Всякій день въ 11 часовъ утра надѣвалъ я мундиръ, прицѣплялъ статскую шпаженку и являлся въ присутствіе. Въ 12 приходилъ военный губернаторъ; не обращая никакого вниманія на совѣтниковъ, онъ шелъ прямо въ уголъ и тамъ ставилъ свою саблю, потомъ, посмотрѣвши въ окно и поправивъ волосы, онъ подходилъ къ своимъ кресламъ и кланялся присутствующимъ. Едва вахмистръ съ страшными сѣдыми усами, стоявшими перпендикулярно губамъ, торжественно отворялъ дверь и брянчанье саб-

ли становилось слышно въ канцеляріи, совѣтники вставали и оставались стоя въ согбенномъ положеніи до тѣхъ поръ, пока губернаторъ кланялся. Одно изъ первыхъ дѣйствій оппозиціи съ моей стороны состояло въ томъ, что я не принималъ участія въ этомъ соборномъ возстаніи и благочестивомъ ожиданіи, а спокойно сидѣлъ и кланялся ему тогда, когда онъ кланялся намъ.

Большихъ преній, горячихъ разсужденій не было; рѣдко случалось, чтобъ совѣтникъ спрашивалъ предварительно мнѣнія губернатора, еще рѣже обращался губернаторъ къ совѣтникамъ съ дѣловымъ вопросомъ. Передъ каждымъ лежалъ ворохъ бумаги и каждый писалъ свое имя,—это была фабрика подписей.

Помня знаменитое изрѣченіе Талейрана, я не старался особенно блеснуть усердіемъ и занимался дѣлами насколько было нужно, чтобъ не получить замѣчанія или не попасть въ бѣду. Но въ моемъ отдѣленіи было два рода дѣлъ, на которыя я не считалъ себя въ правѣ смотрѣть такъ поверхностно, это были дѣла о раскольникахъ и о злоупотребленіи помѣщичьей власти.

У насъ раскольниковъ не постоянно гонятъ, такъ вдругъ н а й д е т ъ что-то на синодъ или на министерство вн. д., они и сдѣлаютъ набѣгъ на какой-нибудь скитъ, на какую-нибудь общину и опять затихнутъ. Раскольники обыкновенно имѣютъ смышленныхъ агентовъ въ Петербургѣ, они предупреждаютъ оттуда объ опасности, остальные тотчасъ собираютъ деньги, прячутъ книги и образа, поятъ православнаго попа, поятъ православнаго исправника, даютъ выкупъ; тѣмъ дѣло и кончается лѣтъ на десять.

Дѣла о раскольникахъ были такого рода, что всего лучше было ихъ совсѣмъ не подымать вновь, я ихъ просмотрѣлъ и оставилъ въ покоѣ. Напротивъ, дѣла о злоупотребленіи помѣщичьей власти слѣдовало сильно перетряхнуть; я сдѣлалъ все, что могъ, и одержалъ нѣсколько побѣдъ на этомъ вязкомъ поприщѣ, освободилъ отъ преслѣдованія одну молодую дѣвушку и отдалъ подъ опеку одного морского офицера. Это, кажется, единственная заслуга моя по служебной части.

УѢЗДНЫЙ СУДЪ.

(В. Короленко. Исторія моего современника).

Вообще ближайшее знакомство съ «уѣзднымъ судомъ» дало мнѣ еще разъ въ усложненномъ видѣ то самое ощущеніе изнанки явленій, какое я испыталъ въ раннемъ дѣтствѣ, при видѣ сломаннаго крыльца. Въ Житомірѣ отецъ ежедневно уѣзжалъ на «службу», и эта «служба» представлялась намъ всѣмъ чѣмъ-то важнымъ, нѣсколько таинственнымъ, отчасти роковымъ (это было «царство закона») и возвышеннымъ.

Здѣсь храмъ—этотъ таинственный храмъ Правосудія находился у насъ во дворѣ... Въ его преддверіи помѣщалась сторожка, гдѣ бравый николаевскій унтеръ, въ неслужебное время чинилъ чиновничью обувь и, кажется, торговалъ водкой. Изъ сторожки такъ и садило особымъ жилымъ «духомъ».

Впрочемъ, этотъ жилой духъ, острый, щекотавшій въ ноздряхъ и царапавшій въ горлѣ, не выводился и въ «канцеляріяхъ». Нѣкоторые писцы не имѣли квартиръ и неизмѣнно проживали въ судѣ. Въ черныхъ шкапахъ, кромѣ бумагъ, хранились засаленные манишки и жилеты, тарелки съ обрѣзками колбасы и другіе неоффиціальные предметы. Оклады «чиновниковъ», даже принимая во вниманіе дешевизну, были все-таки изумительные. Архиваріусъ получалъ 8 рублей въ мѣсяцъ и считался счастливцемъ. Штатные писцы получали по 3 рубля, а вольнонаемные по «пяти злотыхъ» (на польскій счетъ: злотый считался въ 15 копеекъ).

Здѣсь, очевидно, коренилось то философское отношеніе съ какимъ отецъ глядѣлъ на мелкое взятничество подчиненныхъ: безъ «благодарности» обывателей они должны бы буквально умирать съ голоду. Нѣкоторые изъ судейской молодежи, кому не помогали родственники, ютились въ подвалахъ стараго замка или же устраивались «вѣчными дежурными» въ судѣ. Такимъ вѣчнымъ дежурнымъ былъ, напримѣръ, нѣкій панъ Ляцковскій. Получалъ онъ всего на всего три рубля, нѣ-

сколько зашибалъ и имѣлъ наклонность къ щегольству: носилъ грязныя манишки, а курчавые пепельные волосы густо смазывалъ помадой. За всѣми этими потребностями денегъ на квартиру у него не оставалось. Такихъ бѣдняковъ было еще пять-шесть, и они за самую скромную плату дежурили за всѣхъ. По вечерамъ въ опустѣвшихъ канцеляріяхъ уѣзднаго суда горѣлъ какой-нибудь сальный огарокъ, стояла посудинка водки, лежало на сахарной бумагѣ нѣсколько огурцовъ, и дежурные рѣзались до глубокой ночи въ карты.

По утрамъ святилище правосудія имѣло видъ далеко не офиціальный. На нѣсколькихъ столахъ, безъ постелей, въ растяжку храпѣли «дежурные», въ брюкахъ, грязныхъ сорочкахъ и желтыхъ носкахъ. Когда панъ Ляцковскій, кислый, невыспавшійся и похмельный, протиралъ глаза и поднимался со своего служебнаго ложа, то на оберткѣ «дѣла», которое служило ему въ эту ночь изголовьемъ, оставалось всегда явственное жирное пятно отъ помады. Послѣ «двадцатаго числа» въ судѣ по вечерамъ становилось нѣсколько шумно. За картами у дежурныхъ порой возникали даже драки. Если авторитетъ сторожа оказывался недостаточнымъ, то на мѣсто являлся отецъ, въ халатѣ, туфляхъ и съ палкой въ рукѣ. Чиновники разбѣгались, лѣтомъ прыгая въ окна: было извѣстно, что, вспыливъ, судья легко пускалъ въ ходъ палку..

Одну только комнату отецъ ограждалъ отъ вторженія партикулярной распущенности. Это было присутствіе съ длиннымъ столомъ, накрытымъ зеленымъ сукномъ, съ золотыми кистями и съ зерцаломъ на столѣ. Никто изъ мелкихъ канцеляристовъ туда не допускался, и ключъ отецъ хранилъ у себя. Самъ онъ всегда входилъ въ это святилище съ выраженіемъ торжественно-важнымъ, какъ въ церковь, и это давало тонъ остальнымъ. За отцомъ также важно въ часы засѣданій разсаживались подсудки, среди которыхъ были и выборные представители сословій.

Одинъ изъ нихъ былъ еврей Рабиновичъ. Въ то время объ «еврейскомъ вопросѣ» еще не было слышно, но не было и нынѣшняго злого антисемитизма. Законъ

считалъ справедливымъ, чтобы въ судѣ, гдѣ разбираются и дѣла евревъ, присутствовалъ также представитель еврейскаго населенія. И когда Рабиновичъ, типичный еврей, съ необыкновенно черной бородой и курчавыми волосами, въ мундирѣ съ шитьемъ и при шпагѣ входилъ въ «присутствіе»,—въ немъ нельзя было узнать Рабиновича торговца, сидѣвшаго въ свободные часы въ своей лавочкѣ или за мѣняльнымъ столикомъ. Казалось отъ «зерцала» на него въ этой комнатѣ подало какое-то сіяніе.

«Зерцало» было какъ бы средоточіемъ жизни всего этого промозглаго зданія, наполненнаго жалкими несчастливцами, въ родѣ Крыжановскаго или Ляцковскаго. Когда намъ въ неприсутственные часы удавалось проникать въ святилище уѣзднаго суда, то мы съ особой осторожностью проходили мимо зерцала. Оно казалось намъ какой-то волшебной скиніей. Слово, неосторожно сказанное «при зерцалѣ», было уже не простое слово, оно влекло за собою серьезныя послѣдствія...

Однажды этой первой осенью послѣ нашего пріѣзда въ городъ пришло извѣстіе: ѣдетъ губернаторъ съ ревизіей. Въ Житомірѣ мы какъ-то мало слышали о губернаторѣ. Здѣсь онъ представлялся чѣмъ-то вродѣ кометы, двигающейся на трепетный міръ.

Забѣгали квартальные, поднялась чистка улицъ; на столбахъ водворяли давно побитые фонари, въ судѣ мыли полы, подшивали и заканчивали на спѣхъ дѣла. Отецъ волновался. Дѣла у него были въ образцовомъ порядкѣ, но онъ чувствовалъ за собою двѣ слабые стороны: жена у него была полька, и онъ былъ разбитъ параличемъ. Между тѣмъ губернію уже облетѣла фраза новаго губернатора: «я мастеръ здоровый и мнѣ нужны здоровые подмастерья»... Въ Дубно онъ уже уволилъ больного судью...

Пріѣхалъ... Остановился у исправника... Былъ въ полиціи, въ казначействѣ... Отецъ въ новомъ мундирѣ и съ Владиміромъ въ петлицѣ уходитъ изъ дому въ судъ. Мать на дорогу креститъ его крамольнымъ польскимъ крестомъ и посылаетъ насъ наблюдать, что будетъ. Нашъ наблюдательный пунктъ въ бурьянахъ на

огородѣ, противъ «присутствія». «Самаго» еще нѣтъ, но два или три хлыщеватыхъ чиновника уже роются въ дѣлахъ, которыя имъ почтительно подаетъ секретарь.

Вечерѣетъ. Въ «присутствіи» зажигаютъ свѣчи,—необыкновенно много свѣчей. Зерцало, начищенное мыломъ, изливаетъ сіяніе. Таинственно и строго...

У воротъ слышно тарахтѣніе коляски. Отецъ и подсудки поднимаются съ мѣстъ. Помощникъ исправника самъ отворяетъ настежь дверь присутствія, и въ ней, точно осіянная и свѣтящаяся, какъ само зерцало, является бравая генеральская фигура. За нею выхоленное лицо «чиновника особыхъ порученій», а за ними въ пролетъ двери виднѣется канцелярія, неузнаваемая, вся въ свѣту и трепетѣ. Мы стремглавъ бѣжимъ къ матери.

— Ну, что?—спрашиваетъ она съ тревогой.

— Вошелъ. Папѣ подалъ руку.... Просилъ садиться.

Вздохъ облегченія.

— Ну, слава Богу...—И мать набожно крестится...

— Слава Богу,—повторяютъ за ней дамы, трепетной кучкой набившіяся въ нашу квартиру.—Охъ, что-то еще будетъ съ нашими?...

МОСКОВСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ 30-хъ ГОДОВЪ.

(А. И. Герценъ. Былое и думы).

Московскій университетъ выросъ въ своемъ значеніи вмѣстѣ съ Москвою послѣ 1812 года; разжалованная императоромъ Петромъ изъ царскихъ столицъ, Москва была произведена императоромъ Наполеономъ (сколько волею, а вдвое того неволею) въ столицы народа русскаго. Народъ догадался по боли, которую чувствовалъ при вѣсти о ея занятіи непріятелемъ, о своей кровной связи съ Московй. Съ тѣхъ поръ началась для нея новая эпоха. Въ ней университетъ больше и больше становился средоточіемъ русскаго образованія. Всѣ условія для его развитія были соединены—историческое значеніе, географическое положеніе.

Сильно возбужденная дѣятельность ума въ Петербургѣ, послѣ Павла, мрачно замкнулась 14 декабря.

Все пошло назадъ, кровь бросилась къ сердцу, дѣятельность, скрытая наружи, закипала, таясь внутри. Московскій университетъ устоялъ и началъ первый вырѣзываться изъ-за всеобщаго тумана.

Голицынъ былъ удивительный человѣкъ; онъ долго не могъ привыкнуть къ тому безпорядку, что когда профессоръ боленъ, то и лекціи нѣтъ; онъ думалъ, что слѣдующій по очереди долженъ былъ его замѣнять.

Но, несмотря на это, университетъ росъ вліяніемъ: въ него, какъ въ общій резервуаръ, вливались юныя силы Россіи со всѣхъ сторонъ, изъ всѣхъ слоевъ; въ его залахъ онѣ очищались отъ предразсудковъ, захваченныхъ у домашняго очага, приходили къ одному уровню, братались между собой и снова разливались во всѣ стороны Россіи, во всѣ слои ея.

До 1848 года устройство нашихъ университетовъ было чисто демократическое. Двери ихъ были открыты всякому, кто могъ выдержать экзаменъ и не былъ ни крѣпостнымъ, ни крестьяниномъ, не уволеннымъ своей общиной. Николай ограничилъ пріемъ студентовъ, увеличилъ плату своекоштныхъ и дозволилъ избавлять отъ нея только бѣдныхъ дворянъ. Все это принадлежитъ къ ряду мѣръ, которыя исчезнуть вмѣстѣ съ закономъ о пассахъ, о религіозной нетерпимости и пр.

Пестрая молодежь, пришедшая сверху, снизу, съ юга и сѣвера, быстро сплавлялась въ компактную массу товарищества. Общественыя различія не имѣли у насъ того оскорбительнаго вліянія, которое мы встрѣчаемъ въ англійскихъ школахъ и казармахъ; объ англійскихъ университетахъ я не говорю: они существуютъ исключительно для аристократіи и для богатыхъ. Студентъ, который бы вздумалъ у насъ хвастаться своей бѣлой костью или богатствомъ, былъ бы отлученъ отъ «воды и огня», замученъ товарищами.

Внѣшнія различія, и то не глубокія, дѣлившія студентовъ, шли изъ другихъ источниковъ. Такъ, напр., медицинское отдѣленіе, находившееся по другую сторону сада, не было съ нами такъ близко, какъ прочіе фа-

культеты; къ тому же его большинство состояло изъ семинаристовъ и нѣмцевъ. Нѣмцы держали себя нѣсколько въ сторонѣ и были очень пропитаны западно-мѣщанскимъ духомъ. Все воспитаніе несчастныхъ семинаристовъ, всѣ ихъ понятія были совсѣмъ иныя, чѣмъ у насъ, мы говорили разными языками; они, выросшіе подъ гнетомъ монашескаго деспотизма, забитые своей риторикой и теологіей, завидовали нашей развязности; мы—досадовали на ихъ христіанское смиреніе.

Московскій университетъ свое дѣло дѣлалъ; профессора, способствовавшіе своими лекціями развитію Лермонтова, Бѣлинскаго, И. Тургенева, Кавелина, Пирогова, могутъ спокойно играть въ бостонъ и еще спокойнѣе лежать подъ землей.

А какіе оригиналы были въ ихъ числѣ и какія чудеса: отъ Ѳедора Ивановича Чумакова, подгонявшаго формулы къ тѣмъ, которыя были въ курсѣ Пуансо, съ совершеннѣйшей свободой помѣщичьяго права, прибавляя, убавляя буквы, принимая квадраты за корни и x за извѣстное, до Гавріила Мягкова, читавшаго самую жесткую науку въ мірѣ—тактику. Отъ постояннаго обращенія съ предметами героическими, самая наружность Мягкова пріобрѣла строевую выправку: застегнутый до горла, въ несгибающемся галстухѣ, онъ больше командовалъ свои лекціи, чѣмъ говорилъ. «Господа!» кричалъ онъ, «на полѣ — Объ артиллеріи!» — это не значило на полѣ сраженія ѣдутъ пушки, а просто, что на маржѣ такое названіе.

А Ѳедоръ Ѳедоровичъ Рейсъ, никогда не читавшій химіи далѣе второй химической ипостаси, т. е. водорода! Рейсъ, который дѣйствительно попалъ въ профессора химіи, потому что не онъ, а его дядя занимался когда-то ею. Въ концѣ царствованія Екатерины, старика пригласили въ Россію; ему ѣхать не хотѣлось,—онъ отправилъ вмѣсто себя племянника.

РУССКІЙ КУСТАРЬ.

(М. Туганъ-Барановскій. Русская фабрика въ прошломъ и настоящемъ).

Всѣмъ извѣстно, что нищенская плата, непомѣрно продолжительный рабочій день и крайняя эксплоатація дѣтскаго труда являются характерными и отличительными чертами нашей кустарной промышленности. Не менѣе извѣстно, что такъ называемый самостоятельный кустарь въ дѣйствительности находится въ полной зависимости отъ посредника мастера, свѣтелочника, скупщика, который изъ него выжимаетъ буквально всѣ соки, практикуя въ самыхъ широкихъ размѣрахъ наглый обманъ, плутовство, расплату не деньгами, а товаромъ по непомѣрно высокой цѣнѣ, закабаленіе кустаря въ неоплатнаго должника и пр. и пр. Приведу характеристику кустарныхъ ткачей изъ «Сборника статистическихъ свѣдѣній по Московской губерніи». Характеристика эта приложима, въ общемъ, ко всей нашей кустарной промышленности, какъ это извѣстно всѣмъ знакомымъ съ дѣломъ.

«Обязательнаго времени для начала и окончанія работъ въ свѣтелкахъ нѣтъ... Продолжительность рабочаго дня, за исключеніемъ перерыва на отдыхъ и принятіе пищи, колеблется между 14 и 15 часами въ сутки... Во время великаго поста, когда мастерокъ торопитъ рабочихъ, работы продолжаются 16 и 17 часовъ въ сутки, не исключая праздничныхъ дней; въ эту пору нерѣдко въ 3 часа утра можно застать въ свѣтелкѣ ткачей, а до 12 часовъ ночи работаетъ большинство... Дѣти съ 6—7-лѣтняго возраста засаживаются мотать шпули для ткачей... Заработки ткачей, вырабатывающихъ бумажныя ткани на ремизныхъ станахъ, колеблется между 14 и 30 коп. въ день, чистый заработокъ ткача будетъ 5 р. 10 к. въ мѣсяцъ... Безвыгодность промысла увеличивается еще тѣмъ, что ткачи почти никогда не получаютъ свой заработокъ наличными деньгами, а принуждены набирать его провизіей по возвышенной цѣнѣ».

Между тѣмъ, на самоткацкихъ фабрикахъ средній заработокъ какъ мужчины, такъ и женщины равняется 13—14 р. въ мѣсяцъ.

Паденіе заработковъ нашихъ кустарей, характерное для послѣдняго времени, вызываетъ ростъ «отхода»—оставленіе крестьяниномъ деревни и удаленія его для работы въ другіе мѣста—преимущественно въ городъ.

Ростъ отхода отмѣчается во многихъ мѣстахъ Россіи. Въ Тверской губерніи отходъ въ теченіе 90-хъ годовъ возросъ по всѣмъ уѣздамъ, при чемъ особенно знаменательно увеличеніе отхода женщинъ—наиболѣе консервативнаго и устойчиваго элемента деревни.

Куда же бѣжитъ мужикъ изъ деревни? На фабрики и въ городъ. «Перспектива стать половымъ, приказчикомъ, лакеемъ, кажется даже заманчивой передъ тяжкой долей земледѣльца, обремененнаго непосильными платежами».

ВЪ ГОЛОДНЫЙ ГОДЪ.

Н. Михайловскій.

Вѣсти о положеніи населенія въ мѣстностяхъ, пострадавшихъ отъ неурожая, такъ сбивчивы и противорѣчивы, что у всякаго можетъ явиться желаніе провѣрить или дополнить ихъ личнымъ наблюденіемъ. Воспользовался и я первымъ представившимся мнѣ удобнымъ случаемъ, чтобы взглянуть на одинъ изъ постигнутыхъ бѣдой уголковъ. Уголокъ этотъ—часть Новосильскаго уѣзда Тульской губерніи. Районъ моихъ наблюденій былъ очень маленькій, да и времени въ моемъ распоряженіи было меньше малаго. Въ виду начавшейся распутицы я могъ пробыть на мѣстѣ всего три дня, а потому о какомъ-нибудь изученіи положенія вещей не можетъ быть и рѣчи. Я могу говорить только о полученныхъ мною впечатлѣніяхъ, о томъ, что слышалъ на мѣстѣ отъ людей, непосредственно соприкасающихся съ бѣдой, и что видѣлъ собственными глазами въ теечніе трехъ дней. Не хуже кого бы то ни было понимаю я, какъ это

мало, хотя нѣкоторыя особенныя обстоятельства и благопріятствовали мнѣ. Но если мнѣ скажутъ, что не стоило и ѣздить на такой срокъ, не стоитъ и писать о поѣздкѣ, то я не соглашусь. Напротивъ, и другимъ скажу: поѣзжайте хоть на три дня, хотя бы за тѣмъ только, чтобы подобно Ѳомѣ невѣрному, вложить персты свои въ язвы гвоздяныя.

Ребята, обѣдающіе въ столовыхъ, производятъ необыкновенно пріятное впечатлѣніе. Глядя на ихъ веселыя, довольныя лица, съ нѣкоторымъ усиліемъ вспоминаешь, что ихъ сюда загнали нужда и горе. Точно какой свѣтъ исходитъ отъ этихъ оживленныхъ дѣтскихъ лицъ, и свѣтъ этотъ скрашиваетъ и дырявую одеженку ребятъ, и полутемную, тѣсную избу съ липкимъ землянымъ поломъ. Если кто хочетъ получить исключительно пріятное впечатлѣніе, пусть ѣдетъ въ голодную деревню смотрѣть, какъ въ даровыхъ столовыхъ ребята ѣдятъ. Но пусть только на ребятъ и смотритъ, и именно въ тѣ минуты, когда они въ столовой, пусть даже о недавнемъ прошломъ этихъ самыхъ ребятъ не задумывается. Свѣтлое впечатлѣніе будетъ отравлено каждымъ взглядомъ въ сторону.

Не смотря на кратковременность моего пребыванія въ деревнѣ, я получилъ много гнетущихъ, оскорбительныхъ впечатлѣній. Но все это блѣднѣетъ въ сравненіи съ тѣмъ, что было и можетъ опять быть. Земскую ссуду начали выдавать съ декабря, между тѣмъ какъ нужда стала давать себя знать уже съ первыхъ часелъ іюля. Въ теченіе почти полугода народъ перебивался собственными силами, распродавая овесъ, лошадей, коровъ, подмѣшивая лебеду въ хлѣбъ съ самаго новаго урожая и постепенно усиливая эту подмѣсь, уходя побираться цѣлыми семьями не только по ближайшимъ окрестностямъ, но и въ сосѣднія губерніи. Это и теперь не прекратилось. Я видѣлъ на станціи Хомутово мужика, отправлявшагося съ тремя дѣтьми побираться въ Воронежскую губернію. Такимъ образомъ ссуда, и сама по себѣ скудная, досталась населенію, уже въ конецъ оскудѣлому.

Особенно тяжело приходилось, разумѣется, слабымъ изъ слабыхъ—старикамъ и дѣтямъ, «Не то, что ихъ,—говорилъ мнѣ подростокъ лѣтъ четырнадцати, указывая на обѣдающихъ въ столовой малышей,—а и насъ вѣтромъ качало». По свидѣтельству очевидцевъ, хлѣбъ, которымъ питались эти несчастные, превосходитъ всякое описаніе: его приходилось кочергой выгребать изъ печки, потому что при значительной примѣси лебеды хлѣбъ разсыпается комьями. Какъ ни выносливъ мужицкій желудокъ, но такое питаніе не могло не отозваться усиленною болѣзненностью и смертностью. Земская ссуда и столовыя нѣсколько поправили дѣло. Но не слѣдуетъ преувеличивать значенія этой поправки. Ссуда далеко не достаточна, прикупать хлѣба не на что, потому что платежныя средства давно истощены, да и не однимъ хлѣбомъ исчерпывается нужда. Вдобавокъ по какимъ-то соображеніямъ завѣдомо недостаточная 30-фунтовая ссуда иногда сокращается. По словамъ крестьянъ нѣкоторыхъ деревень Судбищенской волости, ссуда спускается до 12, 10 и даже 8 фунтовъ въ мѣсяцъ! Когда я спрашивалъ о причинахъ или мотивахъ такого уменьшенія ссуды, крестьяне или не умѣли мнѣ отвѣтить, или говорили такое, что я затрудняюсь передавать, такъ какъ показанія ихъ требовали бы провѣрки, которой я не могъ сдѣлать. Что касается столовыхъ, то польза ихъ несомнѣнна, но ихъ очень мало и возникновеніе ихъ зависитъ отъ разныхъ случайностей: найдется ли добрый человѣкъ, найдется ли у этого добраго человѣка энергія, найдуся ли деньги.

Деревни Любовша, имѣніе г-жи Бобрищевой-Пушкиной представляетъ собою, какъ я сейчасъ разскажу нѣсколько подробнѣе, нѣкоторый центръ для довольно большой округи, куда обращаются за разными надобностями, въ томъ числѣ и за медицинской помощью. Это значитъ, чтобы въ Любовшѣ жилъ врачъ. Врачъ живетъ верстъ за 20, и лѣченіе въ Любовшѣ ведется элементарными способами, по лѣчебнику и съ помощью домашней аптеки. Приходящимъ разнаго рода больнымъ ведется запись. Такихъ больныхъ въ самой Любовшѣ, при населеніи въ 309 душъ, было въ теечніе января 175 че-

ловѣкъ. 23-го января была открыта столовая на 140 человѣкъ, и въ февралѣ число больныхъ упало до 109, а съ 1-го по 16-е марта ихъ было уже только 28 человѣкъ. Между тѣмъ число больныхъ изъ окрестныхъ деревень, гдѣ не вездѣ есть столовыя, постоянно ростетъ. Въ сентябрѣ всѣхъ больныхъ было 80, въ октябрѣ 103, въ ноябрѣ 182, въ декабрѣ 165 (убыль объясняется метелями, мѣшавшими больнымъ приходить издалека), въ январѣ 242, въ февралѣ 245, въ мартѣ съ 1-го по 16-е т. е. за полмѣсяца,—169. Это, конечно, не статистика, а своего рода суррогатъ статистики, но вѣдь мы теперь вообще живемъ въ сферѣ суррогатовъ, и самая медицина въ данномъ случаѣ, за отсутсвіемъ врача, есть лишь суррогатъ медицины. Да и не въ лѣченіи дѣло, а въ питаніи. Формируемые теперь санитарные отряды ничего не сдѣлаютъ, если въ ихъ распоряженіи не будетъ средствъ для открытія столовыхъ или иныхъ способовъ поднять питаніе, или если не будетъ принято какихъ-нибудь общихъ мѣръ въ этомъ направленіи.

Я видѣлъ въ одной деревнѣ сцену, которая и сейчасъ стоитъ передъ моими глазами во всѣхъ подробностяхъ. Въ темной, нетопленной, избѣ, съ низкимъ земляным поломъ, лежала больная женщина; возлѣ нея стоялъ сынъ, мальчикъ лѣтъ 5, съ выраженіемъ застывшаго испуга на худенькомъ личикѣ, другой, грудной, лежалъ закутанный на печкѣ. У больной опухли ноги, руки корчитъ, у нея «подъ сердце подкатываетъ». Она уже причащалась, но совершенно спокойна, до апатіи, хотя баба молодая и, какъ мнѣ говорили, бойкая. Она оживилась только тогда, когда заговорили объ ѣдѣ, и настойчиво потребовала, чтобы мы заглянули въ печку,—что, дескать, тамъ есть: тамъ ничего не было, кромѣ котелка или горшка съ водой; печка была холодная. Хотя я вовсе не хотѣлъ осматривать печь и сдѣлалъ это только по настоянію больной хозяйки, но, заглянувъ, почувствовалъ, что краснѣю отъ стыда...

Вообще, по привычкѣ ли къ недовѣрію или по какой другой причинѣ, крестьяне съ чревычайною торопливостью стараются потвердить чѣмъ-нибудь фактическимъ свои жалобы на нужду: суютъ вамъ въ руки свой

лебедный хлѣбъ, выводятъ на показъ лошадей, еле передвигающихъ ноги. Да есть что показать! Для изображенія нѣкоторыхъ видѣнныхъ мною человѣческихъ и лошадиныхъ фигуръ нужна бы была фотографія: рисунку съ натуры пожалуй и не повѣрили бы, нашли бы намѣренное преувеличеніе и въ этой роскоши лохмотьевъ, и въ этой странной наружности шершавыхъ клячъ, — вздутое отъ слежавшейся, полусгнившей соломы брюхо и затѣмъ скелетъ, по которому хоть сейчасъ, не вскрывая и не снимая шкуры, остеологію изучай. А между тѣмъ эти полуживыя клячи не только должны выручить своихъ хозяевъ на предстоящихъ полевыхъ работахъ, а и сейчасъ несутъ оригинальную общественную службу. Настоящихъ общественныхъ работъ въ Новосильскомъ уѣздѣ никакихъ нѣтъ, но есть общественная подводная повинность, небывалая въ урожайные годы. Крестьяне безъ всякаго вознагражденія обязаны развозить хлѣбъ съ желѣзнодорожныхъ станцій въ земскіе и благоворительные склады, отстоящіе отъ станцій на десятки верстъ. Истощенныя лошади падаютъ, на кормъ тратится сѣмянной овесъ. Онъ составляетъ въ настоящую минуту драгоцѣнность; но вѣдь нельзя же везти десятки верстъ десятки пудовъ на лошадяхъ, набитыхъ, какъ чучело, соломой, да и соломы нѣтъ: крыши разбирать приходится.

Какъ ни тяжело настоящее положеніе, но крестьяне, повидимому, гораздо больше озабочены будущимъ, — предстоящею страдною порой: что сѣять? на чемъ пахать? Если не будутъ приняты энергическія мѣры теперь же для снабженія крестьянъ сѣменнымъ овсомъ и кормомъ для лошадей, то поля можетъ и будутъ засѣяны, и урожай можетъ быть будетъ, но радости отъ этого будетъ мало. Это будетъ значить, что земля сдана за гроши кулакамъ и, слѣдовательно, крестьянское хозяйство разстроено надолго впередъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Пѣсни славянскихъ народовъ.

ВЕЛИКОРУССКІЯ, МАЛОРУССКІЯ, ЧЕРВОНОРУССКІЯ, БѢЛОРУССКІЯ, ПОЛЬСКІЯ, БОЛГАРСКІЯ, СЕРБСКІЯ, ЧЕШСКІЯ, МОРАВСКІЯ, СЛОВАЦКІЯ, ХОРУТАНСКІЯ и ЛУЖИЦКІЯ.

Съ вступительной статьей **Т. В. ПОССЕ.**

ПЕТРОГРАДЪ.
„Коммерческая Тип.“, Столярный пер. 9, Телефонъ № 520-32.
1914.

Славянскія пѣсни.

Издаваемый сборникъ славянскихъ народныхъ пѣсенъ заключаетъ въ себѣ только небольшую часть громаднаго богатства славянской народной поэзіи. Особенно богата эта поэзія у великороссовъ и у сербовъ. Изъ великорусскихъ пѣсенъ такъ же, какъ изъ пѣсенъ нѣкоторыхъ другихъ славянскихъ народовъ, помѣщены въ данномъ сборникѣ только лирическія пѣсни; изъ сербской же и болгарской народной поэзіи взяты также отрывки эпическихъ произведеній.

Характеръ народной поэзіи и особенно народной пѣсни каждаго народа опредѣляется не только національными особенностями даннаго народа, но, главнымъ образомъ, государственнымъ и общественнымъ устройствомъ, при которомъ пришлось жить народу и тѣми историческими событіями, свидѣтелемъ и творцомъ которыхъ онъ былъ.

I.

Вчитываясь въ народную поэзію славянъ, мы находимъ у различныхъ славянскихъ народовъ общую основу; особенно замѣтно это сходство въ пѣсняхъ бытовыхъ, и заключается оно какъ въ сходствѣ сюжетовъ, такъ и въ пріемахъ творчества каждаго отдѣльнаго славянскаго народа. Особенно близкое сходство

находимъ мы въ поэзіи сербовъ и болгаръ, историческія судьбы которыхъ тѣсно были между собою связаны. Сходство быта опредѣлило сходство народной поэзіи болѣе отдаленныхъ другъ отъ друга славянскихъ народовъ. Вообще народная поэзія самыхъ различныхъ по своей національности народовъ имѣетъ сходныя черты: общій складъ первоначальнаго быта народовъ сходенъ у разныхъ національностей и сами первобытные пріемы творчества носятъ одинъ общій характеръ. Въ данномъ случаѣ насъ интересуетъ не столько сходство славянской народной поэзіи съ поэзіей другихъ народовъ, сколько общій характеръ всѣхъ славянскихъ пѣсенъ и особенности пѣсенъ каждаго славянскаго народа. Эти же послѣднія образовались, главнымъ образомъ, благодаря различнымъ историческимъ судьбамъ отдѣльныхъ славянскихъ народовъ.

Въ то время какъ одна часть славянскаго племени пріобрѣла себѣ уже давно прочную національную независимость,—другая часть не имѣетъ этой національной независимости и ведетъ за нее вѣковую борьбу. Если мы не будемъ считать уже исчезнувшихъ съ лица земли племенъ, подъ властью которыхъ пришлось быть славянамъ, то останутся только два чужеземныхъ народа—нѣмцы и турки—съ которыми вели и ведутъ славяне борьбу за національную независимость. Также слѣдуетъ помнить, что часть славянскаго племени—русскіе поляки—находятся въ зависимости отъ народа одного съ нимъ племени. Чужеземная власть, подъ которой приходилось и приходится жизнь славянскимъ народа интересуетъ насъ, поскольку она мѣшаетъ внутреннему развитію народа, давитъ свободное проявленіе народнаго творчества, мѣшаетъ развитію народной поэзіи. И здѣсь мы замѣчаемъ любопытный фактъ. Общественныя условія, въ которыя поставленъ каждый народъ, оказываются имѣющими большее значеніе для развитія народнаго творчества, чѣмъ чуже-

земное иго, если оно не мѣшаетъ правильному ходу внутренней жизни народа. Извѣстно, что наши былины сохранились почти исключительно на сѣверѣ, который не зналъ крѣпостного права,—тогда какъ въ другихъ частяхъ Россіи, испытавшихъ на себѣ гнетъ крѣпостного права, былины исчезли. Въ Сербіи же, находившейся подъ чужеземной властью Турціи и ведущей долгую борьбу за свою независимость, народная поэзія особенно богата. Бѣдна эпическими народными произведеніями и вообще народной поэзіей Бѣлоруссія, простому народу которой пришлось вынести гнетъ польскихъ пановъ—членовъ одного съ нимъ славянскаго племени, но другого общественнаго класса. Но такая чужеземнная власть, которую испытала Польша, разорванная на три части, мѣшала свободному развитію ея національной самобытности и народнаго творчества.

II.

При упоминаніи о великорусскихъ пѣсняхъ всегда будутъ вспоминаться слова Пушкина: „Всей семьей, отъ ямщика до перваго поэта мы всѣ поемъ уныло. Грустный вой — пѣснь русская. Извѣстная примѣта: начавъ за здравіе, за упокой сведемъ какъ разъ“. У слушающаго русскую пѣсню, или только читающаго ее и незнакомаго даже съ ея напѣвомъ, остается въ большинствѣ случаевъ впечатлѣніе унылости, глубокой покорности, проникающей ее. Эта унылость русскихъ пѣсенъ особенно характерна; вѣдь, рядомъ съ печальными пѣснями мы знаемъ и веселыя русскія пѣсни, полныя удали и широкаго размаха,—но и въ этихъ пѣсняхъ мы замѣчаемъ часто своеобразную особенность: веселая по содержанію пѣсня поется печальнымъ напѣвомъ или же веселый припѣвъ заканчиваетъ безнадежно унылую пѣсню.

Унылый характеръ русскихъ пѣсенъ опредѣлился не только тѣми условіями—историческими и общественными, въ которыхъ жилъ русскій народъ, но самымъ характеромъ русской природы—печальной и однообразной, съ безграничными равнинами, безконечными лѣсами, долгими зимами и темными ночами.

Въ русской пѣснѣ отразилась русская жизнь—вѣрованія народа его бытъ, историческія событія, которыя онъ пережилъ. Въ историческихъ пѣсняхъ поется про татарское иго, про Іоанна Грознаго, Петра Великаго, про безконечныя войны, которыя пришлось вынести русскому народу. Образованіе государства, усиленіе Москвы, развитіе государственныхъ формъ, крѣпостное право,—всѣ факторы, подавлявшіе свободное развитіе личности, дали начало разбойничьимъ пѣснямъ, выразившимъ недовольство отдѣльныхъ группъ людей создающимися условіями жизни. Но больше всего въ пѣсняхъ—жалобъ на семейный деспотизмъ, отъ котораго страдали не только дѣвушки и женщины, но и мужчины—младшіе члены семьи. Въ этомъ отношеніи особенно интересны, такъ называемыя, бытовыя пѣсни; въ нихъ ярче всего вылилась внутренняя жизнь народа съ ея свѣтлыми и темными сторонами. „Народная пѣснь—это народная исторія, — живая и яркая, исполненная истины, обнажающая жизнь народа", писалъ Гоголь. Въ русской пѣснѣ отразился весь строй жизни народа, не только крестьянской, но и городской; это и понятно: русскій человѣкъ поетъ вездѣ и всегда — за работой и во время отдыха.

Касаясь разныхъ сторонъ жизни, русскія пѣсни замѣчательно разнообразны по своимъ темамъ. Цѣлый рядъ пѣсенъ связанъ съ темой о судьбѣ дѣвушки, объ ея любви къ милому, тоскѣ по немъ; въ этихъ пѣсняхъ много глубины и красиваго выраженія чувствъ. Такъ, въ одной пѣснѣ дѣвушка говоритъ о своей любви:

„Я въ тѣ поры мила друга забуду,
Когда подломятся мои скоры ноги,
Когда опустятся мои бѣлы руки,
Засыплются глаза мои песками“.

Также много жалобъ въ пѣсняхъ дѣвушекъ на то, что ее насильно выдаютъ замужъ; картина семейной жизни рисуется темными красками даже въ томъ случаѣ, если бракъ былъ совершонъ по любви. Вообще народныя пѣсни даютъ яркую картину тяжелой доли русской женщины, русской крестьянки; жалобы же женщинъ, выраженныя въ этихъ пѣсняхъ—кроткія и грустныя; это именно жалобы, а не протестъ, и только иногда въ этихъ жалобахъ проскальзываютъ рѣзкія нотки.

Въ художественномъ отношеніи и по своимъ напѣвамъ пѣсни русскія очень высоки; въ нихъ много сравненій, олицетвореній, символовъ, а напѣвами ихъ пользовались въ своемъ творчествѣ такіе композиторы, какъ Римскій-Корсаковъ и Глинка.

Говорятъ объ упадкѣ народнаго творчества, о частушкахъ, вытѣсняющихъ старинную пѣсню. Но страхи за упадокъ народнаго творчества нѣсколько преувеличены: въ свадебныхъ и похоронныхъ пѣсняхъ упадка не наблюдается; помимо частушекъ, появляются также новыя лирическія пѣсни, и много пѣсенъ нашахъ писателей, особенно Некрасова, поются народомъ: личное творчество сливается съ коллективнымъ.

III.

Ходъ историческихъ событій связалъ судьбу великорусскаго народа съ малороссами, частью того же русскаго народа. До раздѣленія русскихъ славянъ на великоруссовъ, малороссовъ и бѣлоруссовъ, въ нынѣшней Малороссіи складывались пѣсни—былины, ко-

торыя потомъ перешли на сѣверъ. Борьба, которую пришлось вести малороссамъ съ поляками за свою національность, заставила ихъ забыть о событіяхъ, воспѣвающихся въ былинахъ, и замѣнила былины полуэпическими думами, а лирическую пѣснь наполнила мотивами, до извѣстной степени связанными съ этой борьбой. Гоголь указываетъ на значеніе изученія малороссійскихъ пѣсенъ для знакомства съ особенностями исторической жизни Малороссіи: „Если жизнь его (народа) была дѣятельна, разнообразна, своевольна, исполнена всего поэтическаго, и онъ при всей многосторонности ея не получилъ высшей цивилизаціи, то весь пылъ, все сильное, юное бытіе его выливается въ народной пѣснѣ... Въ этомъ отношеніи пѣсни для Малороссіи все: и поэзія, и исторія, и отцовская могила“.

Малороссійскія пѣсни легко распадаются на двѣ группы. Въ однѣхъ пѣсняхъ отразилась жизнь казака, легко и радостно бросающаго домашнюю жизнь для битвъ, походовъ, опасностей, для разгульнаго житья съ товарищами. Вольная казацкая жизнь оказывалась дороже семьи,—и вотъ цѣлый рядъ пѣсенъ описываетъ прощаніе казака съ семьей, его выступленіе въ походъ, битвы, плѣнъ, бѣгство изъ плѣна, смерть казака. Порой въ этихъ пѣсняхъ, даже веселыхъ и бодрыхъ, слышатся печальныя нотки, жалобы на „долю“, какъ и въ великорусскихъ разбойничьихъ пѣсняхъ; безпокойная казацкая жизнь иногда становилась въ тягость.

Другая группа малороссійскихъ пѣсенъ описываетъ домашнюю жизнь малороссовъ. Какъ и въ великорусскихъ пѣсняхъ, она охватываетъ разнообразныя стороны быта; въ Малороссіи даже существуетъ пословица по поводу любви малоросовъ къ пѣснямъ: „москаль до гостанья, ляшокъ до скаканья, а казакъ до спѣванья“. Особенной красотой и нѣжностью отличаются женскія пѣсни, полныя тоски по тѣмъ казакамъ, которые,

бросивъ дома своихъ женъ, возлюбленныхъ и матерей, сами отправились въ далекую сторону. Какъ и въ великорусскихъ пѣсняхъ, въ нихъ часто описывается природа, но не сама по себѣ, а лишь, какъ оттѣняющая и поддерживающая душевное настроеніе человѣка.

Отличательныя черты малороссійскихъ пѣсенъ— въ ихъ драматизмѣ, музыкальности и красотѣ напѣвовъ.

Нельзя сказать того же о пѣсняхъ третьей части русскаго народа—бѣлоруссовъ. Народная поэзія бѣлоруссовъ не богата, и причина этого въ тѣхъ общественныхъ условіяхъ, въ которыхъ протекала жизнь бѣлоруссовъ.

Еще бѣднѣе народными пѣснями польскій народъ. У поляковъ нѣтъ ни былинъ ни юнацкихъ пѣсенъ, а изъ лирическихъ пѣсенъ преобладаютъ свадебныя и обрядовыя. Польскіе паны угнетали не только бѣлоруссовъ, но и своихъ же крестьянъ — поляковъ. Народное творчество въ Польшѣ не могло получить широкаго развитія; помимо крѣпостного права этому мѣшали и постоянныя разорительныя войны и внутреннія волненія. Поэтому пѣсни поляковъ въ большинствѣ случаевъ не народныя польскія пѣсни, а — или подраженіе бѣлорусскимъ пѣснямъ, или же произведенія отдѣльныхъ авторовъ, попавшія въ народную среду.

Къ чисто національнымъ пѣснямъ поляковъ можно отнести *краковяки*, пѣсни изъ Краковской земли, коротенькія, стиха въ 2—4— поэтическія произведенія, отрывочныя и веселыя, большею частью любовнаго содержанія.

Вообще западные славяне, къ которымъ и принадлежатъ поляки, гораздо бѣднѣе народной поэзіи восточныхъ славянъ. Изъ восточныхъ же славянъ богатствомъ народной поэзіи особенно выдѣляются сербы.

IV.

Историческая судьба Сербіи сложилась такъ, что ей пришлось вынести много войнъ съ нѣмцами и турками. Такая судьба не могла не отразиться и въ историческихъ пѣсняхъ сербовъ; особенно борьба съ турками послужила темой для цѣлаго ряда юнацкихъ, героическихъ пѣсенъ историческаго и эпическаго характера. По живости драматическаго дѣйствія и разнообразію картинъ онѣ все-таки уступаютъ малороссійскимъ думамъ, но зато охватываютъ почти всю исторію Сербіи, начиная съ давнихъ временъ, съ XII в., и до нашего времени. Систематически стали собираться сербскія народныя пѣсни въ началѣ XVIII вѣка Вукомъ Караждичемъ. Онѣ пѣлись и поются, какъ и пѣсни другихъ народовъ,—дѣвушками, слѣпцами, поются на посидѣлкахъ, въ хороводахъ, при совершеніи обрядовъ—похоронныхъ, свадебныхъ, праздничныхъ. Ихъ общее число простирается до десяти тысячъ.

Лирическія пѣсни обыкновенно коротки и сюжеты ихъ любовнаго характера. Изъ лирическихъ пѣсенъ особенно интересны и своеобразны такъ называемыя „сведалійскія“ пѣсни, т. е. пѣсни, поющіяся въ Босніи; онѣ написаны въ магометанскомъ духѣ и полны страсти и желанія; въ нихъ отразилась жизнь богатыхъ юношей Босніи конца XVIII вѣка. Совсѣмъ иной характеръ носятъ пѣсни, сложенныя въ Далмаціи; ихъ главные мотивы—семейныя чувства; въ нихъ нѣтъ страсти: онѣ просты, даже архаичны. Любовныя пѣсни—только часть общаго богатства лирическихъ сербскихъ пѣсенъ; много пѣсенъ въ Сербіи свадебныхъ, заздравныхъ, рождественскихъ, колядскихъ; пѣсенъ слѣпцовъ, жнецовъ, игорныхъ, дѣтскихъ; есть также шуточныя и сатирическія, очень остроумныя, направленныя противъ вдовъ, монаховъ, старыхъ жениховъ. Опять и относительно распространенности

пѣсенъ у сербовъ можно повторить то же, что уже говорилось о другихъ славянскихъ народахъ. „Весь день сербской молодежи переплетенъ пѣсней и поэзіей: на посидѣлкахъ, на рѣкѣ, гдѣ моютъ бѣлье, у колодца, на лугу, гдѣ пасутъ стада и лошадей, у водопоя, въ „коло", на полѣ и по дорогѣ, среди густого лѣса — вездѣ раздается пѣсня и всякое занятіе сопровождается пѣсней" (Тальви).

Одна изъ характерныхъ чертъ сербскихъ пѣсенъ ихъ веселость, кромѣ пѣсенъ, касающихся семейной жизни.

Что касается эпическихъ пѣсенъ, то однѣ изъ нихъ такъ же, какъ и лирическія продолжаютъ жить въ народѣ—это, такъ называемыя, „гуслярскія пѣсни"; другія—„бугарщины" найдены въ рукописяхъ и больше уже не поются народомъ. По содержанію и тѣ и другія пѣсни сходны, ихъ отличіе въ стихосложеніи—короткомъ стихѣ у первыхъ, и долгомъ—у вторыхъ. „Бугарщины" возникли, вѣроятно, въ концѣ XIV вѣка въ южной Сербіи и уже къ XVII вѣку исчезли въ народѣ; возникли онѣ подъ впечатлѣніемъ грандіозныхъ и роковыхъ событій въ Сербіи: битвъ съ турками на Марицѣ (1371 г.) и на Косовомъ полѣ (1389 г.), поэтому и содержаніе ихъ историческое,—онѣ описываютъ Косовскій бой, событія, предшествующія Косовскому бою; воспѣваютъ кралевича Марка, сербскихъ юнаковъ, борьбу съ Турціей.

Содержаніе „гуслярскихъ" пѣсенъ также больше всего касается турецкаго нашествія и предшествующей ему эпохи. Отъ русскаго эпоса сербскій отличается меньшей объединенностью—большинство русскихъ былинъ сосредоточены около Кіева, тогда какъ сербскія пѣсни касаются самыхъ различныхъ мѣстъ; также русскій эпосъ относится въ большей своей части къ болѣе древней порѣ—Кіевской Руси, чѣмъ турецкое нашествіе на Сербію.

„Гуслярскія“ пѣсни, затрагивающія историческія событія, образуютъ нѣсколько цикловъ, соотвѣтственно тѣмъ періодамъ исторіи Сербіи, которыхъ онѣ касаются. Классическими циклами здѣсь являются циклъ Косовскій и циклъ кралевича Марка; изъ другихъ цикловъ, обнимающихъ исторію Сербіи съ XII вѣка и до нашего времени, особенно характерны и своеобразны циклы гайдуцкій, ускоцкій, циклы освобожденія Черногоріи и Сербіи.

Помимо историческихъ темъ, „гуслярскія“ пѣсни затрагиваютъ темы, не имѣющія отношенія къ исторіи. Здѣсь мы встрѣчаемся съ ходячими сюжетами о змѣяхъ, объ исполинахъ, объ ангелахъ; съ мотивами, встрѣчающимися въ апокрифахъ и въ агіографической литературѣ: о Богородицѣ, обозрѣваюшей грѣшниковъ въ аду, о св. Георгіи, убившемъ дракона и освободившемъ царевну; варіаціи общенародныхъ легендъ и сюжеты, проникшія въ народную пѣснь изъ средневѣковыхъ романовъ. Въ классическомъ циклѣ о Косовской битвѣ мало чудеснаго: онъ отличается перевѣсомъ историческаго строя, но все-таки самая основа событія, какъ она представляется въ пѣснѣ,—легендарна; Косовская битва превратилась въ исторію о клеветникѣ—измѣнникѣ и объ оклеветанномъ героѣ. Такое событіе, какъ Косовская битва, имѣвшая громадное значеніе для Сербіи, не могло и не быть окутано цѣлымъ рядомъ легендъ.

Также окружена легендой личность главнаго сербскаго героя Марка-кралевича—Ильи Муромца сербскаго эпоса. Какъ историческая личность, кралевичъ Маркъ не имѣлъ значенія; въ 1371 году послѣ смерти своего отца, короля Вукашина, онъ былъ королемъ части Македоніи; съ 1388 г. призналъ надъ собою власть турецкаго султана, а въ 1394 году палъ на Ровинахъ, въ бою султана Баязета противъ валашскаго воеводы. Изъ незначительной исторической личности кралевича

Марка народная пѣсня сдѣлала героя, самаго популярнаго и любимаго въ сербскомъ эпосѣ. Народная фантазія надѣлила его необыкновенной физической силой, храбростью, страстью къ вину, раздѣляемою многими эпическими героями; часто Маркъ безчеловѣченъ, какъ въ поступкѣ съ арапской царевной, которую онъ закололъ, послѣ того, какъ та освободила его изъ темницы, но рядомъ съ чертами внѣшней силы, Маркъ-кралевичъ надѣленъ и высокими внутренними качествами; въ своемъ поступкѣ съ арапкой онъ раскаивается, онъ нѣженъ, набоженъ, справедливъ и, подобно Ильѣ Муромцу, защитникъ слабыхъ и угнетенныхъ—черта свойственная лишь славянскихъ эпическимъ героямъ. Народная фантазія окутала также его личность легендой, приписавъ ему происхожденіе отъ змія, и упоминая объ его дружбѣ съ исполинами.

Въ пѣснѣ „Мина къ Котуры" Маркъ отказывается отъ званія сборщика податей — его останавливаетъ при этомъ мысль объ нищихъ и убогихъ.

Его службу султану народная фантазія приписала заклятію отца, такъ какъ народное чувство не могло помириться съ мыслью, что любимый ею герой—слуга султана. У самаго Марка сильно сознаніе своей народности: онъ мститъ за своихъ, отмѣняя свадебный откупъ, установленный на Косовомъ полѣ арапомъ послѣ пораженія сербовъ. Самую смерть Марка народъ сдѣлалъ залогомъ своего освобожденія. Въ однѣхъ пѣсняхъ Маркъ погибаетъ отъ своей руки, зато въ другихъ разсказывается, подобно тому, что разсказывается о Фридрихѣ Барбароссѣ и Карлѣ Великомъ—о пещерѣ, въ которой сидитъ Маркъ и изъ которой онъ выйдетъ въ трудную для Сербіи минуту, чтобы освободить народъ отъ чужеземнаго ига.

Ускоцкія пѣсни и пѣсни объ освобожденіи Черногоріи и Сербіи повторяютъ всѣ тѣ же мотивы борьбы съ Турціей. Ускоки—это герцеговинцы, которые послѣ

покоренія Герцеговины турками ушли на хорватское Приморье и въ качествѣ австрійскихъ воиновъ обороняли пограничныя области отъ турецкихъ четъ, а часто и сами нападали на турецкія области.

Пѣсни же объ освобожденіи Черногоріи описываютъ борьбу съ турками, начиная съ истребленія потурченцовъ въ 1703 году подъ начальствомъ владыки Даніила и кончая нашими днями.

Пѣсни объ освобожденія Сербіи касаются, главнымъ образомъ, возстанія подъ предводительствомъ Карагеоргія и возможно, что онѣ искусственнаго происхожденія.

Очень близко къ сербскимъ пѣснямъ подходятъ болгарскія пѣсни, что объясняется сходствомъ исторической судьбы народовъ и тѣхъ условій, въ которыхъ они были поставлены Болгарскія пѣсни часто представляютъ собою простой пересказъ сербскихъ пѣсенъ о томъ же Маркѣ-кралевичѣ, о борьбѣ съ Турціей, или онѣ развиваютъ общеславянскія и общенародныя мотивы; напримѣръ, пѣсни самовильскія носятъ миѳологическій характеръ; другія повторяютъ церковныя мотивы; большинство же пѣсенъ — юнацкія, какъ и въ Сербіи, описывающія борьбу съ Турціей, и пѣсни о гайдукахъ, ведущихъ партизанскую войну противъ турокъ.

V.

Гораздо бѣднѣе творчество западныхъ славянскихъ народовъ—чеховъ, моравовъ, словаковъ, поляковъ и сербовъ-лужичанъ. Въ противоположность Сербіи и Болгаріи, у чеховъ нѣтъ народныхъ эпическихъ произведеній—былинъ. Возможно, что власть нѣмцевъ, подъ которую попали чехи и вліяніе нѣмецкой культуры оказали разрушающее дѣйствіе на народную самобытность — отсюда и бѣдность чешской эпической народной литературы въ настоящее время. О существо-

ваніи эпоса у чеховъ въ прежнее время свидѣтельствуютъ двѣ рукописи, найденныя въ 1817 году — Зеленогорская и Краледворская, заключающія въ себѣ цѣлый рядъ пѣсенъ. Эпическія пѣсни той и другой рукописи, изъ которыхъ Зеленогорскую рукопись относятъ къ X или XI в., а Краледворскую къ XIII и XIV вѣкамъ,—продуктъ личнаго творчества, но, какъ и „Слово о полку Игоревѣ“, эти эпическія пѣсни сохранили живую связь съ народнымъ творчествомъ.

Содержаніе Зеленогорской рукописи это „Любушинъ судъ“.

Любуша, вѣщая старославянская княжна, должна послѣ смерти отца разсудить братьевъ, которые спорятъ изъ-за земельнаго наслѣдства. Согласно древнему славянскому обычаю, Любуша хочетъ, чтобы братья владѣли сообща землей, или же, если дѣлились, то каждый бы получилъ одинаковую часть; но старшій братъ хочетъ одинъ владѣть всей землей,—въ этомъ уже выражается нѣмецкій принципъ маіората. Народность этого произведенія, помимо содержанія,—въ пріемахъ творчества, въ олицетвореніи природы, въ обращеніи къ рѣкѣ Влетавѣ, которая помутнѣла, видя вражду между братьями.

Краледворская рукопись, найденная въ гор. Кралевѣ, только остатокъ большой рукописи. Наряду съ эпическими и лиро-эпческими пѣснями, она содержитъ и лирическія пѣсни уже чисто народнаго происхожденія.

Содержаніе эпическихъ пѣсенъ касается борьбы между язычниками-чехами и франками-христіанами: такъ, Забой - богатырь воодушевляетъ своей пѣсней народъ на борьбу съ угнетателями. Отразилась въ нихъ и междуусобная война отдѣльныхъ княжествъ, изгнаніе поляковъ изъ Чехіи, борьба съ нѣмцами, съ татарами; отразились въ нихъ и черты средневѣковой рыцарской поэзіи. Созданы эти пѣсни авторомъ, про-

никнутымъ народнымъ духомъ. Изъ лирическихъ пѣсенъ, уже чисто народныхъ, очень древнихъ,—однѣ относятся къ языческимъ временамъ, какъ напримѣръ, „Елень“, „Збыгонь“, „Ягоды“; другія—къ болѣе позднимъ, какъ „Роза“, „Кукушка“ и т. д. Замѣчательно сходство чешскихъ лирическихъ пѣсенъ съ русскими—великорусскими и малорусскими; въ нихъ есть драматичность дѣйствія, особенно въ болѣе древнихъ; множество метафоръ, аллегорій, уподобленій, обращеній къ природѣ, олицетвореній и символовъ. Много пѣсенъ относится къ гуситской эпохѣ, когда историческія событія взволновали весь народъ.

Но опять приходится повторить, что за то народная поэзія у чеховъ очень бѣдна. Уже въ XIV в. она была сильно модернизирована латино-нѣмецкими вліяніями; въ XV—XVI вѣкѣ искусственная поэзія стала черезъ нѣмецкихъ миннензингеровъ вторгаться въ область народной поэзіи; первобытныя славянскія черты стали стираться подъ вліяніемъ иноземныхъ нравовъ, городской жизни, и школы, появились правильныя риѳмы, что вообще не свойственно народной пѣснѣ.

Больше первобытныхъ чертъ сохранили въ своихъ пѣсняхъ словаки и моравы. Словаки живутъ въ Австро-Венгріи; высшіе классы поддались чужеземному вліянію, но низшіе классы сохранили старинные народные обычаи, вѣрованія, языкъ и пѣсни.

О даровитости словаковъ можно судить по той замѣчательной литературѣ, которая возникла всего 100 лѣтъ тому назадъ. Но политическая несамостоятельность народа, отсутствіе особой исторіи внѣ исторіи господствующаго народа, отразилася и на характерѣ народныхъ словацкихъ пѣсенъ. Исторія не дала матеріала для эпическихъ произведеній, гражданская жизнь была мало развита; отсюда идиллическій характеръ словацкихъ народныхъ пѣсенъ, близость ихъ къ природѣ, описаніе мирной земледѣльческой жизни.

Что касается моравовъ, то ихъ историческая судьба такъ тѣсно связана съ судьбой чеховъ, и по своему происхожденію они тѣ же чехи, что особенность ихъ творчества заключается только въ нѣкоторомъ различіи языковъ.

Упоминая о пѣсняхъ различныхъ славянскихъ народовъ, поневолѣ приходится повторяться — у нихъ много общихъ чертъ. Всѣ онѣ даютъ отраженіе самымъ разнообразнымъ сторонамъ жизни народа, во всѣхъ нихъ чувствуется близость къ природѣ, всѣ онѣ не уходятъ далеко отъ дѣйствительной жизни, за предѣлы видимаго міра въ міръ романтическихъ грезъ; если въ нихъ и есть много чудеснаго, то все - таки ихъ общій характеръ остается реалистическимъ. Но, какъ и про русскія пѣсни, про большинство славянскихъ пѣсенъ можно сказать, что онѣ проникнуты грустнымъ настроеніемъ. Такова уже исторія славянскихъ народовъ, ведущихъ постоянную внутреннюю и внѣшнюю борьбу.

Т. П.

Великорусскія пѣсни.

Дубинушка.

Ну, ребята, принимайся,
За дубинушку хватайся.
Эй, дубинушка, ухнемъ!
Эй, зеленая, сама пойдетъ!
Идетъ! идетъ! идетъ!
Нутка, примемся за дѣло,
Чтобъ оно у насъ кипѣло.
Эй, дубинушка, ухнемъ!
Эй, зеленая, сама пойдетъ!
Идетъ! идетъ! идетъ!
Нутка примемся мы дружно,
Поскорѣй окончить нужно.
Эй, дубинушка, ухнемъ!
Эй, зеленая, сама пойдетъ,
Идетъ! идетъ! идетъ!
Ну, ребята не зѣвайте,
Разомъ дружно напирайте.
Эй, дубинушка, ухнемъ!
Эй, зеленая, сама пойдетъ!
Идетъ! идетъ! идетъ!
Ну, тяни, ребята, смѣло,
Чтобъ работа-то кипѣла.
Эй, дубинушка, ухнемъ!
Эй, зеленая, сама пойдетъ!
Идетъ! идетъ! идетъ!
Вы тяните посильнѣе,
Опускайте вразъ дружнѣе.
Эй, дубинушка, ухнемъ!
Эй, зеленая, сама пойдетъ!
Идетъ! идетъ! идетъ!

Эй, ухнемъ!

Эй, ухнемъ! Эй, ухнемъ!
Еще разикъ, еще разъ!

Эй, ухнемъ! Эй, ухнемъ!
Еще разикъ, еще разъ!

Разовьемъ мы березу,
Разовьемъ мы кудряву.

Ай, да-да! ай, да! ай, да-да! ай, да!

Разовьемъ мы кудряву.
Эй, ухнемъ! Эй, ухнемъ!

Полоса.

Полоса ль ты моя, полоса!
Не распахана ты, сиротинка,
На тебѣ не колосья—краса,
Не колосья—краса, а былинка!
А кругомъ-то, кругомъ поглядишь,
Такъ и зрѣютъ могучія нивы,
И стоитъ благодатная тишь,
И волнуются ржи переливы...
Но горька мнѣ твоя нагота,
Какъ взгляну я на ниву-то Божью!
Отчего жъ ты одна сирота,
Не красуешься матушкой-рожью?
Знать, хозяинъ-то твой въ кабакѣ
Загулялъ не одну ужъ недѣлю,
Иль отъ горя въ гробовой доскѣ
Отыскалъ на погостѣ постелю;

А, быть-можетъ, и то: въ кандалахъ
По Владимиркѣ пахаря гонятъ,
За широкій, за вольный размахъ,
Богатырскую силу хоронятъ...
И шагаетъ онъ въ синюю даль,
Самъ шагаетъ да слезы глотаетъ:
Все-то ниву свою ему жаль,
Все полоску свою вспоминаетъ...
Зарастай же, моя полоса,
Частымъ ельничкомь ты да березкой,—
И пускай же ни серпъ, ни коса
Не сверкаютъ отсель надъ полоской.

Зашумѣла, разгулялась.

Зашумѣла, разгулялась,
Въ полѣ непогода;
Принакрылась бѣлымъ снѣгомъ
Гладкая дорога.
Бѣлымъ снѣгомъ принакрылась,
Не осталось слѣду,
Поднялась пыль и вьюга,
Не видать и свѣту.
Да удалому дѣтинѣ
Буря не забота:
Онъ проложитъ путь-дорогу,
Лишь была бъ охота.
Не страшна глухая полночь,
Дальній путь и вьюга,
Если молодца въ свой теремъ
Ждетъ краса-подруга.
Ужъ какъ встрѣтитъ она гостя
Утренней зарею,
Обойметъ его стыдливо
Бѣлою рукою;

Опустивши ясны очи,
Друга приголубитъ...
Вспыхнетъ онъ—и холодъ ночи,
И весь свѣтъ забудетъ.

Внизъ по матушкѣ по Волгѣ.

Внизъ по матушкѣ по Волгѣ,
По широкому раздолью
Разыгралася погода,
Погодушка верховая,
Верховая, волновая;
Ничего въ волнахъ не видно,
Одна лодочка чернѣетъ,
На ней паруса бѣлѣютъ;
На гребцахъ шляпы чернѣютъ,
Кушаки на нихъ алѣютъ.
На кормѣ сидитъ хозяинъ,
Самъ хозяинъ во нарядѣ,
Во коричневомъ кафтанѣ,
Въ черномъ бархатномъ картузѣ.
Какъ возговоритъ хозяинъ:
Мы пригребемте, ребята,
Внизъ по матушкѣ по Волгѣ,
Ко Аленину подворью,
Ко Ивановны здоровью.
Аленушка выходила
Таки рѣчи говорила:
„Не прогнѣвайся, пожалуй,
Въ чемъ ходила, въ томъ и вышла—
Въ одной тоненькой рубашкѣ
И въ домашней тѣлогрѣйкѣ“.

Не одна во полѣ дороженька.

Не одна во полѣ дороженька
Въ полѣ пролегала.
Частымъ ельничкомъ, березничкомъ
Бѣлымъ заростала.
Какъ нельзя-то мнѣ къ сударушкѣ,
Нельзя въ гости ѣхать.
Хоть доѣду я къ сударушкѣ,
Всю ночь протоскую.
Я спрошу свою сударушку,
Спрошу про здоровье:
«Ты здорова ли, сударушка,
Какъ живешь ты, можешь?»

Не бѣлы-то снѣги во чистомъ полѣ.

Не бѣлы-то снѣги во чистомъ полѣ,
Снѣги забѣлились, забѣлились:
Забѣлилися моего дружка
Каменны палаты, то палаты;
У палатушки стоятъ два шатерка,
Шатры шелковые, шелковые.
Что во всѣхъ-то шатрахъ стоятъ два столика,
Столы дубовые, дубовые;
У столовъ стоятъ тамъ два стулика,
Стулья кленовые, кленовые;
Что сидятъ на нихъ два молодчика,—
Парни молодые, молодые.
На столахъ стоятъ двѣ чернильницы,
Края золотые, золотые.
У молодчиковъ по перу въ рукахъ,
Перья лебедины, лебедины.

Добры молодцы пишутъ грамотки
По бѣлой бумагѣ, по бумагѣ.
Противъ нихъ стоитъ красна дѣвица,
Сама горько плачетъ, горько плачетъ.
Добры молодцы красну дѣвицу
Сидятъ унимаютъ, унимаютъ:
«Ты не плачь, не плачь, красна дѣвица,
Не плачь, не печалься, не печалься.
Что не быть, не быть твоему дружку
Не быть во солдатахъ, во солдатахъ,
А что быть-то быть твоему дружку
Во донскихъ казакахъ, во казакахъ».

Доля бѣдняка.

Эхъ ты, доля, эхъ ты, доля.
Доля бѣдняка,
Тяжела ты, безотрадна,
Тяжела, горька!
Не твою ли, бѣднякъ, хату
Вѣтеръ покачнулъ,
Съ крыши ветхую солому
Разметалъ, раздулъ;
И не твой ли подъ горою
Сгнилъ до тла овинъ;
Въ запустѣломъ огородѣ
Повалился тынъ?
Не твоей ли прокатили
Полосой пустой
Мужики дорогу въ городъ
Лѣтнею порой?
Не твоя ль жена въ лохмотьяхъ
Ходитъ босикомъ?
Не твои ли это дѣти

Просятъ подъ окномъ?
И не ты ль сидишь послѣднимъ
Гостемъ за столомъ;
Не тебя ль, бѣднякъ, обносятъ
Чаркою съ виномъ?
Не твои ли это слезы
Грустно сердце жгутъ?
Не твоя ль это могила
Смотритъ сиротой—
Крестъ свалился, вся размыта
Дождевой водой,
По краямъ ея крапива
Жгучая растетъ,
А зимой надъ нею вьюга
Плачетъ и поетъ...
Эхъ ты, доля, эхъ ты, доля,
Доля бѣдняка!

Пѣсня рекрута.

Послѣдній нынѣшній денечекъ
Гуляю съ вами я, друзья.
А завтра рано, чуть свѣточекъ,
Заплачетъ вся моя семья.
Заплачетъ мать и мои сестры,
Заплачетъ братъ и мой отецъ,—
Идти въ солдаты выпалъ жребій
И вольнымъ днямъ пришелъ конецъ.
Еще заплачетъ дорогая,
Съ которой три года гулялъ.
Вести къ вѣнцу ее сбирался,
Любить до гроба обѣщалъ.
Коляска быстро подкатила
Около дому моего,

Въ коляскѣ старшіе кричали:
— Готовьте сына своего.
Крестьянскій сынъ давно готовый,
Семья вся замертво лежитъ.
Помчусь теперь я къ жизни новой,
Царю отечеству служить.

Лѣса ли вы, лѣсочки, лѣса темные!

Лѣса ли вы, лѣсочки, лѣса темные!
Кусты ли вы, кусточки, кусты частые!
Ахъ, станы ли вы, станочки, станы теплые!
Еще всѣ-то вы, кусточки, ужъ повыжжены,
Еще всѣ наши станочки поразорены,
Еще всѣ всѣ наши товарищи переиманы.
Какъ и первой-то товарищъ въ градѣ Кіевѣ,
А второй-то нашъ товарищъ въ каменной Москвѣ,
Какъ и третій-то товарищъ въ славномъ Питерѣ,—
Я остался, добрый молодецъ, въ темныхъ лѣсахъ....

Не шуми, мать, зеленая дубровушка.

Не шуми, мать, зеленая дубровушка,
Не мѣшай мнѣ, добру молодцу, думу думати,—
Какъ заутра мнѣ, добру молодцу, во допросъ итти,
Передъ грознаго судью, самого царя.
Еще станетъ меня царь-государь спрашивати:
„Ты скажи, скажи, дѣтинушка, крестьянскій сынъ,
„Ужъ какъ съ кѣмъ ты воровалъ, съ кѣмъ разбой
держалъ?
„Еще много ли съ тобой было товарищей?
— Я скажу тебѣ, надежа православный царь,
— Всю правду я скажу тебѣ, всю истину:
— Что товарищей у меня было четверо—

— Ужъ какъ первой мой товарищъ—темная ночь,
— А второй мой товарищъ—булатный ножъ,
— А какъ третій товарищъ мой—добрый конь,
— А четвертый мой товарищъ—тугой лукъ,
— Что разсыльщики мои—калены стрѣлы.
Что возговоритъ надежа православный царь:
„Исполать тебѣ, дѣтинушка, крестьянскій сынъ,
„Что умѣлъ ты воровать, умѣлъ отвѣтъ держать!
„Я за то тебя, дѣтинушка, пожалую
„Среди поля хоромами высокими,
„Что двумя ли столбами съ перекладиною".

Какъ ты, батюшка, славный тихій Донъ.

—Какъ ты, батюшка, славный тихій Донъ,
Ты кормилецъ нашъ Донъ Ивановичъ!
Про тебя лежитъ слава добрая,
Слава добрая, рѣчь хорошая.
Какъ бывало ты все быстеръ бѣжишь,
Ты быстеръ бѣжишь, все чистехонекъ;
А теперь ты, кормилецъ, все мутенъ течешь,
Помутился ты, Донъ, съ верху до низу.
Рѣчь возговоритъ славный тихій Донъ:
—Ужъ какъ-то мнѣ все мутну не быть,—
Распустилъ я своихъ ясныхъ соколовъ,
Ясныхъ соколовъ, донскихъ казаковъ;
Размываются безъ нихъ мои круты бережки,
Высыпаются безъ нихъ косы желтымъ пескомъ.

Вдоль да по рѣчкѣ.

Вдоль да по рѣчкѣ,
Рѣчкѣ по Казанкѣ,
Сѣрый селезень плыветъ.

Ай да люли, ай да люли!
Сѣрый селезень плыветъ.

Вдоль да по бережку,
Бережку крутому
Добрый молодецъ идетъ.

Ай да люли, ай да люли!
Добрый молодецъ идетъ!

Самъ со кудрями,
Самъ со русыми,
Разговариваетъ!

Ай да люли, ай да люли!
Разговариваетъ!

Кому жъ мои кудри,
Кому жъ мои русы
Достанутся расчесать?

Ай да люли, ай да люли,
Достанутся расчесать?

Доставались кудри,
Доставались русы
Старой бабѣ расчесать.

Ай да люли, ай да люли,
Старой бабѣ расчесать.

Она не умѣетъ,
Она не горазда
Молодцу кудри чесать.

Ай да люли, ай да люли!
Молодцу кудри чесать.

Доставались кудри,
Доставались русы
Красной дѣвицѣ чесать.

Ай да люли, ай да люли!
Красной дѣвицѣ чесать.

Она и умѣетъ,
Она и гораздо
Молодцу кудри чесать.

Ай да люли, ай да люли!
Молодцу кудри чесать.

Она ихъ причешетъ,
Она ихъ пригладитъ,
Волосъ къ волосу кладетъ.

Ай да люли, ай да люли!
Волосъ къ волосу кладетъ.

---

* *
*

По широкой по рѣкѣ,
По раздольной по Окѣ,
Плыветъ селезень.

Люли, люли, селезень!

Ты стой, постой,
Ты стой, постой,
Хохлатый селезень!

Люли, люли, селезень!

У тебя ли во дому
Повернулось по бревну,
По бревну, по сосновому.

Люли, люли, селезень!

По широкой по рѣкѣ,
По раздольной по Окѣ,
Плыветъ суденышко,

Люли, люли, селезень!

На суденышкѣ дѣтинушка,
На дѣтинушкѣ рубашечка,
Подъ сердечушкомъ зазнобушка.

Люли, люли, селезень!

У тебя ли во дому
Сочинилася бѣда,—
Измѣнила молода,

Люли, люли, селезень!

Какъ у нашихъ у воротъ.

Какъ у нашихъ у воротъ
Стоитъ озеро воды

Ой люли, ой люли,
Стоитъ озеро воды!

Молодецъ коня поилъ,
Къ воротничкамъ приводилъ

Ой люли, ой люли,
Къ воротничкамъ приводилъ!

Къ вереюшкѣ привязалъ,
Красной дѣвкѣ приказалъ:

Ой люли, ой люли,
Красной дѣвкѣ приказалъ!

Красна дѣвица душа!
Сбереги добра коня,

Ой люли, ой люли,
Сбереги добра коня!

Сбереги добра коня,
Коня семитысячнаго!

Ой люли, ой люли,
Коня семитысячнаго!

Не сорвалъ бы повода,
Не сломилъ бы удила,

Ой люли, ой люли.
Не сломилъ бы удила!

Красна дѣвица идетъ,
Словно павушка плыветъ,

Ой люли, ой люли,
Словно павушка плыветъ.

На ней платье голубое,
Лента алая въ косѣ,

Ой люли, ой люли,
Лента алая въ косѣ!

На головушкѣ перо,
Хоть пятьсотъ рублей дано,

Ой люли, ой люли,
Хоть пятьсотъ рублей дано!

Хоть пятьсотъ рублей дано,
Стоитъ тысячи оно!

Ой люли, ой люли,
Стоитъ тысячи оно!

И я золото хороню, хороню.

И я золото хороню, хороню,
Чисто серебро хороню, хороню;
Я у батюшки въ терему, въ терему,
Я у матушки въ высокомъ, въ высокомъ.
Палъ, палъ перстень
Въ калину, въ малину,
Въ черную смородину.
Гадай. гадай, дѣвица, отгадывай красная!
Въ коей рукѣ былица?
И я рада бы гадала,
И я рада бы отгадывала,
Кабы знала, кабы вѣдала,
Черезъ поле идучи,
Русу косу плетучи,
Шелкомъ первиваючи,
Златомъ приплетаючи.
Ахъ, вы кумушки, вы голубушки!
Вы скажите, не утайте,
Мое золото отдайте;
Меня мати хочетъ бити,
По три утра, по четыре,
По три прута золотые,
Четвертымъ жемчужнымъ.
Еще дѣвицы гадали,
Еще красныя гадали,
Да не отгадали.
Палъ, палъ перстень
Въ калину, въ малину,
Въ черную смородину.
Очутился перстень
Да у боярина, да у молодого,
На правой на ручкѣ,
На маломъ мизинцѣ.
Еще дѣвицы гадали,

Да не отгадали,
Еще красныя гадали,
Да не отгадали,
Наше золото пропало,
Чистымъ порохомъ запало.
Призаиндивѣло, призаплесневѣло,
Молодайка, отгадай-ка!

* *
*

А мы просо, сѣяли,
Ой Дидъ-ладо [1]), сѣяли, сѣяли!
А мы просо вытопчемъ, вытопчемъ,
Ой Дидъ-ладо, вытопчемъ, вытопчемъ!
А чѣмъ же вамъ вытоптать, вытоптать?
Ой Дидъ-ладо, вытоптать, вытоптать?
А мы коней выпустимъ, выпустимъ,
Ой Дидъ-ладо, выпустимъ, выпустимъ!
А мы коней переймемъ, переймемъ,
Ой Дидъ-ладо, переймемъ, переймемъ!
А чѣмъ же вамъ перенять, перенять?
Ой Дидъ-ладо, перенять, перенять?
Шелковымъ поводомъ, поводомъ.
Ой Дидъ-ладо, поводомъ, поводомъ.
А мы коней выкупимъ, выкупимъ!
Ой Дидъ-ладо, выкупимъ, выкупимъ!
А чѣмъ же вамъ выкупить, выкупить?
Ой Дидъ-ладо, выкупить, выкупить?
А мы дадимъ сто рублей, сто рублей,
Ой Дидъ-ладо, сто рублей, сто рублей!
Не надо намъ тысячи, тысячи,
Ой Дидъ-ладо, тысячи, тысячи!
А что же вамъ надобно, надобно?
О Дидъ-ладо, надобно, надобно?
Намъ то надобно дѣвицу, дѣвицу,

---

[1]) Ладо—Богъ весны.

Ой Дидъ-ладо, дѣвицу, дѣвицу!
А нашего полку убыло, убыло,
Ой Дидъ-ладо, убыло, убыло!
А нашего полку прибыло, прибыло,
Ой Дидъ-ладо, прибыло, прибыло!

Я вечоръ въ лугахъ гуляла.

Я вечоръ въ лугахъ гуляла,
Грусть хотѣла разогнать.
И цвѣточковъ тамъ искала,
Чтобы къ милому послать.

Долго, долго я ходила,
Погасалъ ужъ солнца свѣтъ:
Всѣ цвѣточки находила,
Одного лишь нѣтъ, какъ нѣтъ!

Нѣтъ, цвѣточка дорогого
Я въ долинахъ не нашла,
Безъ цвѣточка голубого
Я домой было пошла.

Шла домой съ душой унылой—
Недалеко отъ ручья
Вижу, вдругъ, цвѣточекъ милый,—
Вмигъ его сорвала я.

Незабудочку сорвала,
Слезы покатились вдругъ—
Я вздохнула и сказала:
Не забудь меня, мой другъ!

Не дари меня ты златомъ,
Подари лишь мнѣ себя;
Что въ подаркѣ мнѣ богатомъ?
Ты скажи: люблю тебя!

Спится мнѣ, младешенькой, дремлется.

Спится мнѣ, младешенькой, дремлется,
Клонитъ мою головушку на подушечку;
Свекорь-батюшка по сѣничкамъ похаживаетъ
Сердитый по новымъ погуливаетъ.

Хоръ.

Стучитъ, гремитъ, стучитъ, гремитъ,
Снохѣ спать не даетъ:
— Встань, встань, встань, ты сонливая!
Встань, встань, встань, ты дремливая!
Сонливая, дремливая, неурядливая!—

Спится мнѣ, младешенькой, дремлется,
Клонитъ мою головушку на подушечку.
Свекровь-матушка по сѣничкамъ похаживаетъ,
Сердитая по новымъ погуливаетъ.

Хоръ.

Стучитъ, гремитъ, стучитъ, гремитъ,
Снохѣ спать не даетъ:
— Встань, встань, встань, ты сонливая!
Встань, встань, встань, ты дремливая!
Сонливая, дремливая, неурядливая!

Спится мнѣ, младешенькой, дремлется,
Клонитъ мою головушку на подушечку.
Милъ-любезный по сѣничкамъ похаживаетъ.
Легохонько, тихохонько поговариваетъ.

Хоръ.

— Спи, спи, спи; ты моя умница!
Спи, спи, спи, ты разумница!
Загонена, забронена, рано выдадена.

Ахъ, со вечера пороша.

Ахъ со вечера порошица выпадала,
Какъ со утрушка
Охотнички выѣзжали
Охотнички выѣзжали,
Тенета разставляли.
Тенета шелковыя,
Узорчаты.
Ужъ какъ поймали охотники
Сѣра волченка;
Ужъ сговоритъ имъ
Сѣръ волченокъ:
„Отпустите меня охотнички,
Охотнички удалые,
Какъ на вольную, да на волюшку,
На четыре, да на всѣ стороны,
Вѣдь, не буду я, сѣръ волченочекъ,
Ни телятокъ драть,
Ни овечушекъ,
Буду жить себѣ,
Я смирнехонько".

Ивушка.

Ивушка, ивушка зеленая моя!
Что-же ты, ивушка, невесело стоишь?
Или тебѣ, ивушку, солнышкомъ печетъ,
Солнышкомъ печетъ, частымъ дождичкомъ сѣчетъ,
Подъ корешокъ ключева вода течетъ.
Ѣхали бояре изъ Новагорода,
Срубили ивушку подъ самый корешокъ,

Сдѣлали изъ ивушки два весла,
Ужъ какъ два-ль весла, третью лодочку,
Сѣли въ лодочку, поѣхали домой.
Взяли, захватили красну дѣвицу съ собой.
Стали они дѣвушку выспрашивати:
„Дѣвица, дѣвица, красавица моя,
Что же ты, дѣвица, невесело сидишь?“
—Какъ же мнѣ, дѣвицѣ, веселою то быть,
Ахъ, какъ-же мнѣ, красной, не задумываться?
Что это у батюшки-то выдумано,
У родимой-то матушки выдумано:
Меньшую сестру прежде замужъ выдаютъ,
Меньшая сестра-то, чѣмъ-же лучше меня?
Меньшая сестра-то, вѣдь, ни ткать ни прясть,
Ни ткать-то, ни прясть, только по воду ходить,
По воду ходить, съ горы ведрушки катить;
Качу, покачу-ли я ведрушки съ горы,
—Станьте вы ведрушки полнымъ полны,
Что полнымъ-то полны со краями ровны.

Лучинушка.

Лучина, лучинушка березовая,
Что-же ты лучинушка, неясно горишь?
Неясно горишь, не вспыхиваешь?
Или ты, лучинушка не высушена?
Или свекровь лютая водой подлила?
„Подружки, голубушки, ложитеся спать,
Ложитесь, подруженьки, вамъ некого ждать,
А мнѣ, младешенькѣ, всю ночку не спать,
Всю ночку не спать, мила друга мнѣ ждать.
Первый сонъ заснула я: мила друга нѣтъ,
Другой сонъ заснула я: желаннаго нѣтъ,
Третій сонъ заснула я: заря, бѣлый свѣтъ,
По бѣлой, по зорюшкѣ мой милый идетъ“.

Ахъ, ты ночка, ноченька.

Ахъ ты ноченька,
Ночка темная,
Ночка темная,
Ночь осенняя!
Ни одной нѣтъ
Въ небѣ звѣздочки.
Съ кѣмъ мнѣ ноченьку
Ночевать будетъ,
Съ кѣмъ осеннюю
Коротать будетъ.
Нѣтъ ни батюшки,
Нѣтъ ни матушки,
Лишь одинъ то есть
Мой сердечный другъ,
Да и тотъ со мной
Не въ любви живетъ.

Малорусскія пѣсни.

Сагайдачный.

На горѣ ли да жнецы жнутъ,
А подъ той горою,
Да подъ зеленою,
Козаки идутъ

Впереди всѣхъ—вождь похода,
Дорошенко славный,
Козаковъ державный—
Воевода.

Въ серединѣ—панъ куренный;
Конь подъ нимъ ретивый,
Съ чернобурой гривой,
Здоровенный.

А въ хвостѣ—панъ Сагайдачный,
Что отдалъ за трубку
Ясную голубку,—
Всеудачный!

„Охъ, вернися, козачина!
Вороти мнѣ трубку
И возьми голубку,
Молодчина“!—

„Мнѣ съ женою не возиться,
Не по мнѣ голубка;
А въ дорогѣ трубка
Пригодится.“

„Гей, кто въ лѣсѣ?—отзовися!
Было бы огниво—
Трубка вспыхнетъ живо...
Веселися“!

Морозенко.

Ой Морозецъ, Морозенко, бравый козачина!
По тебѣ, по Морозенкѣ плачетъ Украина.
Ой, не такъ Украина, какъ козаки хваты...
А Морозиха все плачетъ, сидя возлѣ хаты.
Полно, старая, о сынѣ слезы лить рѣками!
Лучше выпей-ко ты меду съ нами козаками.
„Что-то мнѣ, мои родные, медъ, вино не пьется:
Гдѣ-то онъ, мой Морозенко, съ лютымъ туркомъ бьется?“
Изъ-за горъ изъ-за высокихъ войско выступаетъ;
Впереди всѣхъ Морозенко; конь подъ нимъ играетъ.
Ѣдетъ онъ, коню на гриву голову склоняя:
„Голова-ль моя больная!.. сторона чужая“!..
Тѣло бѣлое покрыто красною насѣчкой:
Гдѣ проѣдетъ Морозенко—кровь струится рѣчкой.

Окопалися козаки въ полѣ у Лимана...
Взяли, взяли Морозенка въ воскресенье рано.
Посадили Морозенка на пескѣ, на солнцѣ:
Сняли, сняли съ Морозенка поясъ и червонцы.
Посадили Морозенка на пивную бочку:
Сняли, сняли съ Морозенка красную сорочку.

Побѣгъ трехъ братьевъ изъ Азова.

Надъ городомъ тѣмъ, надъ Азовомъ, не сини туманы вставали,—
Три брата родные изъ тяжкой неволи бѣжали.
Два ѣдутъ на коняхъ, а третій пѣшкомъ подбѣгаетъ,
О сѣрые корни, о бѣлые камни
Козацкіе ноги свои посѣкаетъ
И кровью слѣды поливаетъ,
Двухъ братьевъ своихъ догоняетъ,
Ихъ такъ умоляетъ:
„Ой, братцы, постойте! коней попасите,
Меня подождите,
Съ собою возьмите,
Къ землямъ христіанскимъ меня подвезите!“.
Заслышалъ середній; онъ старшаго брата пытаетъ,
А тотъ ему такъ отвѣчаетъ:
„Аль злая неволя еще не дала себя знати?
Какъ будемъ мы брата въ степи поджидати,
Насъ будутъ враги догоняти,
Насъ будутъ рубити, стрѣляти;
Иль въ тяжкой неволѣ мы будемъ опять пропадати“.
— „Когда меня, братцы, вы ждать не хотите“,
Сталъ меньшій опять говорити,
То, братцы, прошу васъ, съ дороги сверните,
Булатныя сабли свои обнажите,
Козацкое тѣло мое изрубите,
Въ голодной степи закопайте—

И звѣрю и птицѣ въ добычу не дайте!“
Середній словамъ тѣмъ внимаетъ
И меньшему такъ отвѣчаетъ:
„Мы отроду, братецъ, того не слыхали,
Чтобъ острыя сабли да кровью родной обмывали.
Прощаясь, булатнымъ копьемъ ублажали“.
— „Когда меня, братцы, рубить не хотите,
Терновыя вѣтки срубайте,
Ихъ въ полы сбирайте,
Примѣтой мнѣ въ поле кидайте“.
Вотъ два козака къ буеракамъ степнымъ подъѣзжаютъ;
Середній за саблю—душа милосердіе знаетъ—
Съ терновника верхнія вѣтки срубаетъ,
Ихъ меньшому брату примѣтой кидаетъ.
Какъ стали на шляхъ на Муравскій они выѣзжати—
Середнему нечѣмъ примѣту кидати:
Сталъ изъ-подъ жупана китайку червоную рвати,
По шляху кидаетъ,
Примѣтой меньшому въ степи оставляетъ.
Какъ сталъ пѣшеходъ изъ терновыхъ кустовъ выходити,
Китайку червоную сталъ находити:
Руками хватаетъ,
Слезами ее обливаетъ.
„Не даромъ китайка валяется прахомъ по шляху:
Ужъ, можетъ, отъ братьевъ моихъ не осталось и праху!
Ой, можетъ, за ними погоня бѣжала,
На роздыхѣ въ тернахъ меня миновала,
А братьевъ догнала,
Рубила, стрѣляла.
Когда бы мнѣ Богъ
Милосердный помогъ
Козацкое тѣло въ степи отыскати,
Въ холодной землѣ закопати“!
Одно-то безводье, другое—безхлѣбье,

А третье-то вѣтеръ въ степи повѣваетъ,
Усталого съ ногъ козачину сшибаетъ.
„Ой, полно мнѣ пѣшему конныхъ братьевъ догоняти?
Ой, время и отдыхъ ногамъ моимъ дати"!
Такъ, Саворъ-могилу завидѣвъ, козакъ говорилъ;
Подъ Саворъ-могилой казакъ опочилъ.
Въ то время орлы прилетали съ полночи
И жадно глядѣли въ козацкіе очи.
Козаченко видитъ—роняетъ слова золотыя:
„Орлы сизо-перые, гости мои дорогіе!
Прошу васъ тогда прилетати,
Изъ черепа очи мои вырывати,
Какъ Божьяго свѣта не буду видати".
И только онъ это сказалъ—
Творцу милосердному душу отдалъ.
Тогда-то орлы налетали,
Изъ черепа очи рвали—вырывали;
И мелкая птица тогда жъ налетала,
Кровавое мясо вокругъ желтыхъ костей обирала;
И сѣрые волки тогда жъ прибѣгали,
Козацкое тѣло терзали,
Въ терновыхъ оврагахъ кровавыя кости глодали;
Ой, жалобно выли надъ нимъ, завывали,
Обрядъ похоронный справляли.
Кукушка изъ темныхъ лѣсовъ прилетала,
Садилась на дерево, слезы лила, куковала,
Что брата сестрица, что первенца мать провожала.
Какъ стали они къ христіанскимъ землямъ приближаться,
То стало на сердцѣ козацкомъ великое горе скопляться.
И молвитъ середній печальное слово:
„Не даромъ на сердцѣ у насъ столько горя скопилося злого:
Ой, можетъ ужъ нашего брата нѣтъ больше на свѣтѣ живого!

Ой, какъ-то мы, братъ, къ отцу—матери въ домъ да
прибудемъ?
Какъ станутъ насъ спрашивать, что отвѣчать мы
имъ будемъ?
Братъ старшій словамъ тѣмъ внимаетъ
И брату середнему такъ отвѣчаетъ:
„Да скажемъ, что горе не вмѣстѣ свое коротали,
Ночною порой изъ неволи бѣжали,
Будили его—не могли добудиться,
Одни должны были домой воротиться“.
Середній словамъ тѣмъ внимаетъ
И старшему такъ отвѣчаетъ:
„Когда они правды отъ насъ не узнаютъ,
То насъ ихъ молитвы святыя за то покараютъ“.
Вотъ старшіе братья къ самарскимъ полямъ подъѣз-
жаютъ,
У рѣчки Самары ложатся—въ тѣни отдыхаютъ,
Коней на траву выпускаютъ.
Тогда басурмане безбожные ихъ окружили,
Тѣхъ братьевъ двоихъ изрубили,
Козацкое тѣло въ куски искрошили,
По чистому полю его раскидали,
Со смѣхомъ, на сабляхъ ихъ головы къ небу вздымали.

Вѣютъ вѣтры.

Вѣютъ вѣтры, вѣютъ буйны—
И деревья гнутся.
Охъ, болитъ мое сердечко,
Слезы такъ и льются.
Въ лютомъ горѣ, безъ милого,
Я веселье трачу;
Только станетъ легче сердцу,
Какъ пойду поплачу.

Не помогутъ слезы счастью,
Легче мнѣ не будетъ...
Кто счастливъ былъ хоть часочекъ,
По-вѣкъ не забудетъ.
Есть же люди и сиротской
Завидуютъ долѣ;
Но счастлива ль та былинка,
Что хирѣетъ въ полѣ,
Въ чистомъ полѣ на припекѣ,
Безъ росы, безъ крова?
Тяжко, тяжко на чужбинѣ
Безъ дружка милова!
Безъ милова, дорогова,
Сталъ мнѣ свѣтъ тюрьмою;
Безъ милова нѣтъ мнѣ счастья,
Нѣтъ мнѣ и покою.
Погляди поди, мой милый,
Какъ я здѣсь горюю,
Какъ слезами поливаю
Мою долю злую!
Кто жъ меня здѣсь приласкаетъ,
Кто здѣсь приголубитъ,
Если нѣтъ того со мною,
Кого сердце любитъ?
Полетѣла бъ я къ милому,
Да куда—не знаю.
Безъ него я сохну, вяну,
Всякъ часъ умираю.

Скажи мнѣ всю правду, мой добрый, мой милый.

Скажи мнѣ всю правду, мой добрый, мой милый,
Что съ сердцемъ мнѣ дѣлать, когда заболитъ,
Застонетъ, забьется съ удвоенной силой
И станетъ безъ устали плакать и ныть?

Когда неисходное горе по волѣ,
Какъ тернъ, тебѣ сердце въ куски изорветъ,
И ты, какъ сухое перекати—поле,
Не знаешь куда тебя вѣтеръ несетъ?
Увы! ты отвѣтишь: скосивши былинку—
Хотя бъ ее сто разъ ты полилъ водой—
Не цвѣсть ей ужъ болѣ: люби сиротинку,
А ей не видать ни отца, ни родной.
Вотъ такъ и на свѣтѣ: кто рано почуетъ,
Какъ сердце рыдаетъ, какъ сердце болитъ,
Тотъ рано заплачетъ... А доля плутуетъ—
Поманитъ, поманитъ и прочь улетитъ.
Ужели утерпишь—какъ ясное солнце
Взойдетъ и заблещетъ для міра всего
И въ очи заглянетъ къ тебѣ сквозь оконце?
Ослѣпнешь, а будешь глядѣть на него.

Доля моя, доля.

Доля моя, доля, ты вольная доля!
Иль ты, моя доля, утонула въ морѣ,
Или ты огнемъ сгорѣла?
Коли утонула, приплыви хоть къ краю,
Коли-жъ ты огнемъ сгорѣла,
Какъ помочь, не знаю!
Пріѣхали сваты, стали меня сватать,
И хотятъ меня, меня, молодешеньку,
За немилова выдать!
Мать меня сряжала, такъ мнѣ наказала,
Чтобы семь лѣтъ у меня ты, дочка,
Домой не бывала.
Я-жъ не утерпѣла, лѣтомъ прилетѣла,
Перекинулась сизою кукушечкой,
Въ калиновой рощѣ сѣла.

Стала куковати, жалко ворковати,
Какъ и стали частые кусточки
Къ землѣ прилегати.
Мати услыхала, дочку угадала,
Она вышла, стала на пороженькѣ,
Заплакала, зарыдала.
Коль ты моя дочка, оставайся въ хатѣ,
А коли ты сизая кукушечка,
Улетай ты въ лѣсъ куковати!

Яворъ.

Стоитъ яворъ надъ водою,
Въ воду опустился;
Удалой казакъ слезами
Горючими облился.
Яворъ, яворъ, ты не падай,
Не клонись, не гнися!
Молодой казакъ удалый,
Сердцемъ не крушися!
Радъ бы яворъ не клониться—
Вода корни моетъ!
Радъ-бы, радъ казакъ не плакать!
Да сердечко ноетъ!
Онъ въ Московинену поѣхалъ,
Загремѣлъ подковой;
Воронъ—конь, арчакъ—дубовый,
Поводокъ шелковый.
Онъ въ Московинену поѣхалъ,
Да тамъ онъ сгинулъ,
Дорогую ли Украйну
На вѣки покинулъ!
Приказалъ—и опустили
Черный гробъ въ могилу,

Приказалъ—и посадили
Въ головахъ калину.
Пусть клюютъ калину пташки
Надъ моей могилой;
Пусть поютъ мнѣ и щебечутъ
Объ Украйнѣ милой.

Три сестры.

Въ полѣ широкомъ желѣзомъ копытъ
Взрыто зеленое жито;
Тамъ, подъ плакучей березой, лежитъ
Молодецъ, тайно убитый.
Молодецъ тайно убитый лежитъ,
Тайно въ траву схороненный:
Весь онъ, бѣдняжка, китайкой покрытъ,
Тонкой китайкой червонной.
Вотъ подъ березу дѣвица пришла—
Розой она расцвѣтала—
Съ молодца тихо китайку сняла,
Жарко его цѣловала.
Вотъ и другая дѣвица пришла—
Глазки сіяли звѣздами—
Съ молодца тихо китайку сняла,
Вся залилася слезами.
Третья пришла—и горѣлъ ея взоръ...
Молвила: «спитъ—не разбудещь...
Спи, мой молодчикъ: теперь трехъ сестеръ
Больше любить ты не будешь!»

Былъ у матери сынъ соколъ.

Сокола-сына мать возрастила,
Только выростила, въ полкъ отпустила;
Три его, три провожали сестрицы;
Старшая брату коня осѣдлала,
Средняя стремя ему придержала;
Младшая поводъ ему подавала,
Мать же у сына только спросила:
„Скоро ли, сынъ мой, домой ты вернешся?“
— „Скоро я буду, скоро пріѣду:
Павины перья въ рѣчкѣ потонутъ,
Мельничный жерновъ всплыветъ надъ водою!“
Вотъ ужъ и перья въ водѣ потонули,
Вотъ ужъ и жерновъ всплылъ надъ водою:
Жерновъ всплываетъ, сынъ не бываетъ,
Перышко тонетъ, мать его стонетъ:
На гору вышла, полки повстрѣчала,
Видитъ—ведутъ и коня воронова..
Стала распрашивать старшихъ по войску:
„Ахъ, не видали, львы, сокола-сына?“
— „Это не твой ли ясный былъ соколъ,
Ясный былъ соколъ, взвился высоко.
Восемь побилъ онъ полковъ басурманскихъ,
Восемь побилъ и пошелъ на девятый,
Тутъ ему ворогъ головушку срѣзалъ.
Слуги въ могилу его провожали,
Возы скрипѣли, коники ржали;
Жалко кукушка надъ нимъ куковала,
Долго дружина по немъ тосковала“.

Бездолье.

Пташка въ полѣ, рыбка въ тинѣ
Рѣзвятся на волѣ.
Одному мнѣ, сиротинѣ,
На бѣломъ нѣтъ доли.
Осѣдлаю я, дѣтина,
Съ ночи вороного:
„Отпускай, старуха, сына,
Снаряжай родного!“
Сына мать благословляла
Въ дальній путь-дорогу,
Цѣловала, миловала,
Поручала Богу.
Мчится подъ небомъ туманнымъ
Соколъ. „Соколина!
Ты летѣлъ надъ полемъ браннымъ:
Не видалъ-ли сына?“
— „Видѣлъ: спитъ онъ съ полуночи;
Въ головахъ ракита;
Удалому вырвалъ очи
Воронъ-ненасыта“.
Какъ всплеснетъ она руками:
„Охъ, вы, дѣти, дѣти!
Пропадать теперь мнѣ съ вами
Сиротой на свѣтѣ!“

Червонорусскія пѣсни.

Вдова.

Какъ въ дворѣ у пана строили свѣтлицу,
Гнали на работу горькую вдовицу,
Ой, всего недѣлю мужа схоронила,
А черезъ недѣлю дитятко родила;
Недали съ родовъ ей опочить нимало:
Черезъ три дня камни тяжкіе таскала;
Держитъ, плача, сына рученькой одною,
Каменщикамъ камни подаетъ другою:
«Стройте, городите бѣлую свѣтлицу,
Только пожалѣйте горькую вдовицу,
Вы свѣтлицу стройте, сироту не троньте!»
Плачетъ, а утѣхи все-то нѣтъ сердечку...
Видитъ подъ горою, видитъ быстру рѣчку;
Побѣжала къ рѣчкѣ, опустила сына:
„Плавай ты по рѣчкѣ, дитятко-дитино!
Не видалъ ты батьку, не увидишь матку,
Батьку рано скрыла черная могила;
А родная къ рѣчкѣ сына утопила!
Жилъ-бы ты на свѣтѣ, жилъ-бы хлопецъ бравой,
А теперь по рѣчкѣ день и ночь ты плавай
Передъ панскимъ домомъ, подъ его стѣнами,
Плавай, обливайся горькими слезами!“

Примиреніе.

Ахъ, вы, нянюшки и мамушки!
Вы, красавицы-подруженьки!
Вы скажите мнѣ, повѣдайте:
Что прочнѣе, долговѣчнѣе—

На цвѣтахъ роса разсвѣтная,
Въ небѣ радуга цвѣтистая,
Али въ сердцѣ гнѣвъ на милого?
Съ милымъ другомъ я размолвилась,
Я на милаго прогнѣвалась,
И ни я къ нему, ни онъ ко мнѣ
Ни словечка не промолвили.
Въ снѣгъ зарыла я любовь свою,
Да и гнѣвъ свой затоптала въ снѣгъ
И отъ друга отреклась на вѣкъ.
Улыбнулось солнце вешнее,
Снѣгъ растаялъ, гнѣвъ утекъ ручьемъ,
И любовь въ цвѣтахъ лозоревыхъ
На лугахъ зеленыхъ выросла.
Вотъ пришелъ великій, свѣтлый день;
Встала я ранымъ-ранешенько,
Вышла радостно на улицу;
Мнѣ на встрѣчу милый другъ идетъ.
Я промолвила: „Христосъ воскресъ!“
Очи ясныя потупивши.
Онъ отвѣтилъ мнѣ: „воистину!“
И въ уста поцѣловалъ меня.
Ахъ, вы, нянюшки и мамушки!
Вы, красавицы-подруженки!
Пусть померкнетъ солнце красное,
Съ милымъ ввѣкъ я не разссорюся!

Нана.

— Что это не слышно Наны голосочка?
Затяни намъ пѣсню, маленькая дочка!

„Во саду—садочкѣ
Выросла малинка:
Солнце ее грѣетъ,

Дождичекъ лелѣетъ.
Въ свѣтломъ теремочкѣ
Выросла Нанинка:
Тятя ее любитъ,
Матушка голубитъ".

— У малютки Наны пѣсенки—малютки:
Малы, да пригожи, словно незабудки.

Добрые паны.

Хорошо когда-то жили,
Жили поживали,
Наши дѣды на Украинѣ:
Панщины не знали.
Ой, паны въ ту пору были
Легки на работу:
Изъ недѣли работали
Мы одну субботу.
Какъ паны да лихи стали,
Лихи на работу:
Стали панщину мы править
Шесть дней и въ субботу.
А въ святое воскресенье
Караулъ держали.
„Эй, шинкарка, жбанъ горѣлки!
Холодно—устали!"
И, за столъ усѣвшись, парни
Ту горѣлку пили...
А въ ту пору въ церкви Божьей
Къ утрени звонили.
Въ воскресенье, въ самый полдень,
Въ церкви Божьей звонятъ,

А Савулу батогами
    На работу гонютъ.
„Соберемся—да и къ пану!
    Трудно, братцы, стало!
Какъ бы это воскресенье
    Насъ не покарало!“
Вотъ стоимъ мы передъ паномъ—
    Говоримъ причину...
„Эй, козаки! взять Савулу,
    Да сто палокъ въ спину“!

Бѣлорусскія пѣсни.

Вѣтры осенніе бѣлу березу раскачиваютъ.

Вѣтры осенніе бѣлу березу раскачиваютъ,
Молодецъ добрый по сѣнямъ тесовымъ похаживаетъ,
Матерь родную такъ упрашиваетъ:
„Матушка, встань завтра рано-ранешенько,
Вытопи хату тепло ты теплешенько;
Столъ застели полотенцами бѣлыми,
Меду налей ты въ стаканы хрустальные:
Придутъ къ намъ гости не званные,
Придутъ къ намъ гости не жданные,
Придутъ насъ, матушка, въ рекруты брать,
Будутъ намъ, матушка, руки вязать.

Не сѣки ты, батюшка.

Не сѣки ты, батюшка,
При дорогѣ березки;
Не коси ты, братинька,
Травоньки шелковой;
Не щипли ты, сестринька,
Цвѣтиковъ въ садочкѣ:
Не бери ты, матушка,
Изъ ключа водицы.
При дорогѣ березка—
Я сама, младенька;
Травонька шелкова—
Мои русы косы;
Въ садочкѣ цвѣточки—
Мои ясны очки;
Во ключѣ водица—
Мои горьки слезки.

Въ чистомъ полѣ снѣгъ валится.

Въ чистомъ полѣ снѣгъ валится,
По сырой землѣ ложится.
Сына мать благословляетъ
Въ путь-дорогу снаряжаетъ.
Ахъ, ты мать моя родная,
Мать моя ты дорогая!
Я твое все горе знаю:
Въ край далекій уѣзжаю,
Мать-старуху покидаю,
И съ коня-то не слѣзаю,
Изъ стременъ не вынимаю
Ногъ усталыхъ—уѣзжаю
Прямо къ тихому Дунаю.
— Ой, Дунай, рѣка большая!
Что ты мутная такая?
Аль волна тебя разбила,
Аль лебедка помутила?
— Нѣтъ, меня гранаты, пули
Помутили и раздули,
Чрезъ Дунай перелетая,
Въ молодцовъ да попадая,
Съ плечъ головушки срывая,
Тѣло бѣлое валяя.
— Охъ, вы, кони вороные,
Мои кони дорогіе!
Что не пьете изъ Дунаю—
Я того не разгадаю.
Ой, не пьютъ они—вздыхаютъ,
Глазъ съ зарѣчья не спускаютъ:
Какъ тамъ молодцы гуляютъ,
Какъ другъ друга убиваютъ;
Какъ текутъ тамъ, протекаютъ

Рѣчки алыми струями,
А ручьи текутъ слезами,
Какъ мосты тамъ настилаютъ
Человѣчьими тѣлами.

Бузина съ малиною.

Бузина съ малиною
Разомъ зацвѣтала;
Мать въ ту пору раннюю
Сына родила,
Не спросившись разума,
Въ службу отдала,
Въ войско, во солдатушки,
Въ сторону чужую.
Сѣла, сѣла матушка
На гору крутую,
И оттуда крикнула
Громкимъ голосомъ:
„Дитятко, что маешься?
Плачешь ты о чемъ?
Ходишь такъ не весело,
Ходишь да крушишься?"
— „Матушка родимая,
Какъ развеселишься!
Чужая сторонушка
Слушитъ, сокрушаетъ,
Наши командирушки
Безъ вины ругаютъ".

Петрусь.

Ой, худыя вѣсти
Люди приносили!
Бѣднаго Петруся
До смерти забили.
А за что жъ забили,
За вину какую?
Отъ своей-то женки
Полюбилъ чужую!
Какъ же могъ подумать
О такой ты пани?
Пани—вся въ атласахъ,
Ты жъ—въ худомъ кафтанѣ!
Пани трехъ служанокъ
За Петрусемъ слала;
Не дождалась пани;
Въ полѣ поскакала:
„Ой, бросай, Петрусикъ,
Соху середь поля!
Пана нѣту дома—
Полная намъ воля!“
Вѣрные холопы
Пана повѣстили;
Панскіе хоромы
Крѣпко оцѣпили.
Выглянула пани,
Видитъ—хлоповъ куча;
Панскій конь весь въ мылѣ,
Панъ—чернѣе тучи...
„Серденько-Петрусикъ,
Утекай скорѣе!
Панъ пріѣхалъ: тучи
Громовой чернѣе!“
Чуть Петрусь до двери—

Засвистали плети:
Бьютъ и бьютъ Петруся
Часъ, другой и третій.
Парень ужъ не дышитъ;
Хлопцы бить устали;
За бока Петруся
Взяли, подымали,
Понесли къ Дунаю...
Быстръ Дунай раскрылся...
„Вотъ тебѣ, голубчикъ,
Что пригожъ родился!“
Вельможная пани
Въ сѣни выходила
Пани рыболовамъ
По рублю дарила:
„Будетъ вамъ и больше!
Рыбачки, идите,
Моего Петруся
Тѣло изловите!“
Рыбаки искали
Въ омутѣ и тинѣ—
И нашли Петруся
Въ Жалинской долинѣ.
Некого имъ, къ пани
Вѣстникомъ отправить,
Чтобы пріѣзжала
Похороны справить.
Вельможная пани
Бродитъ какъ шальная;
О своемъ Петрусѣ
Плачетъ мать родная;
Плачетъ мать родная
Горькими слезами,
Вельможная сыплетъ
Бѣлыми рублями:
„Ой, не плачь ты, мати,

Пусть одна я плачу!
Жизнь и панство съ сыномъ
Я твоимъ утрачу!“
И ходила пани
Борами, лѣсами;
Щеки обливала
Жаркими слезами;
Всѣ объ остры камни
Ноженьки избила;
Бархатное платье
По росѣ смочила.
Ходитъ панъ по рынку,
Тяжело вздыхаетъ;
На себя самъ горько
Плачется, пеняетъ:
„Вѣдай-ко я прежде
Про такую долю,
Не мѣшалъ Петрусю бъ
Тѣшиться я вволю!“

Польскія пѣсни.

Ожиданіе.

Мѣсяца не видно
Середь темной ночи:
Жду я, жду милого
Проглядѣла очи.
Жду я, не дождуся:
Не приходитъ Яся,
Хоть и обѣщалъ онъ.
Обѣщалъ вчерася.
Во полѣ садочекъ,
Во полѣ прохладный;
Кто жъ его украситъ?
—Яся ненаглядный.
Посажу цвѣточекъ
Рано до разсвѣту...
Ахъ, да не до цвѣту,
Коли друга нѣту!
Пріунылъ безъ друга
Зеленъ лѣсъ-лѣсочекъ:
Соловей не свищетъ,
Опустя носочекъ...

Смерть милаго.

Распѣваютъ пташки, громко распѣваютъ,
Моего Ванюшу кличутъ, выкликаютъ—
Кличутъ, выкликаютъ, стонутъ за дубровой;
Конь гремитъ подковой, на войну готовый.
„Не горюй, подруга: все въ Господней волѣ;
Можетъ годъ, не болѣ, буду въ ратномъ полѣ“.
Молвилъ и помчался. Годъ и два проходитъ,

А съ войны Ванюша къ милой не приходитъ.
Ждетъ его подруга, ждетъ и дни, и ночи,
Плачетъ и крушится—выплакала очи;
Вышла на дорогу; ѣдутъ тамъ уланы—
Ѣдутъ тамъ уланы, кони ихъ буланы.
Подъ попоной черной конь одинъ позади.
—Гдѣ же мой Ванюша? гдѣ коню хозяинъ?
„Охъ, убитъ твой Ваня, въ правый бокъ подъ душу,
Въ правый бокъ подъ душу ранили Ванюшу!"
Ранили Ванюшу въ правый бокъ подъ сердце:
Плакаться я стану по чужимъ по сѣнцамъ.
„Ой, не плачь, красотка! не жалѣй Ивана:
Изъ полку любого выбери улана!"
—Выбрать мнѣ не долго изъ полку любого,
Да не будетъ Вани у меня другого!
Хоть бы глядѣла, всѣхъ переглядѣла,
А такого друга все бы я не встрѣла!

Болгарскія пѣсни.

Исповѣдь Марко-Кралевича.

Занемогъ—и не на шутку—Марко;
Пролежалъ онъ на одрѣ три года
И ничто ему не помогало.
И ему старушка мать сказала:
„Милый сынъ, мой ненаглядный Марко!
Не Господь послалъ тебѣ страданье—
Боленъ, ты, мой сынъ, отъ прегрѣшеній.
Позову поповъ я, милый Марко:
Имъ въ грѣхахъ покайся, сынъ мой милый,
Не тая передъ ними прегрѣшеній".
Позвала она поповъ къ больному,
И пришло ихъ девятеро къ Марку,
И входя они ему сказали:
„Во грѣхахъ своихъ покайся, Марко!"
И сказалъ имъ Марко-Королевичъ:
„Ахъ, отцы духовные, не мало
На душѣ моей грѣховъ тяжелыхъ!
Погубилъ я много душъ невинныхъ;
Но еще есть грѣхъ, и самый тяжкій:
Какъ я былъ еще въ Землѣ Арапской,
Бились мы съ арапами удачно;
Да случись какая-то старуха:
Подала она лихой совѣтъ имъ.
По ея проклятому совѣту
Изъ ножонъ они достали сабли
И по всей землѣ ихъ раскидали—
И тогда мы безъ коней остались:
Всѣ они порѣзали копыта;
И живьемъ насъ побрали арапы,
А побравъ, въ темницы побросали.
Девять лѣтъ я просидѣлъ въ темницѣ
Взаперти; не зналъ бы я, не вѣдалъ,

Какъ живутъ на вольномъ свѣтѣ люди,
Ни зимы, ни лѣта я не зналъ бы...
У царя арапскаго въ то время
Дочь была любимая, дѣвица.
И всегда, какъ наступало лѣто,
Приносила мнѣ цвѣтовъ царевна,
Говоря: „возьми себѣ ихъ, Марко,
Въ знакъ того, что лѣто наступило“.
А когда зима смѣняла осень,
Приносила снѣгу мнѣ царевна,
Говоря: „возьми комочекъ снѣгу
Въ знакъ того, что ужъ зима настала“.
Думалъ я: что сдѣлать, чтобы выйдти
Изъ моей темницы ненавистной?
Обманулъ я дѣвушку арапку.
„Если бъ ты—я говорю арапкѣ—
Если бъ ты меня освободила,
На тебѣ бы я тогда женился“.
Поддалась словамъ моимъ арапка
Изъ тюрьмы пустила на свободу.
Дождалась она поры удобной,
Какъ отецъ ея былъ на охотѣ;
Трехъ лихихъ коней взяла арапка,
Понеслись мы съ ней Прилѣпскимъ полемъ.
Встали мы у чистого колодца,
Чтобы тамъ хлебнуть воды студеной.
Я взглянулъ въ то время на арапку,
А у ней лицо черно какъ уголь,
Зубы лишь бѣлѣли при улыбкѣ.
Стало мнѣ и тяжко и противно...
Саблей снесъ я голову арапкѣ.
Каюсь я въ великомъ прегрѣшеньи.
И зачѣмъ я погубилъ арапку,
Для чего ее домой я не взялъ,
Не привезъ ее къ своей старушкѣ?
Какъ сестра, она со мной жила бы,

И грѣха я на душу бы не взялъ!
Взаперти въ своей сырой темницѣ
Я не зналъ что день, что ночь, не зналъ бы
Ни зимы, ни лѣта безъ арапки;
И она меня освободила;
А за-то я смертью отплатилъ ей.
Вотъ грѣхи мои, отцы святые!“
Поднялись священники соборнѣ
И читать евангеліе стали,
Стали пѣть молитвы покаянья
И три дня, три ночи цѣлыхъ пѣли.
И сошелъ—спустился сонъ на Марка;
А когда отъ сна онъ пробудился,
Могъ присѣсть ужъ на одрѣ болѣзни,
Съ той поры все оправлялся Марко
Съ каждымъ днемъ до дня выздоровленья.

Обитель Врачарница.

Жили—были двое добрыхъ братьевъ,
Жили дружно, истинно по-братски;
Сговорились вмѣстѣ пожениться,
Сговорились—оба поженились.
А при нихъ жила сестра родная.
Какъ сестру свою они любили!
Ей они построили свѣтлицу;
Въ той свѣтлицѣ нѣжили сестрицу.
Чтобъ съ сестрой не разставаться, братья
Не хотятъ ее и замужъ выдать.
Думали-гадали злыя снохи,
Какъ бы имъ управиться съ золовкой,
Какъ бы братьевъ развести съ сестрою.
У одной снохи былъ сынъ—ребенокъ.
Вотъ и сговорились тайно снохи:

„Только братья выйдутъ на охоту,
Мы отворимъ сестрину свѣтлицу,
Мы найдемъ у ней въ карманѣ ножикъ,
Имъ зарѣжимъ своего младенца:
Разведемъ мужей съ золовкой нашей“.
И на чемъ сошлись и порѣшилн
Злыя снохи, то и совершили.
Вышли братья какъ-то на охоту;
Жены ихъ тотчасъ пошли въ свѣтлицу,
Взяли у золовки фряжскій ножикъ,
Имъ дитя зарѣзали въ свѣтлицѣ;
Обагривши дѣтской кровью ножикъ,
Положили ножъ въ карманъ заловкѣ,
И свѣтлицу снова затворили;
А золовка такъ и не проснулась.
Занялась заря, настало утро—
И съ охоты братья воротились,
А ихъ жены причитаютъ, воютъ.
Услыхали братья эти вопли,
Обратились къ женамъ: —Ахъ, молодки!
Что такое съ вами приключилось?
Отчего вы распустили косы?
Али нѣтъ въ живыхъ заловки вашей?—
„Ахъ, мужья, одинъ Господь судья вамъ,
Вамъ судья, да и сестрицѣ вашей!
За любовь къ сестрѣ Онъ васъ накажетъ“.
— Что у васъ надѣлала сестрица?—
Испугались, онѣмѣли братья,
Какъ сказали имъ молодки-жены,
Что сестра убила ихъ малютку.
И сказали братья: „Быть не можетъ,
Чтобъ сестра такъ поступила съ нами,
Чтобъ убила нашего малютку“.
А собаки-жены говорятъ имъ:
„Ахъ, мужья, не вѣрите вы? взгляните,
Отворите сестрину свѣтлицу,

Посмотрите на свою сестрицу!“
Идутъ братья въ сестрину свѣтлицу,
Потихоньку отворяютъ двери
И къ сестрѣ своей любимой входятъ,
Но ее не будятъ сразу: тихо,
Кротко будятъ милую сестрицу.
Вотъ она проснулась, испугалась,
Говоритъ своимъ любимымъ братьямъ:
„Ахъ, мои любезные, скажите,
Что за плачъ такой у васъ, родные?“
— „Ахъ, сестра, что сдѣлала ты съ нами!
За любовь за родственную нашу,
Ты убила нашего малютку“.
Испугалась ихъ сестра, смутилась,
Съ перепугу заклиналась Богомъ,
Заклиналась, говорила братьямъ:
„Ахъ, мои родимые, что съ вами?
Что такое вы мнѣ говорите?“—
„Ну, сестра, ужъ если ты невинна,
Такъ достань ты намъ свой фряжкій ножикъ,
Фряжскій ножикъ, кровью омоченной...
Такъ умри жъ и ты насильной смертью!“
Вотъ они сестру на дворъ выводятъ;
Тамъ она взмолилась милымъ братьямъ:
„Ахъ, мои родные, погодите,
Во дворѣ не проливайте крови;
Со двора меня вы уведите,
Отведите дальше, въ лѣсъ зеленый,
На поляну, гдѣ ростетъ дятловникъ,
Тамъ, гдѣ видно дерево сухое,
Тамъ, гдѣ виденъ высохшій источникъ“.
Все о чемъ сестра просила братьевъ,
Все они исполнили: въ зеленый
Лѣсъ свели ее, нашли поляну,
На которой всюду росъ дятловникъ,
Отыскали высохшій источникъ,

Отыскали дерево сухое.
Тамъ сестра сказала братьямъ: „Братья!
Если я у васъ дитя убила—
Никогда источникъ не пробьется,
Дерево сухое не прозябнетъ
И дятловникъ навсегда заглохнетъ;
Если жъ я невинна передъ Богомъ,
То сейчасъ источникъ оживится,
Дерево сухое отродится,
Гдѣ дятловникъ—тамъ обитель будетъ“.
Не успѣла все она промолвить,
Какъ предъ ними дерево прозябло,
Закипѣлъ источникъ вновь водою,
На полянѣ вознеслась обитель.
Тутъ сестра сказала братьямъ: „Братья!
Всѣ, кто чѣмъ теперь ни заболѣетъ,
Пусть идутъ сюда за исцѣленьемъ;
Если жъ ваши жены заболѣютъ,
Девять лѣтъ имъ пролежать въ постеляхъ
Протереть имъ столько же постелей,
Не найти имъ больше исцѣленья;
А придутъ сюда къ моимъ останкамъ—
Передъ ними храмъ святой замкнется,
И вода въ источникѣ изсякнетъ,
И домой вы повернете съ ними,
Понесете ихъ въ болѣзни пущей,
Бросите ихъ на пути-дорогѣ;
Воронья по выклюютъ имъ очи;
Разнесутъ ихъ тѣло злые волки
И костямъ ихъ больше не собраться.
А младенецъ вашъ со мною будетъ.
Ну, теперь меня убейте, братья:
За любовь за родственную вашу
Смерть моя отпустится вамъ, братья“.
И сестру свою убили братья.
Тамъ, гдѣ кровь страдалицы точилась—

Очутилась церковь; тамъ, гдѣ пала
Голова ея—алтарь явился;
Тамъ, гдѣ пали слезы неповинной—
Вдругъ пробился ключъ воды цѣлебной.
Появился тамъ младенецъ-мальчикъ—
Въ ангела младенецъ превратился—
Каждый день служилъ онъ литургію;
Немощные притекали къ храму,
Притекали къ храму—исцѣлялись.
Воротясь домой, застали братья
Злобныхъ женъ своихъ уже больными;
Девять лѣтъ болѣли злыя жены,
Пролежали столько же постелей—
И ничто болѣзнь не облегчало.
Услыхавши какъ-то стороною,
Будто гдѣ-то проявилась церковь
Съ чудною врачующею силой,
Исцѣлявшей тяжкіе недуги—
Говорятъ болѣющія жены,
Говорятъ мужьямъ своимъ: „Пронесся
Слухъ, что будто проявилась церковь
Съ чудною врачующею силой
И съ ключемъ воды живой, цѣлебной;
Будто въ церкви той младенецъ-мальчикъ
Ежедневно служитъ литургію;
Будто въ церковь всѣ идутъ больными,
А домой здоровыми приходятъ.
Если бъ насъ снесли вы къ этой церкви?“
Взяли братья женъ своихъ болящихъ,
Понесли ихъ къ церкви въ лѣсъ зеленый:
Тамъ нашли Врачарницу обитель,
Отыскали ключъ воды цѣлебной,
Услыхали пѣніе младенца;
Но едва приблизилися къ церкви,
Какъ предъ ними затворилась церковь,
Тотчасъ смолкo пѣніе младенца

И изсякъ потокъ воды цѣлебной.
Только тутъ и вспомнилося братьямъ,
Что сестра передъ смертью имъ сказала.
И домой поворотили братья,
Шли они неровною дорогой,
Бросили лукавыхъ женъ дорогой
И сказали: „Вотъ вамъ наказанье!
Вы у насъ сестру сгубили—пусть же
Упадетъ на васъ ея проклятье!“
И у женъ ихъ вороны и галки
У живыхъ выклевывали очи;
Ихъ тѣла растаскивали волки,
А душа въ тѣлахъ еще держалась.
Снова братья на коней вскочили,
Снова къ церкви въ лѣсъ поворотили;
Передъ прахомъ сестреннымъ склонившись,
Говорили ей: „Прости сестрица!“
И сестра простила грѣшныхъ братьевъ!
Отворилась предъ ними церковь;
Снова въ церкви пѣлась литургія.
Оба брата иноками стали
И остались навсегда при церкви.
И стоитъ та церковь и понынѣ
Въ радость всѣмъ радѣющимъ святынѣ.

Сербскія пѣсни.

Марко-Королевичъ и соколъ.

Расхворался Королевичъ-Марко.
Расхворался посреди дороги,
Въ-головахъ копье втыкаетъ въ землю,
За копье коня лихого вяжетъ
И такія рѣчи говоритъ онъ:
„Кабы кто воды мнѣ далъ напиться,
Кабы сѣнь-прохладу мнѣ устроилъ—
Сослужилъ бы вѣрную мнѣ службу,
Не забылъ бы я ея до смерти!"
Вдругъ откуда ни возьмися соколъ,
Подаетъ воды студеной въ клювѣ,
Чтобъ напился Кралевичъ-Марко;
Распростеръ свои надъ Маркомъ крылья
И устроилъ сѣнь ему, прохладу.
Говоритъ ему Кралевичъ-Марко:
„Сизокрылый мой ты, соколъ ясный!
Чѣмъ тебѣ, мой соколъ, услужилъ я,
Что меня водой теперь ты поишь,
Что устроилъ мнѣ ты сѣнь-прохладу?"
Ясный соколъ Марку отвѣчаетъ:
„Аль забылъ ты, Кралевичъ-Марко,
Какъ мы были на Косовомъ полѣ
И терпѣли всякія напасти:
Изловили меня злые турки,
Ятаганомъ крылья мнѣ обсѣкли:
Ты схватилъ меня, Кралевичъ-Марко,
И на елку посадилъ зелену,
Чтобъ меня не растоптали кони;
Далъ мнѣ мяса, чтобы я наѣлся,
Далъ мнѣ крови, чтобы я напился:
Вотъ какое ты добро мнѣ сдѣлалъ,
Вотъ какую сослужилъ мнѣ службу!"

Марко-Королевичъ пашетъ.

Пьетъ вино нашъ Марко-Королевичъ
Съ Евросимой, матерью старухой,
А какъ оба выкушали вдоволь,
Сыну Марку мать возговорила:
„Милый сынъ мой, Марко-Королевичъ,
Откажись, родной отъ богатырства:
Не къ добру ведутъ твои затѣи;
Надоѣло старой мнѣ что вечеръ
Мыть-стирать кровавыя одежды.
Ты возьми-ка лучше плугъ съ волами,
Да вспаши-ко лучше горы и долины,
Позасѣй ихъ бѣлою пшеницей—
Было бъ чѣмъ съ тобой намъ прокормиться“.
Какъ велѣла, такъ и сдѣлалъ Марко:
Впрегъ воловъ онъ въ старый плугъ отцовскій,
Сталъ пахать—не горы и долины,
Сталъ пахать—онъ царскую дорогу.
Глядь—дорогой ѣдутъ янычары,
Ѣдутъ съ грузомъ серебра и злата;
И сказали Марку янычары:
— „Эй, ты, Марко, не паши дорогу!“
— Эй, вы, турки, не топчите пашню!
— „Эй, ты, Марко, не паши дорогу!“
— Эй, вы, турки, не топчите пашню!
А какъ спорить Марку надоѣло,
Ухватился онъ за плугъ отцовскій
И всѣхъ турокъ положилъ на мѣстѣ.
Взялъ съ собой онъ серебро и злато
И отдалъ онъ матери старухѣ:
„Вотъ, что я на пашнѣ заработалъ“!

Соловей.

Соловей мой, соловейко,
Птица малая лѣсная!
У тебя ль у малой птицы
Незамѣнныя три пѣсни;
У меня ль у молодца
Три великія заботы!
Какъ ужъ первая забота—
Рано молодца женили;
А вторая-то забота—
Воронъ конь мой притомился;
Какъ ужъ третья-то забота—
Красну дѣвицу со мною
Разлучили злые люди.
Выкопайте мнѣ могилу
Во полѣ, полѣ широкомъ,
Въ головахъ мнѣ посадите
Алы цвѣтики-цвѣточки,
А въ ногахъ мнѣ проведите
Чисту воду ключевую.
Пройдутъ мимо красны дѣвки,
Такъ сплетутъ себѣ вѣночки,
Пойдутъ мимо стары люди,
Такъ воды себѣ зачерпнутъ.

Конь.

Свѣтлолица, черноброва,
Веселѣе бѣла дня,
Водитъ дѣвица лихого
Опѣненнаго коня;

Гладитъ гриву вороного
И въ глаза ему глядитъ:
„Я коня еще такого
Не видала“—говоритъ.
„Чай, коня и всадникъ стоитъ...
Только онъ тебя наврядъ
Вдоволь холитъ и покоитъ...
Что онъ—холостъ аль женатъ?“
Конь мотаетъ головою,
Бьетъ ногою, говоритъ:
„Холостъ—только за душою
Думу крѣпкую таитъ.
Онъ со мною, стороною,
Заговаривалъ не разъ—
Не послать ли за тобою
Добрыхъ сватовъ въ добрый часъ“.
А она въ отвѣтъ, краснѣя:
„Я для добраго коня
Стала бъ сыпать, не жалѣя,
Полны ясли ячменя;
„Стала бъ розовыя ленты
Въ гриву черную вплетать,
На попону позументы
Съ бахромою нашивать;
„Въ вѣчной холѣ, безъ печали
Мы бы зажили съ тобой...
Только бъ сватовъ высылали
Поскорѣе вы за мной“.

Женитьба воробья.

Какъ задумалъ воробей жениться,
Сталъ онъ сватать дѣвицу-синицу:
Три раза онъ по полю пропрыгалъ,
И четыре по горѣ высокой—
Сваталъ, сваталъ, наконецъ сосваталъ.
Взялъ въ дружки онъ пѣгую сороку,
Въ деверья хохлатую чекушку,
Въ посаженые отцы витютня,
Въ кумовья болотную чапуру,
А въ прикумки птицу шевермогу.
Собирались сваты по невѣсту,
И дошли до ней благополучно,
Но какъ стали возвращаться къ дому
И пошли черезъ Косово поле,
Говоритъ имъ такъ синица-птица:
„Не шумите, господа вы сваты,
Вы не спорте, громко не гуторьте,
А не то ударитъ съ неба копчикъ
И отыметъ онъ у васъ невѣсту“.
Только что она проговорила,
Какъ откуда ни возьмися копчикъ,
Ухватилъ дѣвицу онъ синицу;
Кто—куда, всѣ сваты разбѣжались:
Самъ женихъ въ овсяную солому,
А дружко-сорока на березу.

Чешскія пѣсни.

Гуситская пѣсня.

Близокъ, братья, день желанный!
Засіяло наше солнце!
Огласились старымъ кликомъ
Наши долы, наши горы!
Возродился чехъ старинный,
А съ нимъ духъ и всякій свычай,
Всякій свычай и обычай
Старочешскій!
О, старый чехъ всегда готовъ
На зовъ друзей, на зовъ враговъ—
На свѣтлый пиръ, на страшный бой,
На смертный бой!
Аминь! услыши Господи!
Потрудись за насъ, святой Вячеславъ,
Нашъ заступникъ во скорбяхъ!
О, когда завѣтъ отцовскій
Сохранимъ мы нерушимо—
Слава Чехіи не сгинетъ
И возстанетъ левъ нашъ бѣлый;
Чуть враги его заслышатъ,
Какъ медвѣди встрепенутся
И подъ нашу пѣснь запляшутъ,—
Какъ заслышутъ.
О, старый чехъ всегда готовъ
На зовъ друзей, на зовъ враговъ—
На свѣтлый пиръ, на страшный бой,
На смертный бой!
Аминь! услыши Господи!
Потрудись за насъ святой Вячеславъ,
Нашъ заступникъ во скорбяхъ!

Гей славяне!

Гей влавяне, гей славяне!
Будетъ вамъ свобода,
Если только ваше сердце
Бьется для народа.
Громъ и адъ! что ваша злоба,
Что всѣ ваши ковы,
Коли живъ нашъ духъ славянскій!
Коль мы въ бой готовы!
Далъ намъ Богъ языкъ особый—
Врагъ то разумѣетъ:
Языка у насъ во-вѣки
Вырвать не посмѣетъ.
Пусть нечистой силы будетъ
Болѣе сторицей:
Богъ за насъ и насъ покроетъ
Мощною десницей.
Пусть играетъ вѣтеръ, буря,
Съ неба грозы сводитъ,
Треснетъ дубъ, земля подъ ними
Ходунумъ заходитъ:
Устоимъ одни мы крѣпко,
Что градскія стѣны.
Проклятъ будь, кто въ это время
Мыслитъ про измѣны!

Вѣнокъ.

Какъ подулъ, повѣялъ вѣтеръ
Изъ дубравы княженецкой—
Прибѣжала красна дѣвка
Зачерпнуть воды на рѣчку.
Глядь, а къ ней вѣнокъ зеленый
По волнѣ плыветъ студеной;
Перевитъ вѣнокъ цвѣтами,
Алой розой, васильками.
Вотъ она ведро становитъ
И вѣнокъ зеленый ловитъ,
Да ловивши, оступилась,
Въ воду съ берега скатилась.
„Кабы вѣдала я, знала,
Чья рука тебя сажала,
Мой вѣнокъ вѣнокъ зеленый,
Я тому позолоченый
Подарила бы въ гостинецъ
Дорогъ-перстень на мизинецъ.
Кабы вѣдала я, знала,
Чья рука тебя срывала,
Тонкимъ шелкомъ увивала,—
Я тому бы втихомолку
Изъ косы дала иголку.
Кабы вѣдала я, знала,
Чья рука тебя кидала,
Мой вѣнокъ, вѣнокъ зеленый,
На просторъ волны студеной,
Я дала бъ тому вѣночекъ—
Пусть надѣнетъ милъ-дружочекъ!“

Подъ окошкомъ.

Ночь пройдетъ—знакомой мнѣ
Обойдя дорожкой;
Запою я, въ тишинѣ,
Подъ твоимъ окошкомъ:
„Спи, мой ангелъ! Добрый сонъ!
Пусть тебя лелѣетъ онъ!
„Будь онъ сладокъ, какъ твоя
Золотая младость!
Кто жъ приснится? Если я—
Улыбнись, какъ радость!
Спи, мой ангелъ! Добрый сонъ!
Пусть тебя лелѣетъ онъ!“

Жаворонокъ.

Коноплю красна дѣвица
Въ огородѣ барскомъ полетъ.
„Что смутна ты, что печальня!“
Дѣвѣ жаворонокъ молвилъ.
„Какъ могу я жить весельемъ,
Птица-жаворонокъ малый?
Моего милова друга
Посадили въ крѣпкій замокъ!
„Кабы мнѣ перо, бумаги:
Написала бы я къ другу
И съ тобой бы въ ту сторонку
Я письмо свое послала.
„Нѣтъ пера и нѣтъ бумаги!
Такъ лети жъ одинъ отсюда:
Спой ты пѣсню дорогому
Про мою тоску—кручину!“

Разсвѣтъ.

Люди мнѣ сказали;
„Будто время къ ночи!“
А то зачернѣли
Моей милой очи.
Люди мнѣ сказали:
„Зорька на востокѣ!“
А то загорѣлись
Моей милой щеки.
Люди мнѣ сказали:
„Проглянуло солнце!“
А то поглядѣла
Милая въ оконце.

Моравскія пѣсни:

Печаль.

Ужъ не быть тому во-вѣки, что прошло, что было,
Не свѣтить, знать, красну солнцу, какъ оно свѣтило!
Не знавать мнѣ прежней доли съ прежней мочью-силой,
На конѣ своемъ удаломъ, знать, не ѣздить къ милой!
Мнѣ свѣтило красно солнце въ малое оконце,
А теперь свѣтить не хочетъ, частый дождикъ мочитъ;
Частый дождикъ, непогода, бьетъ стучитъ въ окошко
Заросла къ моей любезной торная дорожка,
Заросла она кустами, заросла травою,
Съ той поры, какъ я спознался съ милою другою.

Старый мужъ.

У молодки Наны
Мужъ, какъ лунь, сѣдой...
Старый мужъ не вѣритъ
Женкѣ молодой:
Разомъ домекнулся,
Что не будетъ прокъ—
Глазъ съ нея не спуститъ;
Двери на замокъ.
„Отвори каморку—
Я чуть-чуть жива:
Что-то разболѣлась
Сильно голова—
„Сильно разболѣлась,
Словно жаръ, горитъ...
На дворѣ погодно:
Можетъ, освѣжитъ?“

—Что жъ открой окошко,
Прохладись, мой свѣтъ!—
„Хороша прохлада,
Коли друга нѣтъ!“
Нана замолчала,
А въ глухой ночи
Унесла у мужа
Старого ключи.
„Спи, голубчикъ, съ Богомъ,
Спи, да почивай!“
И ушла тихонько
Въ дровяной сарай.
—Ты куда ходила,
Нана, со двора?
Волосы—хоть выжми;
Шуба вся мокра...
„А телята наши
Со двора ушли.
— Да куда жъ?—„къ сосѣдкѣ
Въ просо забрели.
„Загнала на силу—
Разбѣжались всѣ...
Я и перемокла,
Ходя по росѣ“.
Видно, лучше съ милымъ
Хоть дрова щепать,
Чѣмъ со старымъ мужемъ
Золото считать.
Видно, лучше съ милымъ,
Голая доска,
Чѣмъ со старымъ мужемъ
Два пуховика.

Смерть матери.

„Тятенька-голубчикъ, гдѣ моя родная?"
—Померла, мой свѣтикъ, дочка дорогая!
Дочка побѣжала прямо на могилу,
Рухнулася на земь, молвитъ черезъ силу:
„Матушка родная, вымолви словечко!"
—Не могу: землею давитъ мнѣ сердечко.
„Я разрою землю, отвалю каменья:
Вымолви словечко, дай благословенье!"
—У тебя есть дома матушка другая.
„Охъ, она не мать мнѣ—мачиха лихая!
„Только зубы точить на чужую дочку:
Щиплетъ, коли станетъ надѣвать сорочку;
„Чешетъ, такъ подъ гребнемъ кровь ручьемъ сочится;
Рѣжетъ ломоть хлѣба—ножикомъ грозится!"

Словацкія пѣсни.

Изгнаніе.

Свѣтлая ты рѣчка,
Рѣчка ты Влетава!
Наше ты веселье,
Красота и слава!
Красное ты мѣсто,
Прага дорогая,
Нашъ престольный городъ,
Родина святая!
Да что намъ Влетава,
Что намъ наша Прага,
Коли въ насъ угасла
Сила и отвага!
Изъ дому насъ гонятъ,
Все у насъ побрали,
Только лишь съ собою
Библію мы взяли.
Татры, горы-скалы!
Къ вамъ идемъ мы въ гости:
Здѣсь намъ жить въ ущельяхъ,
Здѣсь мы сложимъ кости!

Собесскій и турки.

Погодите, братцы;
Перейдетъ Собесскій,
Перейдетъ Собесскій
Черезъ холмъ Силезскій—
Черезъ холмъ Силезскій,
Черезъ Бѣлу гору—
Черезъ Бѣлу гору,

На червонномъ конѣ—
На червонномъ конѣ,
Съ золотымъ контаромъ,—
Съ золотымъ контаромъ,
На помощь гусарамъ—
На помощь гусарамъ,
На защиту Вѣны;
Тогда только суньтесь,
Турки—басурманы!

Бѣлградъ.

Конь подъ Бѣлградомъ стоитъ вороной;
На немъ сидитъ,
Кровью покрытъ
Миленькій мой.
Знаешь ли, мила, какъ битва живетъ?
Видишь: съ меня,
Видишь: съ коня
Кровь такъ и льетъ!
Знаешь ли, мила, что нашъ обѣдъ?
Наша ѣда—
Хлѣбъ да вода:
Вотъ нашъ обѣдъ!
Знаешь ли, мила; гдѣ буду я спать?
Тамъ гдѣ убьютъ,
Тамъ погребутъ,
Тамъ мнѣ лежать!
Знаешь ли, кто у меня звонаремъ?
Раненыхъ стонъ,
Сабельный звонъ,
Пушечный громъ!

Хорутанскія пѣсни.

Преступникъ.

Въ ночь осеннюю, глубокую
Взяли бѣднаго меня,
И, связавши крѣпко на крѣпко,
Посадили на коня.
До тюрьмы по полю чистому
Мчался конь, какъ только могъ;
Тамъ былъ сброшенъ я пандурами
И посаженъ подъ замокъ.
Въ подземельѣ томъ губительномъ
Было царство вѣчной тьмы:
Да избавитъ Богъ преступника
Отъ неволи и тюрьмы?
Солнце, мѣсяцъ, звѣзды яркія,
Хоть бы разъ на васъ взглянуть?
И на Божій свѣтъ я выглянулъ,
Отправляясь въ дальній путь:
Снова по полю далекому
Волокли меня—везли,
Съ колесницы сняли траурной,
На подмостки привели.
Тамъ толпы народа празднаго
Собралися посмотрѣть
На преступника несчастнаго,
На позоръ его и смерть.
Вотъ примѣръ вамъ, други, недруги!
Не живите, братцы, такъ:
Не живите въ ссорѣ съ совѣстью,
Такъ, какъ прожилъ я, бѣднякъ!
Вотъ священникъ кончилъ исповѣдь
И палачъ передо мной...
Хочешь, нѣтъ ли, а приходится
Познакомиться съ петлей...

Лишь сороки бѣлобокія
Станутъ вкругъ меня летать,
Кудри длинные, измятые
Будутъ холить и чесать.
Пусть слетятся злые вороны,
А не ангелы съ небесъ,
И растащатъ тѣло грѣшное,
Унесутъ въ дремучій лѣсъ!
Пусть растащутъ тѣло грѣшное,
Только, Господи, подай
Миръ душѣ безсмертной въ вѣчности
И прими въ свой свѣтлый рай!

Сиротка Ерица.

„Встань, вставай же, Ерица!
Что воловъ не гонишь ты
Со двора на пастбище!“
—„Подожди ты, матушка,
Нѣтъ еще заутрени,
Не пропѣлъ пѣтухъ еще!“
—„Встань, вставай же Ерица!
Что воловъ не гонишь ты
Со двора на пастбище!“
Тотчасъ встала Ерица—
И воловъ гнала она
Со двора на пастбище.
„Здѣсь, волы, паситеся!
Забѣгу я къ матери
На кладбище тихое...
Отворись, сыра земля
На могилѣ матери:
Все тебѣ я выскажу,
Свое горе выплачу!“

И могила вскрылася;
Ерица заплакала,
Говорила матери:
„Матушка родимая!
Мнѣ досталась мачиха
Злая, нелюбимая:
Не звонятъ къ заутрени,
Не поетъ пѣтухъ еще,
Будитъ меня мачиха
Гнать воловъ на пастбище;
При тебѣ лежала я
На постелькѣ прибраной
До восхода солнышка,
Матушка родимая!
Мнѣ досталась мачиха
Злая, нелюбимая:
Хлѣбъ печетъ—зола одна,
Посолитъ—пескомъ однимъ,
Рѣжетъ хлѣбъ, жалѣючи,
Ломотками тонкими—
Все сквозь нихъ виднѣется—
Да и то съ упреками.
Ты кормила хлѣбушкомъ
Бѣлымъ, не жалѣючи,
Хлѣбъ тотъ масломъ мазала,
Подавала съ радостью.
Матушка родимая!
Мнѣ досталась мачиха
Злая, нелюбимая:
Станетъ ли расчесывать
Косу мою длинную
Растеребитъ до крови;
Ты любила, матушка,
Косу мнѣ расчесывать
Тихо, гладко, съ ласкою.
Матушка родимая!

Мнѣ досталась мачиха
Злая, нелюбимая:
И постель не стелетъ мнѣ,
Не взобьетъ, какъ слѣдуетъ;
Не подушку мягкую—
Тернъ кладетъ мнѣ въ голову
Одѣяло жесткое
Все пескомъ посыпано;
Ты взбивала, матушка,
Каждый день постель мою.
Матушка родимая
Я ужъ не вернусь домой!
Говоритъ покойница
Изъ могилы Ерицѣ:
„Перебейся, Ерица!
Уповай на Господа!“
—„Матушка родимая!
Не пойду я къ мачихѣ:
Я съ тобой останусь,
Лягу въ землю черную!“
Опускалась Ерица
На могилу матери,
Опускаясь, молвила:
„Лучше мать-покойница, —
Чѣмъ живая мачиха!“
Только это молвила
И съ душой разсталася.

Лужицкія пѣсни.

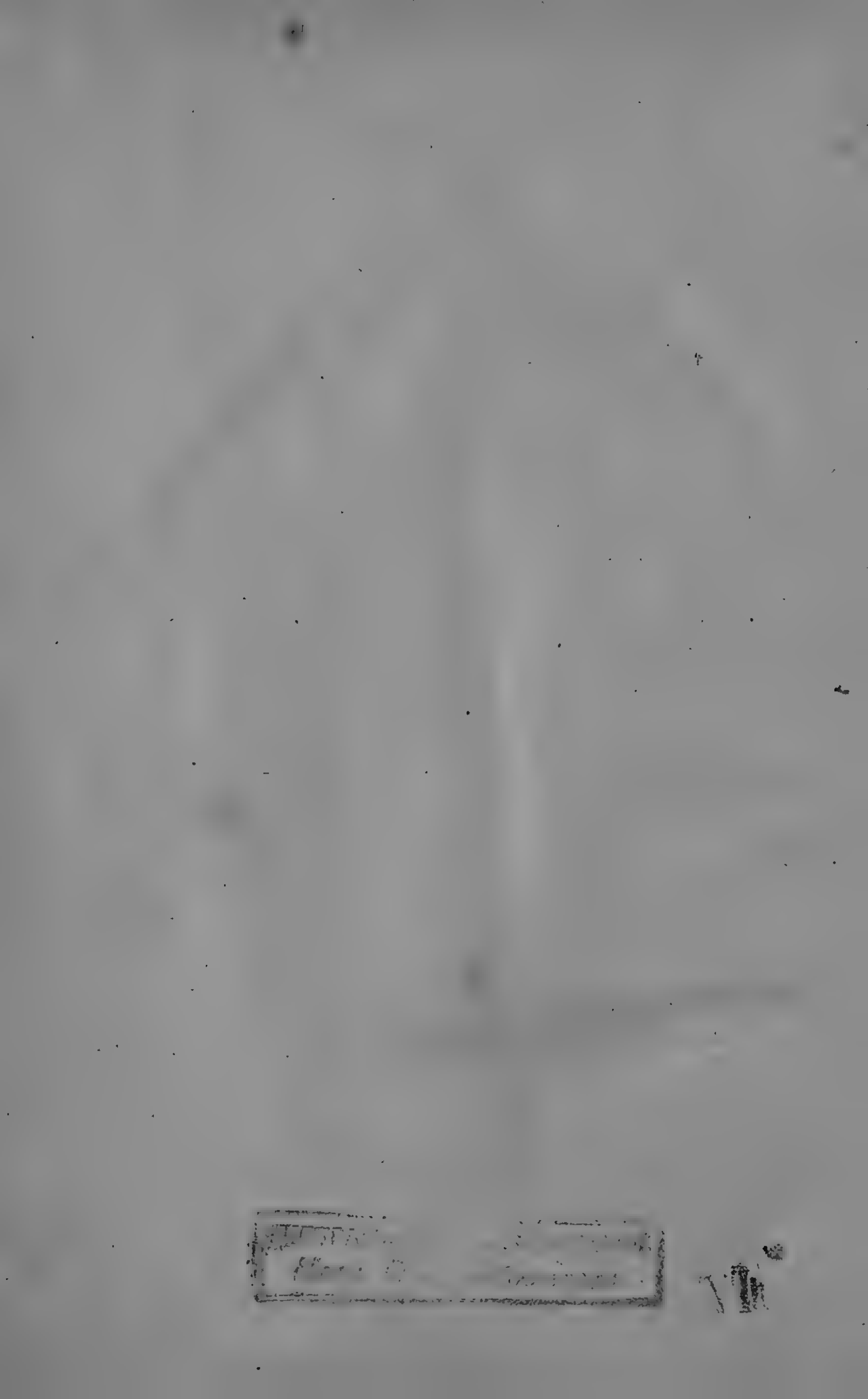
Легенда.

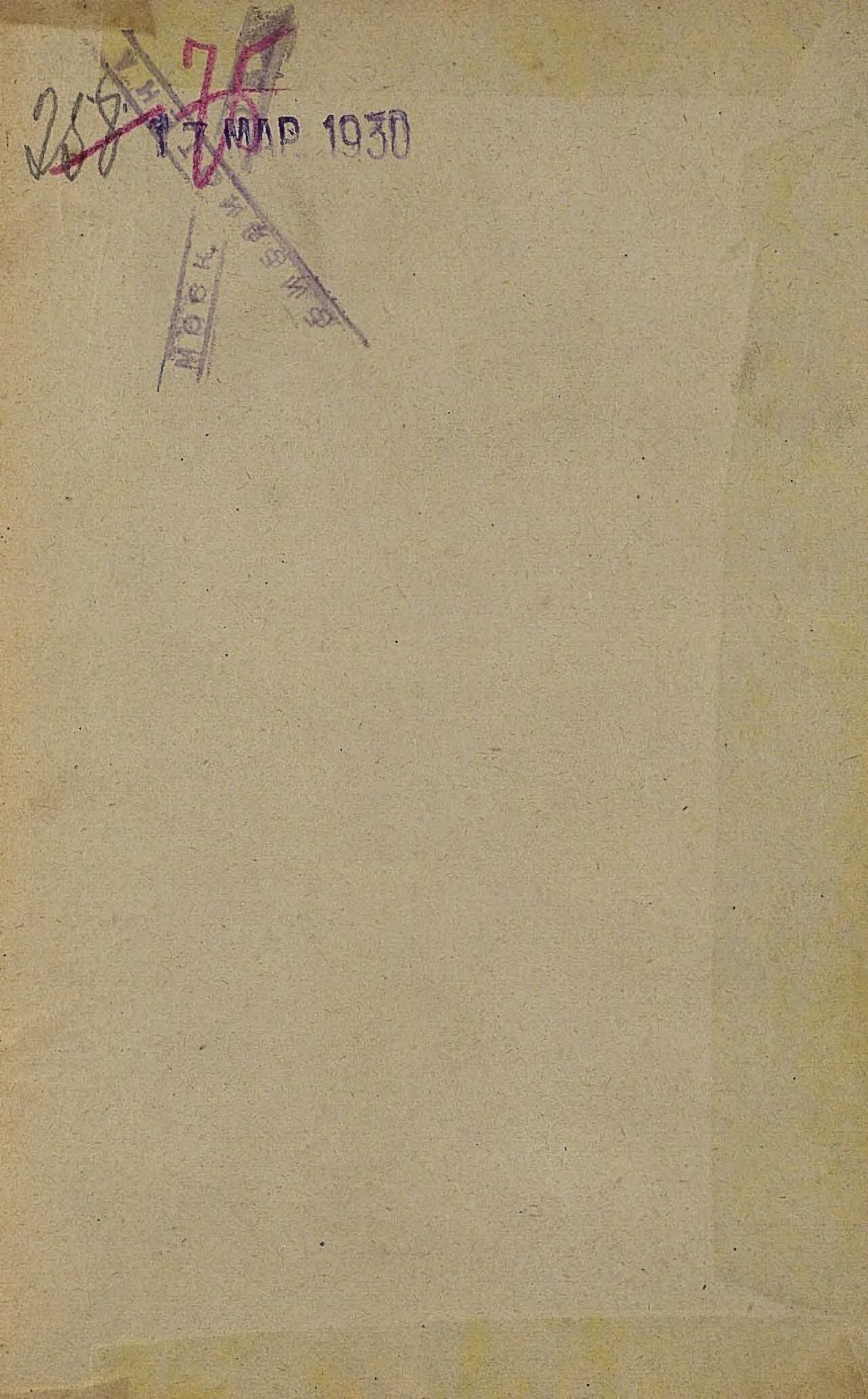
Пускай узнаетъ цѣлый свѣтъ,
Что было въ Униграхъ за сто лѣтъ.
Жилъ въ Варадинѣ славный князь—
И дочь у князя родилась;
Лицомъ пригожа и свѣтла
Новорождення была.
Когда же стала подростать,
Не шла съ подругами играть;
Но въ божьихъ храмахъ день и ночь
Молилась княжеская дочь.
Минуло ей шестнадцать лѣтъ—
Она даетъ святой обѣтъ:
Оставить міра суету
И посвятить себя Христу.
Но слышитъ вѣсти отъ родныхъ,
Что къ ней присватался женихъ,
Что красотой ея плѣненъ
Одинъ владѣтельный баронъ.
И соглашаются отдать
Ему ее отецъ и мать;
Но дочь одно твердитъ въ отвѣтъ:
„Дала я Господу обѣтъ
Весь вѣкъ не вѣдать брачныхъ узъ;
Одинъ женихъ мой—Іисусъ!“
Но ей отецъ, возвысивъ голосъ:
„Ты наша дочь—и слушай насъ!“
И дочь, покорствуя отцу,
Пошла готовиться къ вѣнцу,
Кротка, спокойна и тиха,
Но не глядитъ на жениха.
Когда жъ оконченъ былъ обрядъ,
Она ушла тихонько въ садъ

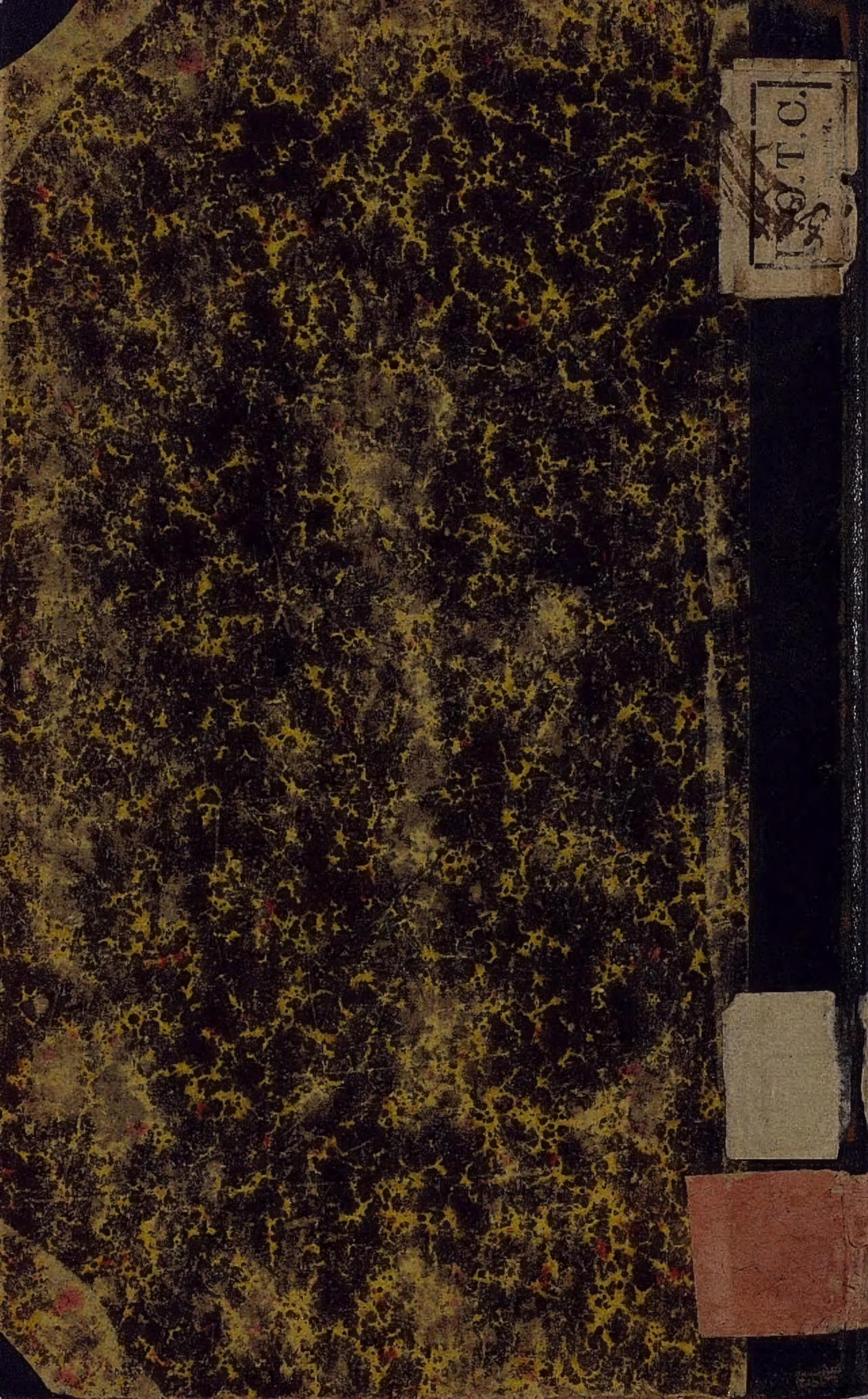
Къ своимъ возлюбленымъ цвѣтамъ,
И на колѣни пала тамъ,
И говорила такъ, молясь:
„Услыши, Господи, мой гласъ,
И укрѣпи во мнѣ, Господь,
Изнемогающую плоть!“
И передъ нею Онъ предсталъ,
И страхъ невѣсту обуялъ;
Но подалъ Онъ десницу ей—
И стала вдругъ она смѣлѣй,
И новыхъ силъ живой родникъ
Ей въ душу слабую проникъ.
И кротко въ очи ей смотря,
Господь вѣщалъ ей, говоря:
„Возьми свой перстень золотой,
Залогъ любви моей святой!“
Невѣста розу сорвала
И жениху ее дала,
Предъ нимъ колѣни преклоня:
„Прими залогъ и отъ меня!“
И обрученные пошли,
Срывая розаны съ земли;
А онъ, на ней покоя взглядъ,
Сказалъ: „Пойдемъ въ Мой вертоградъ!“
И, взявъ, повелъ ее съ собой.
И шли они рука съ рукой,
И въ вертоградъ къ Нему пришли,
Гдѣ розы пышныя цвѣли,
Алоэ, нардъ и киннамонъ,
И раздавался нѣкій звонъ
Золотострунныхъ райскихъ лиръ,
И пѣлъ святыхъ избранный клиръ.
И доведя ее до вратъ,
Онъ рекъ: „ты зрѣла вертоградъ!
Иди—пора тебѣ домой—
И миръ—дабудетъ надъ тобой!“

И опечалилась княжна:
Глядитъ—опять стоитъ она
Предъ Варадиномъ у воротъ,
И стража кличетъ: „Кто идетъ?"
Она, сробѣвъ и устыдясь,
Даетъ отвѣтъ: „Отецъ мой князь;
Объ немъ извѣстенъ городъ весь:
Онъ воеводой главнымъ здѣсь!
Но возражаетъ стража ей:
„У воеводы нѣтъ дѣтей!"
Она же имъ твердитъ одно:
„Онъ воеводой здѣсь давно!"
И взявъ, привратники ведутъ
Ее къ судьямъ своимъ на судъ;
Тѣ стали спрашивать ее,
Она же имъ опять свое:
„Отецъ мой князь!" она твердитъ:
„Онъ воеводой здѣсь сидитъ".
И диву судьи всѣ дивились,
И рыться въ книгахъ принялись,
И тамъ прочли они въ отвѣтъ,
Что въ Варадинѣ за сто лѣтъ,
На праздникъ въ свадебную ночь,
Пропала княжеская дочь.
И судьи всѣ рѣшили такъ,
Что это вышней воли знакъ.
И, внявъ княжнѣ, они пошли
И ей пастора привели:
И, осѣнясь его крестомъ,
Она почила вѣчнымъ сномъ,
Тиха, спокойна и ясна,
И благолѣпія полна.
Тому внимая, всякій чти
Святые Господа пути,
Зане Живый на небесахъ
И многомилостивъ, и благъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

17 МАР 1930

O.T.C.